

Алексей Филатов

КРЕЩЁННЫЕ НЕБОМ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Книга-лауреат журналистской премии
Артема Боровика

16+

Алексей Филатов

**Крещённые небом.
Издание второе**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Филатов А.

Крещённые небом. Издание второе / А. Филатов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-97114-1

Книга о людях, которые служили Родине, не претендую на почести и славу. О героях, чьи имена при жизни в силу специфики службы оставались неизвестными, так что даже награды им вручали закрытыми указами. Непредвзятость, искренность и точность изложения — безусловные достоинства этой книги. Но создавалась она не только и не столько ради исторической правды. Главное в ней — люди. Такие, какими их запомнили друзья, родные, сослуживцы. Авторами некоторых очерков являются родственники погибших и даже бывшие заложники — такие как сёстры Кусовы, выпускницы школы № 1 города Беслана. Во второе издание вошли двенадцать новых очерков. Многие очерки из первого издания полностью переработаны, добавлены факты, уточнены детали.

ISBN 978-5-532-97114-1

© Филатов А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Предисловие ко второму изданию	5
Буква «А»	7
На чужой земле	9
«Мне до всего есть дело...»	24
Засада в тарском ущелье	34
В прицеле горячей осени	42
От пехлеца до святого креста	54
Два Дмитрия	80
Фрунзенский стипендиат	96
По долгу дружбы	106
Смертельный «адрес»	116
Смертию смерть поправ	127
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Алексей Филатов

Крещённые небом. Издание второе

Предисловие ко второму изданию

Вы держите в руках второе издание «Крещённых небом». За те восемь лет, что прошли с момента выхода первого, на Аллее спецназа, что на Николо-Архангельском кладбище в подмосковной Балашихе, прибавилось немало имён. Появились новые очерки и в этой книге. Да, война с терроризмом ещё не окончена, и на её фронтах, подчас далёких, продолжают гибнуть наши ребята. Но всё чаще уходят и ветераны, многие несправедливо рано. Недаром год службы в спецназе засчитывают за полтора! А кто сосчитал, сколько лет жизни отнимают непрерывные перегрузки и стрессы, многочасовые засады, когда нервы натянуты до предела и каждую секунду ждёшь команды или выстрела с той стороны? И в спецназе люди сделаны не из железа...

Готовя это издание, я общался с сослуживцами, друзьями и близкими ушедших товарищей, перепроверял факты, уточнял детали. И лишний раз убедился, что не зря взялся за эту работу. Уходят люди, а с ними уходит целый пласт истории – не только нашего подразделения, но и истории страны. Да и в памяти живых многое стирается, так что уже сейчас трудно воссоздавать события двадцати-тридцатилетней давности, а скоро и они канут в лету. Поэтому сохранить их важно не только как память об ушедших героях, но и как документ эпохи, живую историю – через жизнь тех, кто оказался на самых крутых её изломах.

До событий 1991 года в Вильнюсе о Группе «А» знал лишь узкий круг посвящённых. После обнародования в СМИ секретных сведений о её составе и предательства президента СССР Горбачёва, заявившего, что Группа действовала без его ведома, началась кампания по её шельмованию и травле. Были даже опубликованы фото и имена её сотрудников с призывами к расправе. С тех пор на страницы изданий было вылито немало лжи, которая легко сходила за истину, поскольку самим сотрудникам было запрещено разглашать подробности спецопераций. Сегодня, когда завеса секретности отчасти снята, воспоминания ветеранов проливают свет на события прошлых лет.

Непредвзятость, искренность и точность изложения – безусловные достоинства этой книги. Но создавалась она не только и не столько ради исторической правды. Главное в ней – люди. Такие, какими их запомнили друзья, родные, сослуживцы. Авторами ряда очерков являются родственники погибших и даже бывшие заложники – такие как сёстры Кусовы, выпускницы школы № 1 города Беслана. В этом тоже уникальная особенность этой книги.

Во второе издание вошли двенадцать новых очерков. Многие очерки из первого издания полностью переработаны, добавлены факты, уточнены детали. В ходе работы над моей новой книгой «Будёновский рубеж», вышедшей в 2020 году, выяснились некоторые новые подробности операции в Будённовске в 1995 году. Они вошли в очерки, посвящённые майору Соловову и лейтенантам Рябинкину и Бурдяеву, погибшим при штурме захваченной боевиками больницы.

Всего в новой книге более сорока фамилий – от молодых сотрудников до ветеранов первого набора. Их судьбы – живая история самого подразделения, в котором начиная с 1974 года сменилось уже несколько поколений. Я благодарен родственникам и друзьям ушедших товарищей за их вклад в подготовку этого издания. Во многом благодаря их усилиям продолжается начатая мною десять лет назад летопись героев «Альфы». Но в ней ещё не все имена, и я готов продолжать этот труд и призываю всех, кто готов внести свой посильный вклад в наше общее дело, присылать свои замечания, заметки и предложения по новым героям моей книги.

«Альфа» во все времена являлась элитой своей страны. Элитой настоящей, не самозванной. Ею не рождаются, ею становятся. Но прежде – её воспитывают. Вот почему нам так важен героический пример тех, кто недавно сам мечтал быть похожим на героев своих любимых книг. И пусть эта книга, созданная самой «Альфой», станет своего рода учебником чести и мужества как для молодых офицеров, так и для всего подрастающего поколения России!

Алексей ФИЛАТОВ

Буква «А»

*Нам буква «А» дана не по уставу,
Она не просто украшение рукава.
Она на сердце у всего состава,
Написанная кровью буква «А».*

Леонид Якубович

Эта книга о людях, которые служили Родине, не претендуя на почести и славу. О героях, чьи имена при жизни в силу специфики службы оставались неизвестными, так что даже награды им вручали закрытыми указами. О наших товарищах, за которых мы поднимаем третий тост.

Группе «А» без малого полвека. Вместе со страной её сотрудники пережили разруху и нищету, боль и унижение, растерянность и отчаяние, когда вмиг исчезло государство, которому они давали присягу, а новая власть боялась и ненавидела тех, кто в эти смутные времена сохранил офицерскую честь и верность Родине.

Да, бойцы антитеррора оставались вне политики. И в самые тяжёлые для страны дни, под градом чудовищной лжи и в условиях откровенной травли со стороны ряда политиков и СМИ, они продолжали выполнять свой долг, ценой своей жизни спасая людей, как это было у Белого дома в Москве в 1993-м, в Будённовске в 1995-м, на Дубровке в 2002-м, в Беслане в 2004-м и в других операциях, многие из которых описаны на страницах этой книги.

Не секрет, что после разрушения СССР «Альфу» покинула часть личного состава. Но тем весомее вклад тех, кто остался, и тех, кто пополнил её ряды, посвятив жизнь служению Родине. Благодаря им не разорвалась связь поколений, а подразделение сохранило свой дух, неписанные законы элиты спецназа. Их доблесть и отвагу – как павших, так и живых – свято чтут наши ветераны, действующие сотрудники и их родные, – все те, чья судьба соприкоснулась с Группой «А».

Сегодня ряды «альфовцев» пополняют лучшие из лучших: несмотря на жёсткий отбор, конкурс в подразделение очень большой. Молодые офицеры стремятся попасть в боевые отделы Управления «А» ЦСН ФСБ России, хорошо понимая, что на службе они могут получить увечье или даже потерять самое ценное, что им дано на этой земле – жизнь.

Меня часто спрашивают: что заставляет этих людей добровольно рисковать своими жизнями, в мирное время выбирать такую опасную профессию? В поисках ответа заводят разговор про деньги, социальные льготы, награды...

И я ловлю себя на мысли, что мы с ними друг друга не понимаем. Наверное, чтобы до конца понять, что такое Группа «А», надо самому пройти через эту службу, поглощающую твоё тело и душу без остатка. Когда в тренировках каждый день испытываешь себя на прочность. Когда боевой командировки ждёшь, как выхода на сцену. Когда высший восторг – вступить в схватку с врагом, а худшее наказание – не выйти на задание со своими товарищами.

Спустя годы после увольнения в запас, я, вспоминая свою работу во многих коллективах до и после «Альфы», пообщавшись с представителями различных социальных слоёв, политических взглядов и вероисповеданий, могу совершенно точно сказать, что таких сильных эмоций, такого драйва от настоящей мужской дружбы, успешно проведённой боевой операции и благодарного взгляда спасённого тобой человека, я не испытывал нигде. Годы службы в Группе «А» – лучшие годы моей жизни.

Уверен, так считает каждый, кто служил в «Альфе». И наше братство останется с нами навсегда, как и наша память об ушедших товарищах.

Ощущение незавершённого дела не покидало меня, пока не была написана эта книга. Теперь я отдал свой долг. Память об их жизни и подвиге живёт в тысячах экземплярах этого издания. И, верю, будет жить в сердцах наших потомков.

Вечная слава героям!

Алексей ФИЛАТОВ

На чужой земле

Капитан ВОЛКОВ Дмитрий Васильевич (1947–1979)

Капитан ЗУДИН Геннадий Егорович (1937–1979)

Москва, декабрь 1979-го. До Нового года оставалось десять дней. Наконец-то на смену уже порядком надоевшей слякоти пришла настоящая зима. По всему городу открылись ёлочные базары. Люди толкались в магазинах, запасая продукты к праздничному столу. В парках заливали катки, площади украшали флажками и гирляндами. Москва жила обычной предпраздничной суетой.

Но в окнах третьего этажа массивного здания на площади Дзержинского¹ свет горел отнюдь не по случаю праздника. В кабинете Председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова шло очередное совещание. Там решали судьбу страны – уже в который раз за этот нелёгкий для неё 1979 год. Страна называлась – Афганистан.

За идеалистом – диктатор

Впервые слово «Афганистан» прозвучало в наших высоких кабинетах в апреле 1978 года, когда после танковой атаки поддерживающих оппозицию частей афганской армии на дворец президента Дауда и Министерство обороны власть в Кабуле перешла в руки Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) во главе с Генеральным секретарём ЦК Нуром Мохаммадом Тараки. Социалистическая революция в этой горной стране у наших южных границ стала сюрпризом для всего мира, в том числе и для руководства СССР.

В июле 1978 года с Тараки в Кабуле встретился начальник Первого главного управления КГБ Владимир Крючков². Общение с новым лидером произвело на него тягостное впечатление. *«Я слушал и просто диву давался: прошло всего каких-то три месяца после апрельской революции, а афганское руководство, включая президента, уже вознеслось до небес, потеряло всякое чувство реальности. Тараки рассуждал о том, что НДПА, решившись на революцию и*

¹ Ныне Лубянская площадь.

² Владимир Александрович Крючков (1924–2007) – советский государственный деятель. Председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг. Один из ближайших соратников Юрия Андропова.

добившись победы, была права исторически, а вот Москва со своим скептицизмом – как раз нет. «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, в Афганистане будет осуществлено за пять лет», – восклицал президент. На вопрос, какой будет позиция новой власти в отношении ислама, последовал примечательный ответ: «Приезжайте к нам через год – и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми». Пожалуй, одного этого заявления было достаточно для того, чтобы понять: новый режим обречён», – запишет он в своих мемуарах^[39].

Вот почему первые месяцы руководство СССР избегало всяческих оценок и заявлений в отношении нового афганского правительства, и только осенью Брежнев заявил о поддержке Демократической Республики Афганистан. А 5 декабря 1978 года в Кремле, во время визита делегации во главе с Тараки, между СССР и ДРА был подписан «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве». В числе прочего он предусматривал и «меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран», что давало юридические основания для оказания военной помощи новой власти.

Однако впервые вопрос о такой помощи встал на повестку дня после мятежа в Герате весной 1979 года³. Тогда уже стало очевидно, что гражданская война в республике не затихает, а разгорается, причём при активной поддержке спецслужб Великобритании и США. Но в тот момент Юрий Владимирович Андропов категорически воспротивился идее «воевать за афганцев», однако помочь техникой, оружием и советниками по линии КГБ согласился. Помимо создания в частях афганской армии отделов военной контрразведки, была усилена и охрана первых лиц государства, а сотрудники 9-го управления КГБ СССР обучали личную гвардию президента, многие офицеры которой проходили подготовку в Рязанском училище ВДВ.

Но осенью в Афганистане неожиданно для руководства Советского Союза произошёл новый переворот. К власти пришёл ближайший соратник Тараки – Хафизулла Амин. Пришёл самым коротким путём: арестовал, а затем приказал убить своего однопартийца и нескольких наиболее влиятельных его сподвижников. Те немногие, кто избежал смерти, нашли убежище в СССР. В стране начался «красный террор», что только обострило противостояние в гражданской войне. На наших границах разгорался большой пожар, который ещё и раздувал «ветер с Запада». И тогда было принято решение об устранении диктатора и возвращении в страну «правительства в изгнании» во главе с Бабраком Кармалем. Операция была приурочена к вводу советских войск, на помощь которых так надеялся Амин, чтобы подчинить себе непокорную страну, во главе которой он встал.

Вот почему в эти декабрьские ночи не гас свет ни в кремлёвских кабинетах, ни в здании Комитета государственной безопасности, ни в Министерстве обороны. Зажёгся он в ночь на 24 декабря 1979 года и в квартирах офицеров Группы «А», которые ранним утром отправлялись на первое в своей жизни боевое задание⁴.

Поднимаясь по трапу самолёта перед вылетом с аэродрома Чкаловский, никто из них не представлял, какое задание их ждёт. Но все были готовы выполнить его с честью: после пяти лет упорных тренировок, наконец, представилась возможность доказать Родине, что они не даром ели свой хлеб.

Накануне, собрав личный состав в Ленинской комнате, заместитель командира Группы Роберт Петрович Ивон⁵ объявил^[13]:

³ Подробнее эти и последующие события описаны в очерке, посвящённом Александру Михайловичу Лопанову.

⁴ Строго говоря, первой операцией Группы «А» с применением оружия была попытка обезвредить террориста в американском посольстве 28 марта 1979 года. Однако она проводилась малыми силами, террорист совершил самоподрыв, никто из спецназовцев не пострадал. Подробнее об этой операции читайте в очерке, посвящённом Роберту Петровичу Ивону.

⁵ Роберту Петровичу Ивону посвящён отдельный очерк этой книги.

– Руководством принято решение направить вас в командировку для выполнения секретного задания. Вам придётся стрелять по людям. В вас тоже будут стрелять и могут убить. Если кто не желает принимать участие в операции или, может быть, приболел, волен отказаться.

«Больных» не нашлось. Все сотрудники хорошо помнили разговор с Робертом Петровичем, когда проходили отбор в подразделение. Их биографии, биографии их дальних и близких родственников были давно изучены, известны их спортивные достижения и служебные характеристики. Поэтому вопросов к кандидатам было немного, и главный из них, который всё и решал: «Сможешь отдать жизнь за Родину?» Все они когда-то ответили на него «да». Других в Группе «А» не было.

«На одного порядочного больше»

Весной 1979 года было принято решение увеличить штат подразделения, в том числе с учётом его задач в Афганистане. Да, впервые офицеры Группы «А» отправились «за речку» ещё в марте. После гибели в Кабуле посла США⁶ и мятежа в Герате небольшая группа сотрудников была привлечена для охраны советских дипломатов и военных советников⁷. Их место в Москве заняли новобранцы, в числе которых был Дмитрий Волков.

Родился он 27 февраля 1947 года в Москве в семье кадрового военного. После окончания средней школы № 540⁸ работал откачиком-вакуумщиком в НИИ вакуумной техники. В Комитет госбезопасности СССР пришёл по комсомольской путёвке в декабре 1969-го. Когда родители Дмитрия узнали, что сын собрался связать свою жизнь с КГБ, не поверили своим ушам. Он, выросший в семье репрессированных в годы Большого террора 1930-х! Дома состоялся тяжёлый разговор. Волков не собирался отступаться от своего решения, но и с родителями ссориться не хотел. В разгар спора он спросил: «Считаете ли вы меня порядочным человеком?» – «Конечно!» – «Значит, в КГБ будет на одного порядочного человека больше»^[22]. Такой неожиданный поворот примирил родителей с выбором сына.

Окончив в 1974 году Институт физической культуры, Дмитрий, тогда сотрудник Оперативно-технического управления КГБ, стал кандидатом в мастера спорта по пулевой стрельбе. Об этом в 1979 году вспомнил Сергей Голов⁹, когда в подразделение отбирали снайперов. *«Мы начали проверять всех возможных кандидатов, и тогда я, помня о Димином мастерстве, решил порекомендовать его в Группу. Он, в свою очередь, согласился и без проблем прошёл отбор. Впоследствии, уже после трагической гибели Димы, я не раз с горечью думал о том, что если бы не моя рекомендация, то сейчас он, вероятно, был бы жив...»* – вспоминает Сергей Александрович^[22].

Он был зачислен в Группу в мае 1979-го. Быстро влился в коллектив, проявил себя добросовестным и исполнительным офицером, хорошим товарищем. *«С Димкой мы служили в одном отделении, и нас связывали добрые, дружеские отношения, – рассказывает ветеран Группы «А» полковник Александр Репин. – Он всегда был очень весёлым, обаятельным и лёгким в общении человеком. Как старший товарищ, помогал мне осваивать стрельбу из пистолета Макарова. Свободное от работы время мы часто проводили в Битцевском парке, где Дима также обучал меня спортивному ориентированию. Я часто бывал у него дома, хорошо*

⁶ Адольф Дабс (англ. *Adolph Dubs*, 1920–1979) – американский дипломат, посол США в Афганистане в 1978-79 годах. Был похищен террористами и убит афганскими военнослужащими во время операции по его освобождению.

⁷ Подробнее читайте в очерках, посвящённых Олегу Александровичу Балашову и Александру Михайловичу Лопанову.

⁸ Позже лицей № 1451, ныне – школа № 630. Зимой 2016 года на её здании по адресу ул. Хавская, 15 была открыта мемориальная доска в память о капитане Волкове. В школе есть посвящённая ему экспозиция.

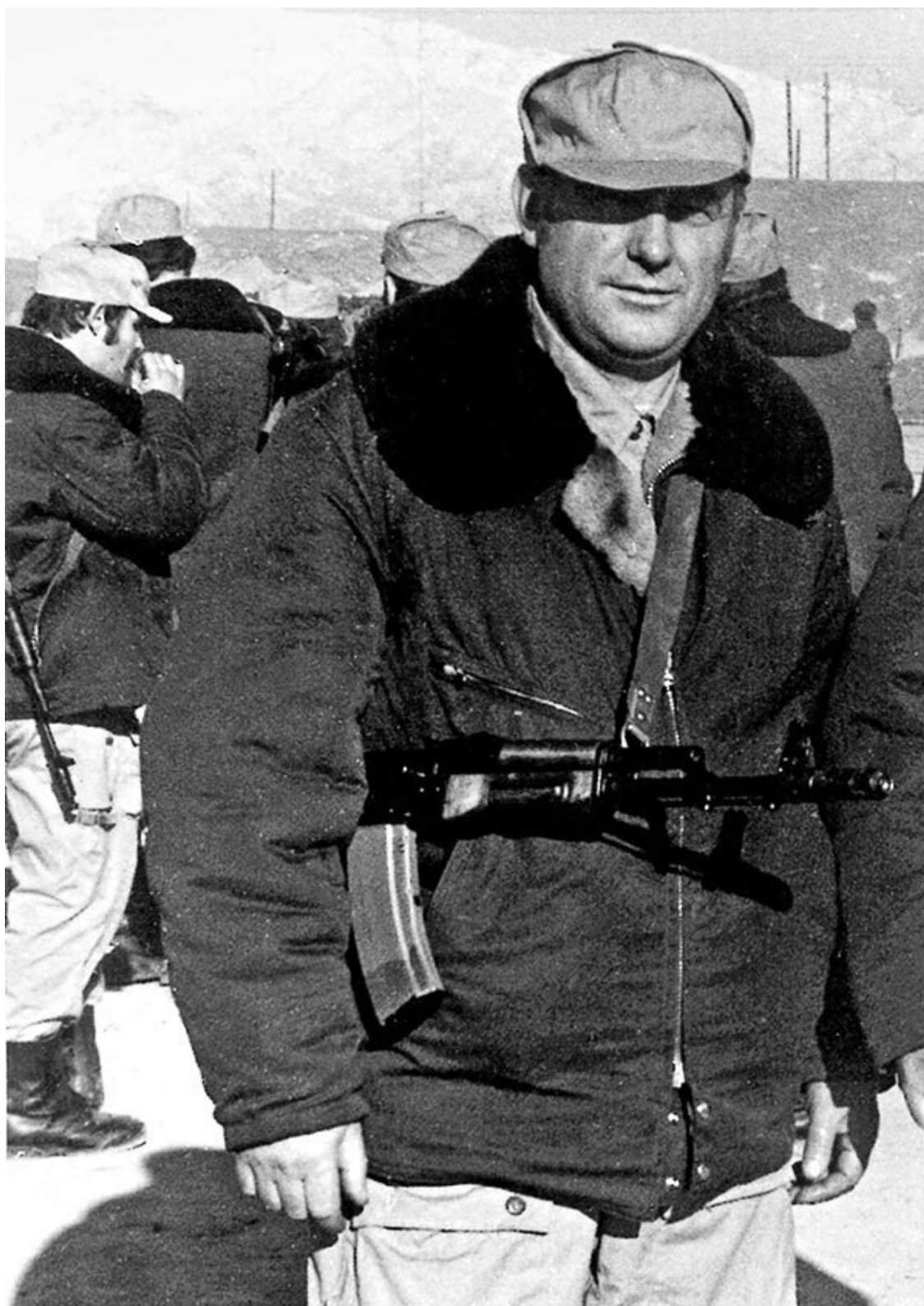
⁹ Сергей Александрович Голов (1941) – полковник, ветеран первого набора Группы «А» КГБ СССР, начальник КУОС КГБ СССР / МСБ СССР / МБ РФ (1983–1993). За штурм дворца Амина в Кабуле награждён орденом Ленина.

знал его супругу, Евгению Николаевну. Папа Димы, Василий Дмитриевич, бывший кадровый военный, был замечательным человеком и очень интересным собеседником»^[22].

В декабре того же года капитана Волкова, как отличного снайпера, включили в нештатную боевую группу «Гром»¹⁰, вылетающую в Афганистан для выполнения специального задания. Куда они направляются, ребята уже догадывались – по форме песочного цвета и тёплым вещам (зимой в горах холодно). Однако никаких подробностей операции им не сообщали. Впрочем, судя по тому, сколько вооружения и снаряжения предстояло захватить с собой, а также по выданной в довесок к сухпайку бутылке водки, становилось ясно, что работа предстоит совсем не простая.

При заходе на посадку в Баграме в самолёте выключили свет, поступил приказ зарядить оружие и занять места возле иллюминаторов и дверей. Выгружались тоже «по-боевому»: пулемётчики были готовы прикрыть десант огнём.

¹⁰ «Гром» – группа специального назначения КГБ СССР численностью 24 человека, сформированная в декабре 1979 года из сотрудников Группы «А» 7-го управления КГБ СССР для участия в операции «Шторм-333». Командир – майор Романов Михаил Михайлович.

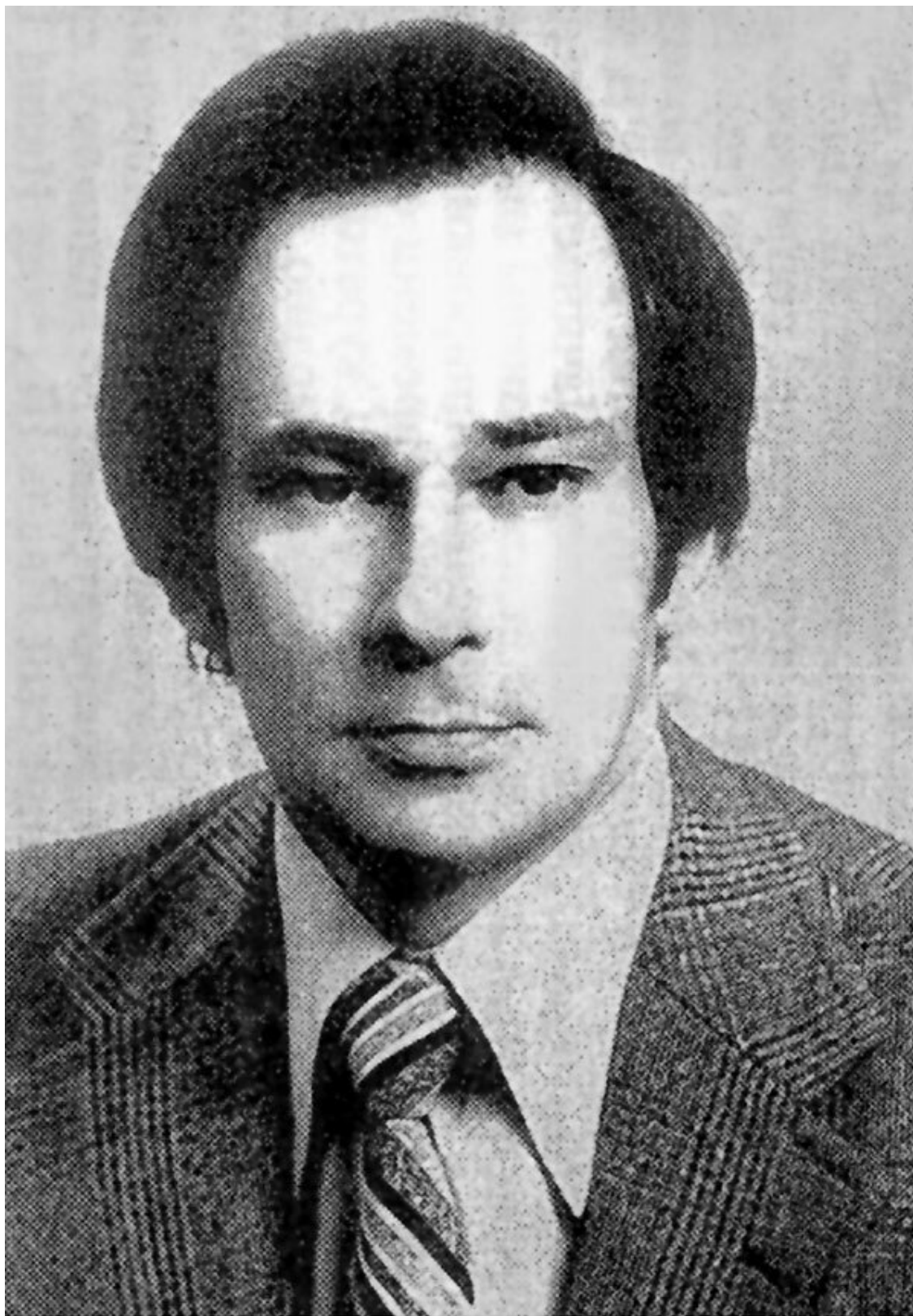
*Геннадий Егорович Зудин. Афганистан, декабрь 1979 г.
(Фото из архива Алексея Филатова)*

*На трапе самолёта перед вылетом в Афганистан. Аэродром Чкаловский.
Дмитрий Волков – третий слева. Фото сотрудника Группы «А» Сергея Кувылина.
(Фото из архива Алексея Филатова)*

*Дворец Тадж-Бек – укреплённая резиденция Хафизуллы Амина.
(Фото из архива Алексея Филатова)*

Дмитрий Васильевич Волков. (Фото из архива Алексея Филатова)

Геннадий Егорович Зудин. (Фото из архива Алексея Филатова)

*Группа сотрудников Группы «А» накануне штурма дворца Амина.
Стоят (слева направо): А. Баев, Г. Зудин, Д. Волков, М. Соболев, В. Карпухин, С. Голов,
Г. Толстиков, В. Емышев, С. Коломеец. Сидят: П. Климов, В. Гришин, В. Филимонов,
Г. Кузнецов, А. Репин. (Фото из архива Алексея Филатова)*

Первую ночь пришлось провести в капонирах и палатках на авиабазе в Баграме. На следующий день, прибыв в Кабул, разместились на территории посольства СССР. К вечеру небольшими группами по 2–3 человека отряд доставили в район будущей операции – к подножию горы, на которой стоял дворец Тадж-Бек¹¹ – объект «Верхняя строка», как называли его в донесениях. Ночевали в продуваемой холодными ветрами недостроенной казарме. На следующий день все уже понимали, зачем сюда приехали. Хотя детали операции под кодовым названием «Шторм-333» станут известны только в день её проведения: им, двадцати четырём офицерам Группы «А», вместе в тридцатью «зенитовцами»¹² при поддержке 9-ой парашютно-десантной роты старшего лейтенанта Востротина, «мусульманского батальона» ГРУ¹³ и противотанкового взвода предстояло взять штурмом этот дворец-крепость и ликвидировать Амина. При этом непосредственно в здании должны были работать «Гром» и «Зенит».

Накануне штурма наши военные заводили бронетехнику и ездили на ней по окрестностям, чтобы приучить афганцев к шуму моторов – дескать, идут плановые тренировки. Но информация о самом объекте «Верхняя строка» была крайне скудной. Поэтому 26 декабря, за день до штурма, командиры отрядов Романов и Семёнов отправились на ГАЗ-66 мимо Тадж-Бека к шикарному ресторану в горах, по дороге отмечая расположение огневых точек, танков, постов охраны. Ресторан оказался закрыт, и на обратном пути на блокпосту афганские гвардейцы задержали «шурави». У Семёнова имелся документ, что он состоит в охране Амина.

¹¹ Тадж-Бек – дворец в юго-западной части Кабула, укреплённая резиденция Амина.

¹² «Зенит» – нештатный отряд спецназа спецрезерва КГБ СССР, созданный в 1979 году для участия в спецоперациях в Афганистане. Командир – майор Семёнов Яков Фёдорович.

¹³ «Мусульманские батальоны» – условное название формирований специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, созданных в ходе подготовки ввода советских войск в Афганистан, а также на начальном периоде Афганской войны, укомплектованных по большей части военнослужащими среднеазиатских национальностей.

Однако чтобы снять подозрения, пришлось дожидаться хозяина ресторана и сделать заказ на два десятка персон. Только тогда пленных отпустили.

Сводные данные разведки были неутешительны. Недавно ставшая главной резиденцией диктатора величественная крепость Тадж-Бек занимала господствующую высоту с отличными секторами обстрела. В ней находилась личная охрана Амина численностью около 200 человек, ещё 2000 бойцов располагались в казармах неподалёку. Оборону поддерживали 11 танков, 2 из которых были вкопаны в землю у главных ворот, да ещё зенитный полк с двенадцатью 100-мм зенитными пушками и шестнадцатью спаренными пулемётами ДШК. Ниже располагался штаб армии со своей охраной и жандармерия. К воротам вела единственная горная дорога, на которой было невозможно разогнаться и которая простреливалась с разных точек.

До начала общего штурма небольшому отряду из четырнадцати человек, в который входили Дмитрий Волков и Павел Климов¹⁴, двое «зенитовцев», а также два танковых экипажа из «мусбата» во главе с офицерами, предстояло выдвинуться на грузовой машине к посту охраны и захватить два вкопанных у ворот Т-54, а затем произвести из них несколько выстрелов по дворцу. Всё должно было выглядеть как начало второго этапа Саурской революции¹⁵, когда сами афганцы свергают режим кровавого диктатора Амина.

Но часовых возле танков неожиданно оказалось не двое, а четверо. Это осложняло выполнение задачи, но пути назад не было. Дмитрий с одним из «зенитовцев» пошли в сторону поста, а остальные залегли за косогором, готовые прикрыть их огнём. Вдруг на посту раздался выстрел. Танки были захвачены, нейтрализованы, но выстрелить из них не удалось. Из казармы стали выбегать вооружённые афганцы, разворачиваясь в цепь. Завязалась перестрелка. В ней и погиб капитан Волков, получив смертельное ранение в голову.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении задания, он был награждён орденом Красного Знамени. Его смерть открыла счёт невосполнимым потерям Группы «А». Но в эту ночь его товарищей ждала ещё одна утрата.

Егорыч

Капитан Зудин был одним из самых возрастных среди «альфовцев», направленных в Кабул зимой 1979 года: 42 года в этой профессии – предпенсионный возраст. Вторым «аксакалом» был чемпион СССР по боксу Глеб Борисович Толстиков – тому и вовсе почти «полтинник»! Оба не должны были лететь в Афганистан, но настояли на своём, уговорили Роберта Петровича Ивона, занимавшегося комплектацией нештатного отряда «Гром». Тот, впрочем, и сам рвался в Кабул, но руководство Комитета и Седьмого управления КГБ решило по-другому.

Ветеран первого набора Группы «А» полковник Евгений Чудеснов с горечью вспоминает о последних днях своего товарища:

– Геннадий Егорович не должен был оказаться в Афганистане. Ему тогда было сорок два года, двое детей – «дед» уже, хотя сил и энергии в нём хватало. Летел же он, чтобы обеспечить вооружение и специальное оборудование группы, наши кейсы с «инструментами». Но пошёл вместе с ребятами в самое пекло...

Родился Геннадий Зудин 26 июня 1937 года в Москве. После окончания средней школы № 509¹⁶ работал шофёром автобазы № 33 треста «Мосавтожелдор». Отслужил срочную, демо-

¹⁴ Павел Юрьевич Климов (1951), подполковник, ветеран Группы «А».

¹⁵ Саурская (Апрельская) революция – военный переворот в Афганистане 27 апреля 1978 года, результатом которого стало установление в стране социалистического просоветского правительства и начало гражданской войны.

¹⁶ Ныне относится к школе № 2129 имени Героя Советского Союза Петра Романова. В апреле 2016 года здесь была открыта мемориальная доска в память о Геннадии Егоровиче Зудине.

билизовался младшим сержантом. В органы госбезопасности пришёл в мае 1965-го. Летом 1968 года ему довелось участвовать в чехословацких событиях¹⁷.

В 1974-м Зудин окончил Высшую школу КГБ СССР им. Дзержинского и в сентябре того же года был зачислен в первый состав Группы «А» 7-го управления КГБ оперативным водителем. Но эта должность была отнюдь не синекура. Тренировался он вместе и наравне с остальными сотрудниками. Зато в то время, пока они досыпали по дороге на полигон или отдыхали на обратном пути, он крутил баранку.

– Однажды возвращаемся мы с прыжков из Тулы, а навстречу нам – автомобиль с прицепом, за рулём – нетрезвый водитель. В результате лобового удара разбилось стекло, зеркало заднего вида, а виновник происшествия, не останавливаясь, поехал дальше. Разумеется, сопровождающая машина догнала его.

Выяснилось, что водитель был лишён водительских прав... А вот Гене пришлось нелегко: дело-то зимой было. Хорошенько укутали мы его, надели на него очки, и вёз он нас фактически на открытом воздухе. Человек, по сути, героический поступок совершил, а на базе над ним ещё и подшучивали. Впрочем, он не обижался, – вспоминает Сергей Голов^[13].

В «Альфе» его звали уважительно – Егорыч. Он обладал приятным голосом, был душой компании, охотно исполнял патриотические песни, но его любимое произведение – теперь почти забытый романс «Гвоздика», который незадолго до Первой мировой войны написал Александр Ширяевец¹⁸, волжский поэт и друг Сергея Есенина:

*Гвоздики пряные, багряно-алые
Вдыхал я вечером – дала их ты.
А ночью снились мне сны небывалые,
И снились алые цветы... цветы...
Мне снилась девушка, такая странная,
Такая милая, а взгляд – гроза...
И душу ранили мечты обманные,
И жгли лучистые её глаза...
И снилось, будто бы на грудь усталую
Припала с ласками – на грудь мою...
Гвоздику пряную, багряно-алую,
Благоуханную с тех пор люблю!*

Когда-то этот романс часто передавали по радио, пели и на фронте, и в кругу друзей. Девушки переписывали слова «Гвоздики» в свои заветные дневники. Ими даже объяснялись в любви.

Не знаю, поспособствовал ли этот задушевный романс устройству его собственной семейной жизни, но женился Геннадий Егорович, когда ему не было и двадцати пяти, ещё до службы в Группе «А». Со своей доброй и спокойной Ниной он познакомился на дне рождения её подруги. Молодые сразу полюбили друг друга. Ей он отдавал всё свободное время. Вместе они путешествовали, ходили в походы. Потом, когда родились дочки, приобщили к активному отдыху и их: путешествовали на своём «Запорожце», зимой отправлялись в лес, прихватив с собой лыжи, а летом на байдарке ходили по живописной Десне.

¹⁷ Ввод войск в Чехословакию, также известный как операция «Дунай» – ввод войск Варшавского договора (кроме Румынии) в Чехословакию, начавшийся 21 августа 1968 года и положивший конец реформам Пражской весны. Наиболее крупный контингент был выделен от СССР – до 500 тысяч человек и 5 тысяч танков и БТР.

¹⁸ Александр Ширяевец (настоящее имя Александр Васильевич Абрамов) родился 2 апреля (14 апреля) 1887 года в с. Ширяево Симбирской губернии, умер 15 мая 1924 года в Москве. Русский поэт, писатель и драматург, один из представителей новокрестьянских поэтов.

Но работа для офицера «Альфы» всё равно оставалась на первом месте, и прожитые годы не изменили приоритетов. Оттого и тот роковой для него и такой обычный для всей страны 1979 год он проводил не в уютной Москве с женой и дочерьми, а в составе нештатной боевой группы «Гром» в далёком Кабуле.

Муж уезжал в командировку. Сколько их было за почти двадцать лет совместной жизни! Она научилась читать отчёты о них без лишних расспросов – по обветренному лицу, сожжённому загаром затылку, уставшим глазам. Он ушёл, как обычно, быстро собравшись, коротко простившись и не оглядываясь – такая примета. Но напоследок судьба подарила им ещё одно, незапланированное, свидание. Муж позабыл на кухне пакет с едой и свёрток со сменным бельём, и Нина Васильевна позвонила ему на работу. Точного адреса она не знала, поэтому договорились встретиться у метро «Октябрьская»¹⁹.

Было уже далеко за полночь, когда они распрощались. Возвращаться домой пришлось на попутном грузовике. Сидя в кабине, она вспоминала, как муж обнял её перед разлукой... О том, что он нелегально отправляется в чужую страну, Нина Васильевна не знала. И не должна была знать.

Сотрудников Группы руководство до утра распустило по домам, но Геннадий Егорович, как «главный технар», отвечавший за вооружение, остался в подразделении составлять учётные списки.

...Ночь на 27 декабря в Кабуле выдалась холодной. Чтобы хоть как-то согреться в недостроенной казарме, её окна и двери завесили плащ-палатками. Но всё равно сон не шёл. С уверенностью можно было назвать спящими лишь двоих – Зудина и Баева²⁰: их богатырский храп не оставлял в том никаких сомнений.

Утром командир «Грома» Михаил Михайлович Романов довёл до личного состава подробности операции. Оповестительным знаком для своих должны были стать белые повязки на рукавах, а голосовым подтверждением – имена командиров «Грома» и «Зенита»: пароль – «Яша-Миша», отзыв – «Миша-Яша».

До обеда подгоняли афганскую форму, нашивали карманы для магазинов и гранат. Кто-то стягивал по два рожка матерчатой изолентой, чтобы быстрее было менять в бою.

Днём привезли обед – щи и гречневую кашу с мясом. К еде мало кто притронулся. Отказались от предложенной порции и будущие первые лица Афганистана Сарвари и Гулябзой, которым вскоре предстояло идти на штурм вместе с «шурави».

– А ты чего не ешь? – спросил аппетитно жующий Зудин своего друга Николая Берлева²¹.

– Да ну его! Ранит в живот – и хана.

– Ладно тебе, Коля, каркать! Давай, выручу, – и придвинул к себе тарелку.

...Странное дело: хотя Волков и Зудин не были приятелями – может, сказывалась разница в возрасте, а может, просто не успели сойтись за всего-то несколько месяцев совместной службы – в эти дни перед боем их почти всё время видели вместе. Рядом они и на памятном снимке на трапе самолёта в Чкаловском, и на другой фотографии, уже на афганской земле. Вот и теперь, перед штурмом, Зудин и Волков подошли к замполиту Емышеву²² стрельнуть папироску. Неожиданно в сумке нашёлся любимый Зудиным «Дымок». Геннадий Егорович вытряхнул из пачки сигарету и умиротворённо затаился: теперь можно и в бой!

¹⁹ В то время Группа «А» базировалась в Щетининском переулке.

²⁰ Алексей Иванович Баев, майор, ветеран первого набора Группы «А», оперативный водитель, пулемётчик. За штурм дворца Амина награждён орденом Красной Звезды.

²¹ Николай Васильевич Берлев, майор, ветеран первого набора Группы «А». За штурм дворца Амина награждён орденом Красного Знамени.

²² Валерий Петрович Емышев, полковник, ветеран первого набора Группы «А», парторг подразделения. За штурм дворца Амина, в ходе которого он потерял правую руку, награждён орденом Красного Знамени. В эту книгу включён его очерк.

Перед штурмом все собрались в круг, разлили «наркомовские» сто грамм, закусили бутербродами. Обычно на раздачу назначают младшего, но тогда распоряжался Геннадий Егорович. Выпили молча, всё уже было переговорено. Оставалось ждать сигнала.

Пройдут годы, и Герой Советского Союза Виктор Фёдорович Карпухин²³ вспомнит те последние часы перед боем^[13]:

– Перед началом штурма Зудин всё скрупулёзно записывал, кому и сколько выдал гранат и патронов. Потом плюнул на всё и говорит: «Да берите всё подряд, чего хотите...» Какая-то отрешённость тогда была в нём. Такое ощущение складывалось, что он прямо из жизни уходит. Зудин старше нас был лет на десять и как бы «дедом» считался. Ему тогда было сорок два года. Наверное, жизненный опыт сказывался. Видимо, человек с годами тяжелее переживает ситуации, связанные с риском для жизни, опыт даёт о себе знать. Я тогда этого не понимал, сейчас – понимаю.

Вышли, построились, и Романов провёл ориентирование на местности: «Вот там север, если что, нам отходить туда. Потому что в случае неудачи нам придётся действовать самим и никто не скажет, что мы – сотрудники спецподразделения Советского Союза».

Романов распределил своих людей по машинам. Зудин оказался в подгруппе Голова в пятой, замыкающей БМП.

Долгие годы жена Геннадия Егоровича не знала, как погиб её муж. Её оберегали, чтобы не шокировать подробностями. И только по прошествии многих лет участники событий рассказали, что произошло тогда на ближайших подступах к Тадж-Беку. Теперь это уже не секрет.

Вспоминает ветеран Группы «А» подполковник Сергей Кувылин²⁴ (его машина, где старшим был Валерий Емышев, шла четвёртой):

– Наша БМП остановилась на асфальтированной площадке перед дворцом, рядом с другими машинами. До дворца метров двадцать, но пули барабанят по бортам, как град. Мы десантировались вместе с Зудиным. Снаружи грохот ещё страшнее. Откуда стреляют, непонятно. Кажется, что со всех сторон. Мы тоже стреляем в ответ, ведём огонь по окнам. Патроны свои я съёж моментально в горячке боя. Оборачиваюсь, говорю: «Геннадий, патроны...» Он протягивает мне магазин. И тут взрыв – граната. Мне осколками подбородок посеколо, лицо. А ему, как мне потом сказали, осколок попал в глаз. Он тогда лицо закрыл руками, и кровь у него между пальцами потекла, густая такая, ярко-красная... Я ему: «Егорыч, Егорыч!» Он молчит. И тут смотрю: справа БМП идёт. Вырулил на нас – и идёт. У него, оказалось, триплексы²⁵ были все побиты, и он ничего не видел. И прямо Егорыча переехал, по спине. На это было страшно смотреть...

Буквально какие-то секунды прошли, и он до меня дошёл. А я лежу, рассуждаю: «Если я вот так ногу положу, то он только по колену пройдёт. А если вытяну, по всей ноге пройдёт. И я так удачно ногу положил, что БМП прошла ниже колена, но выше ступни. Я ногой пересчитал все катки, думаю: «Когда же это кончится?» А у нас брюки толстые были, так их тогда протёрло насквозь об асфальт, потом дырки были на колене. «Ну, думаю, сейчас прокатится – и нет у меня ноги». Обернулся, смотрю: нога на месте. Подтянул – вроде, шевелится. Встать я поначалу боялся: вдруг, думаю, там уже кисель вместо ноги?

Но потом наши поднялись в атаку. Я подполз к Зудину: он лежал, не двигался. Вложил ему в кобуру свой пистолет, руку его сверху положил. Взял его автомат и, опираясь на него, на одной ноге поскакал к дворцу.

²³ Виктору Фёдоровичу Карпухину посвящён отдельный очерк этой книги.

²⁴ Сергей Васильевич Кувылин, подполковник, ветеран Группы «А». За штурм дворца Амина награждён орденом Красного Знамени.

²⁵ Триплекс – многослойное («бронированное») стекло, обеспечивающее обзор и защиту экипажа от пуль и осколков.

Аминовцы оборонялись отчаянно. Из окон дворца били пулемёты, летели гранаты. Внутри с боем приходилось брать каждую ступеньку лестницы, каждую комнату. Почти все наступавшие были ранены, многие – по нескольку раз. Сергей Голов получил девять пулевых и осколочных ранений, Валерию Емышеву оторвало кисть руки, Павел Климов получил тяжёлое осколочное ранение брюшной полости, оказавшись на грани жизни и смерти.

Вот чего стоила одержанная в Кабуле победа. Победа... сродни чуду. Уже после завершения операции стало понятно, что при том раскладе сил и средств она походила на авантюру. Но вместе с тем бойцы с самого начала были уверены, что им удастся выполнить поставленную задачу. И они её выполнили, за 45 минут – неправдоподобно короткое время для захвата горсткой людей «неприступной крепости» и вечность для такого кровопролитного боя.

За мужество и отвагу, проявленные в ходе операции «Шторм-333», капитан Зудин награждён орденом Красного Знамени (посмертно).

А чудом избежавший такой же смерти Сергей Кувылин через пятнадцать лет станет крёстным первой внучки своего погибшего друга.

Жизнь после смерти

Операция в Кабуле завершилась, но теперь предстояла ещё одна нелёгкая миссия – оповестить семьи погибших товарищей. Эта обязанность выпала на долю оставшихся в Москве сотрудников – заместителя командира Группы Роберта Петровича Ивона и начальника отделения Дмитрия Александровича Леденёва²⁶, который только что выписался из госпиталя после тяжёлого воспаления лёгких и долечивался дома. Он позвонил Константину Фёдоровичу Литвинчуку, начальнику ведомственной поликлиники, сказал, что выслал за ним машину и попросил взять с собой медсестру и набор успокоительных.

Кто же скажет, что тяжелее – находиться в огневом контакте с противником или смотреть в глаза жёнам, которые ещё не знают, что стали вдовами? В бою тебя прикрывают товарищи по оружию; здесь, перед судом этих глаз, в которых гаснут, исчезают, заволакиваются страшным предчувствием проблески надежды, ты – гол и безоружен. И привыкнуть к этому, как привыкаешь к свисту пуль и шороху срезанных веток над головой, нельзя. И да, тебе снова придётся пережить боль утраты, теперь уже вместе с осиротевшими семьями, родными тебе навсегда – такая уж доля живых.

Вспоминает Дмитрий Леденёв:

– Поехали к Зудину. Его жену Нину я знал хорошо, дружили семьями. Когда вошли в небольшую квартиру, где они жили, вся семья была в сборе – Нина, дочки, мать, отец.

Увидев меня, Нина каким-то шестым чувством поняла, что случилось нечто страшное.

– Нина, успокойся, не волнуйся... но я приехал к тебе с известием, что Гена погиб.

Дочки заплакали, мать – тоже. Медсестра Тамара Ивановна сделала Нине укол. Я сказал, что хоронить Гену необходимо 5 или 6 января. Попросил назвать кладбище. Когда Нина немного пришла в себя, назвала кладбище – Востряковское^[13].

<Потом>²⁷ мы поехали к Волкову. Время было уже позднее. Я позвонил в дверь квартиры. Жена спрашивает: «Кто?» Я назвал, сказал, что с работы. Она меня плохо знала, но Дима ей рассказывал обо мне, так как мы жили рядом на улице Газопровод. Она открыла и сразу же спросила:

– Что случилось?

– Евгения Николаевна, Дима погиб...

У неё сразу же случилась истерика:

²⁶ Дмитрий Александрович Леденёв, полковник, ветеран первого набора Группы «А».

²⁷ Здесь и далее в угловых скобках – смысловые вставки; знак <...> указывает на опущенную часть цитаты. – Прим. ред.

– Что вы наделали? Что вы с ним сделали?!

Ей дали таблетку, сделали укол. Пришли сестра и отец Димы^[23].

Но успокоить молодую женщину не смогли. Как вспоминал Роберт Петрович Ивон, ему тогда показалось, что разум покинул её. Они с Дмитрием очень любили друг друга, это была счастливая пара. Тогда ещё никто не знал, что их семью скоро постигнет вторая трагедия. Евгения Николаевна ждала ребёнка – первенца, зачатого после многих лет надежд и тревог. Капитану Волкову так и не суждено было стать отцом. Известие о гибели мужа убило и сына. А потом каждый день убивало и её...

До конца своих дней Евгения Николаевна так и не смогла оправиться от пережитого. Скончалась она осенью 2003 года после тяжёлой и продолжительной болезни. Ушла тихо и незаметно – как, собственно, и жила. Проститься с Евгенией Николаевной на Хованское кладбище пришли те, кто все эти годы находился рядом, поддерживал её – бывший командир Группы «А» Геннадий Николаевич Зайцев, вице-президент Ассоциации «Альфа» Владимир Ширяев, ветераны подразделения.

Нина Васильевна Зудина смогла выстоять, не сломалась. Каждую весну она неизменно приходит на Аллею памяти спецназа в подмосковных Снегирях, где среди «альфовских» деревьев есть одно в память о её муже. Рядом другое – «волковское». И каждую весну она повторяет своё самое сокровенное желание:

– Пусть эта Аллея памяти спецназа остаётся такой же красивой, главное – чтобы она не разрасталась, чтобы не прибавлялись новые деревья^[44].

Анатолий БОГОМОЛОВ

«Мне до всего есть дело...»

Лейтенант ШАТСКИХ Виктор Викторович (1969–1991)

Когда весной 2012 года мы узнали, что ветераны Группы «А», находившиеся в январской, девяносто первого года, командировке в Вильнюсе, объявлены в розыск по линии Интерпола, я невольно подумала: «И Виталику выезд за пределы страны запретили». А потом одёрнула себя: «О чём это я? Ему давно власти Литвы ничего не могут запретить...»

Главным виновником той трагедии мы считаем М. С. Горбачёва, с одной стороны, и людей из «Саюдиса», организовавших кровавую провокацию у телебашни, – с другой. Показания, прозвучавшие во время недавнего суда над Альгирдасом Палецкисом, свидетельствуют о том, что мы всегда знали: сотрудники Группы «А» не стреляли в толпу, это делали совершенно другие люди.

Я искренне благодарна Владиславу Николаевичу Шведу и газете «Спецназ России» за то, что они не оставляют эту тему. Ведь она касается и нашего сына, вернувшегося из Вильнюса в гробу.

Автомат, стихи и гитара

Сын с самого раннего детства не знал покоя. Может быть, на его характер повлияла жизнь на пограничной заставе. Виталик (так мы его звали, чтобы не путать с папой – Витей) родился в Нахичевани. Рос в окружении солдат, военной жизни. Даже обеды я варила и носила на заставу: сын никак не хотел питаться дома, ел с бойцами за одним столом.

Самая любимая и первая игрушка – автомат, который ему подарил директор местного совхоза. А самое любимое его слово было «засисять». И он защищал всех: сестрёнку Машу, маму, папу, повара Володю, старшину Сашу... и всех, всех, кого он любил.

Подрастая, Виталик менялся на глазах: крепчал, быстро становился самостоятельным, но одна черта его характера оставалась неизменной – огромное желание помогать людям. Думаю, именно эта черта и привела его после десятого класса в пограничное училище, хотя он со своими способностями мог стать кем угодно. Спортсменом – имел первый-второй разряды по нескольким видам спорта. Педагогом – его очень любили младшие дети и он очень хорошо руководил ими. Артистом – в школе и в училище на протяжении всех лет обучения участвовал во всех театральных мероприятиях. Музыкантом – практически самостоятельно освоил игру на гитаре и фортепиано. Поэтом – стихи писал с четвёртого класса.

Виталик был всесторонне развитым юношей. Он говорил: «Знать и уметь всё невозможно, но надо к этому стремиться!» И он осваивал рисование, игру в шахматы и нарды, волейбол, баскетбол, самбо, лыжи, столярное дело, фотографирование. Интересовался историей России и иностранными языками. Умел печь пироги и печенье, вязать на спицах и ремонтировать часы, коллекционировал марки и стрелял в тире, ходил в походы и плавал наперегонки с ровесниками.

А главное, он всегда знал, что будет военным. И никогда не изменял своей мечте, которую выразил ещё в четвёртом классе:

*Я буду надёжно границу
И ночью, и днём охранять.
Чтоб счастливо жить и трудиться
Могла наша Родина-мать...*

Отец поддерживал его в этом стремлении: приучал сына к спорту, брал с собой на сборы в полевой учебный центр, «обкатывал» его танками, учил в походе выживать в экстремальных условиях. И сын старался подражать отцу – кадровому офицеру-пограничнику, мечтал носить фуражку с зелёным околышем и хоть раз пройти по Красной площади в одном парадном расчёте с отцом.

Этой мечтой – стать военным – пронизаны многие его стихи. Вот строчки, написанные Виталиком в седьмом классе:

*Родился человек на свет,
Промчится быстро много лет.
Как жизнь свою он проживёт?
Как счастье в жизни он найдёт?
Не так уж важно, как он будет жить,
Важней, каким он человеком сможет быть!*

В восьмом классе, учась в 763-й школе Бабушкинского района, Виталик подал документы в суворовское училище, но я сделала так, чтобы документы вернули (мне до сих пор стыдно за это). Сказать, что сын расстроился? Для него это была целая трагедия.

И вот – десятый класс. Выпуск. Все в школе знали: Шатских пойдёт в пограничное училище.

Мой муж, Виктор Алексеевич, к тому времени служил в Московском высшем пограничном командном училище имени Моссовета. Сын собрался поступать туда же. Однако документы у него не приняли. Это был 1986 год. Тогда существовал такой порядок: если отец служит в военном учреждении, то сын не имеет права устроиться туда на работу. А у нас перебарщивали и даже поступать учиться запрещали.

Через год этот несправедливый приказ отменили, но сын не стал переводиться, поскольку уже сдружился с ребятами в Голицынском пограничном училище. Вступительное сочинение на свободную тему он написал на пяти листах, в стихах: «Мне до всего есть дело...» Сейчас оно хранится в музее Пограничного института ФСБ.

И действительно, ему до всего было дело. Поэтому его любили и дома, и в школе – друзья и учителя, и в училище. Его невозможно было не любить. Виталик был очень общителен, заботлив, внимателен, готов всем и во всём помогать: на лыжном кроссе – тянуть отстающего товарища, в школе – отремонтировать с друзьями во время каникул свой класс, на детской площадке – играть с малышами, на праздничном вечере – быть масовиком-затейником. А если нужно, то спасти жизнь человеку.

«Кто, если не я?!» – сказал мне сын, когда, защищая от хулиганов девчонку у кинотеатра «Орион», получил ножевую рану руки.

И это был не единственный случай, когда сын, не думая о себе, бросался на помощь. Однажды с отцом они вытащили из опрокинувшегося и горящего грузовика водителя, потерявшего сознание. А через несколько минут после того, как они перенесли шофёра в нашу машину, бензобак взорвался.

«Служить, а не отсиживаться»

После окончания училища Виталик собрался ехать в Среднюю Азию. На 4 августа 1990 года был уже куплен билет в Алма-Ату. Тогда сын признался: «Наверное, не повезло. Приезжали из Группы «А», отобрали нас четверых. Я думал, буду служить вместе с дядей Витей. Но что-то никаких запросов нет. Не судьба, значит».

«Дядя Витя» – это Герой Советского Союза генерал-майор Виктор Фёдорович Карпухин, бывший сослуживец и товарищ мужа. Высшую награду страны он получил в 1980 году за штурм дворца Амина в Афганистане.

Второго августа пришла телеграмма: «Лейтенанту Виктору Шатских срочно явиться в училище». Никогда не забуду его радостной улыбки и горящих глаз, когда Виталик сообщил об этом нам с мужем. Таким я видела сына второй раз в жизни; первый – когда он поступил в военное училище.

У меня сжалось сердце. В тот вечер мы отметили это событие в тесном семейном кругу. Мы и невеста Виталика. Никто из окружающих не должен был знать, где предстояло служить сыну.

В училище Виталику вручили запрос-вызов в Группу «А». Генерал Виктор Карпухин старался вначале оставлять его «на хозяйстве». Говорил: «Посиди пока здесь, в Москве».

Предстояла очередная командировка – в Баку. Виктор Фёдорович зачитал список. Виталик услышал, что все ребята из его отделения летят, а он – нет. Сказал тогда Карпухину: «Дядя Витя, я пришёл сюда служить, а не отсиживаться». И вылетел вместе со всеми.

Потом был Вильнюс. Штурм телебашни. И предательство Горбачёва, отказавшегося от «альфовцев», заявившего: «Я их туда не посылал».

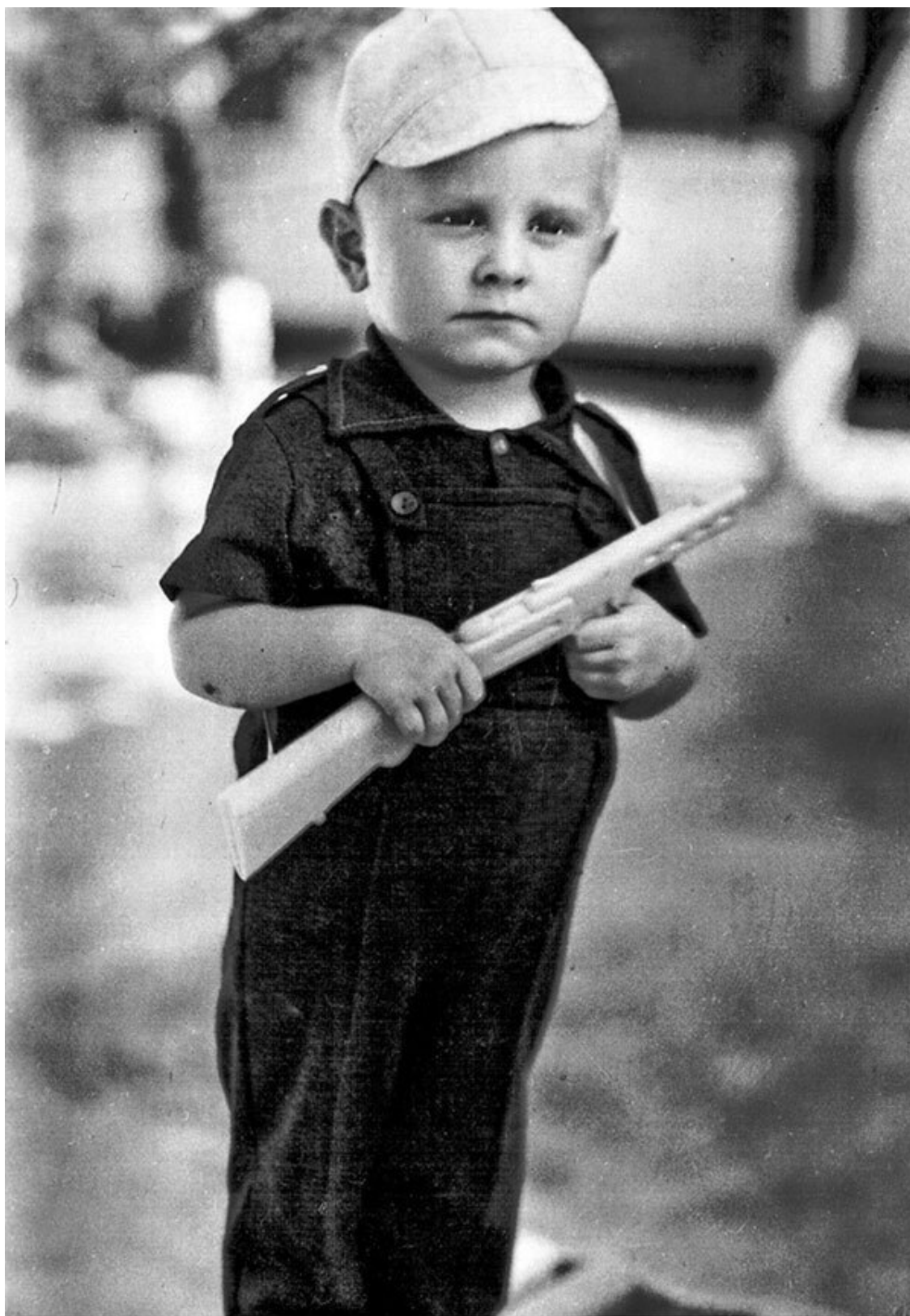
В прессе писали, что так же повёл себя Председатель КГБ Виктор Крючков, но это не так. Несколько раз он принимал нас с мужем в своём кабинете. Владимир Александрович откровенно сказал нам: «Это мы виноваты, мы не спасли вашего сына. Я не могу говорить за президента, я говорю за себя. Послали его туда мы».

Супруги Шатских с детьми – Виктором и Марией. (Фото из архива Алексея Филатова)

Родители Виктора. (Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Спросил, чем он лично может помочь нашей семье. Мы с мужем попросили ввести в штат Группы «А» медиков – что и было сделано Крючковым.

– До Вильнюса мы с Виктором побывали в командировке в Баку, – вспоминает полковник в отставке Евгений Николаевич Чудеснов. – Ни одной ночи не проходило без тревог; выезжали с оружием на задание, устраивали засады, задерживали по адресам «подрывные элементы». Работа была достаточно серьёзной. Первое время я Виктора придерживал, оставляя на дежурстве. Однажды он зашёл ко мне: «Евгений Николаевич, сколько можно! Я готов к работе. Очень прошу, не делайте из меня вечного дежурного». В следующий раз я включил его в боевой расчёт, и в Баку он проявил себя достойно.

...Не знаю, как он вообще смог пробежать по коридору на первом этаже... Помню его слова, мы в тот момент повернули на лестницу второго этажа: «Евгений Николаевич, у меня что-то в спине...» – «Витя, что там может быть?» Первая мысль: пикой кольнули. В руках у митингующих были национальные флаги с заточенным металлическим концом на древке. Я приказал Саше Скороходову: «Посмотри, что там», а сам побежал наверх выполнять задание. Оказалось, рана несовместима с жизнью.

Нужно было экстренно вызвать скорую помощь. Кругом – толпа, люди орут. Выйти было сложно, могли растерзать. И тем не менее Сергей Рассолов – было ему поручено – взял Виктора и отвёз в больницу. Долго не знали, где он находится, не могли забрать тело. В этой ситуации Михаил Васильевич Головатов проявил свои «пробивные» и организаторские способности: сделал всё возможное, чтобы вернуть Виктора. Вспоминать это очень тяжело!

Что касается собственно специальной операции, то она была проведена чётко и по плану. Каждый знал свой манёвр, куда идти и какую дверь открыть. Когда мы вернулись домой, на аэродроме никто нас толком не встретил, только отец Виктора, полковник-пограничник Шатских Виктор Алексеевич, и наш командир, Карпухин Виктор Фёдорович. Он знал его с детства, он его и привёл в подразделение, – вспоминает Евгений Николаевич.

«А я хочу в пургу, в цунами»

После гибели сына многие газеты писали, что литовцы возненавидели наших ребят. Это неправда! Нам с мужем приходили письма, посылки и денежные переводы из Вильнюса, от частных лиц и трудовых коллективов заводов и фабрик. Нам выражали соболезнования и приглашали в гости. Честные и равнодушные люди знали, что всё произошедшее тогда – это подлая провокация.

Когда Виталик поступил в военное училище, я подарила ему книгу о пограничниках и подписала: «Моему сыну. Дерзай! И помни – мужество рождается в борьбе». И вот, уходя на последнее дежурство, он принёс мне её и сказал: «Мамуль! Пусть она полежит у тебя. И ещё давай договоримся. Ты у меня сильная женщина. Ты знаешь, где я служу. Если когда-нибудь со мной что-то случится, дай мне слово: ты не будешь никому показывать своих слёз. Ладно, мамуль?» – «Ладно! Не обещаю, но попробую». Почему я так сказала, не знаю до сих пор. Зачем мне нужна была эта «проба»? Позже узнала, что накануне этого разговора один из его друзей был ранен.

Я вспомнила этот разговор, когда сын погиб. Страшно об этом рассказывать. Ещё страшнее было это узнать!

Смерть сына также тяжело переживала его невеста Наташа и её семья. Виталик собирался расписаться в январе, у них уже было подано заявление в ЗАГС. В одном из писем сын сообщал, что Наташа согласилась стать его женой, несмотря на то, что служба у него непростая...

Похоронили сына тихо, на Волковском кладбище в Московской области. Тогда особо нельзя было афишировать место службы сына. На памятнике написали отрывок из его стихотворения:

Мы, не зная покоя,

*Охраняем покой,
Но судьбы для себя
Не искал я другой.*

Ежегодно в день гибели Виталика и на день его рождения на могилу приезжают «альфовцы», друзья по школе и пограничному училищу.

Прошло двадцать с лишним лет. Иногда забываешься в работе, а останешься одна, или когда на улице, в транспорте, увидишь похожего на сына мужчину – ком подкатывает к горлу.

В семье мы никогда не помещали фотографию Виталика в траурную рамку: для нас он всегда живой. Отмечаем день его рождения, он очень любил этот свой праздник. Я часто беседую с ним, и мне кажется, будто Виталик находится в долгой командировке. Во всяком случае, мне так легче.

В июле 2003-го не стало мужа, Виктора Алексеевича. Его последняя должность – начальник отдела заграничных представительств Главного управления пограничных войск, полковник. После отставки он работал в системе негосударственной безопасности и Консультативном совете ФСБ.

Это произошло 28 июля, в день тридцать пятой годовщины нашей свадьбы. Утром Виктор Алексеевич поехал на работу, хотя шёл третий день его отпуска. Сказал мне и дочке: «Готовьте праздничный ужин, будем отмечать юбилей. Сегодня – на даче, а в субботу соберёмся в ресторане».

Обещал вернуться к вечеру, но – не приехал, его мобильник не отвечал. Мы с дочерью обзвонили всех знакомых. А ночью приехал друг нашей семьи Саша Скороходов – он был с Виталиком в Вильнюсе – и сказал: «По закону подлости я держал вашего сына на руках, а теперь я же принёс вам такую весть».

Через час приехал бывший командир «Альфы» М. В. Головатов, у которого работал муж, и тогдашний начальник Управления «А» генерал Андреев Валентин Григорьевич. Оказалось, Витя умер в дороге: в сердце пошёл тромб. В последний момент, как мне рассказали люди, сидевшие с ним в салоне автомобиля, муж успел перестроиться из третьего ряда в первый. Притормозил, съехал на обочину, едва произнёс: «Что-то мне плохо» – и тут же потерял сознание...

После гибели Виталика наша дочь Мария тоже пошла на службу в органы госбезопасности. Сейчас она старший лейтенант, окончила Академию ФСБ.

*Мне говорят: «Иди за мной...
И будешь счастлив вместе с нами...»
Но ведь они ведут домой:
К сестре, к отцу, к любимой маме,
А я хочу в пургу, в цунами...*

И в этом был весь наш сын. Наша семья – и по линии мужа, и мои родственники – честно служила Родине, защищала её на фронтах Великой Отечественной войны и в мирное время. И другой жизни мы себе не представляем.

В одной из передач «Зеркало», которую вёл Сванидзе, мы с мужем встретились с послан Литвы в России. Он ждал, что услышит от нас проклятия в адрес литовцев, но я сказала, что виноваты в этой провокации не простые люди, русские или литовцы, и не сотрудники «Альфы». Как говорится, «паны дерутся – у холопов чубы трещат!»

Считаю, что главную вину трагедии нашей семьи несёт М. С. Горбачёв, бывший президент СССР. Он предал не только «альфовцев», но и весь народ. Ну да Бог ему судья.

Валентина ШАТСКИХ

Засада в тарском ущелье

Ст. лейтенант КРАВЧУК Виктор Дмитриевич (1960–1993)

Никогда ещё не было такого, чтобы от рук террористов был убит вице-премьер России, — это случилось летом 1993 года на Северном Кавказе. Прикрывая его, был смертельно ранен сотрудник екатеринбургской «Альфы» старший лейтенант Виктор Кравчук. Вместе с ними погиб командир 42-го армейского корпуса генерал-майор Анатолий Корецкий.

Так и идут они теперь по жизни: «наместник Империи», как называли Поляничко, и офицер «Альфы», до конца выполнивший свой долг.

Покушение произошло у переправы через безымянную речушку, рядом с густым буковым лесом, взбирающимся на гору. Едва «Волга» притормозила у переправы, раздались автоматные очереди. Как потом установило следствие, огонь вёлся с трёх сторон, крест-накрест. Видимо, действовали профессионалы, и остаться в живых у пассажиров автомобиля шансов не было.

«Наместник империи»

К моменту покушения Виктор Поляничко был известным политическим деятелем, с его именем считались в Кремле. Его звезда взошла на каменистой, выжженной солнцем земле Афганистана, где он с 1985 по 1988 год являлся политическим советником Бабрака Кармаля и Наджибуллы.

Именно Поляничко был одним из тех, кто разрабатывал политику национального примирения, которая сначала получила широкую народную поддержку и привлекла внимание многих стран третьего мира, но затем была дискредитирована непоследовательными и в отдельных случаях провокационными действиями со стороны некоторых лидеров ДРА и НДПА.

После возвращения из командировки в Афганистан Поляничко, брошенный партией на урегулирование межнациональных конфликтов, продолжил свою деятельность «пожарного». Решением Политбюро ЦК его направили на Кавказ председателем Республиканского оргкомитета по Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО).

Последняя должность – глава временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта.

«В ходе нашей встречи я не раз обращал внимание на то, что разговаривал Виктор Петрович громче, чем следовало бы при общении трёх человек, – отмечает В. В. Кривоусков, занимавший должность начальника штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО. – Это, видимо, у него так проявлялись последствия недавней контузии. В Карабахе армянами на него было совершено три покушения. Первый раз его служебный автомобиль на горной дороге столкнули грузовиком в пропасть. Поляничко в машине в тот момент не было.

В следующий раз на железнодорожной станции Степанакерт был взорван штабной вагон, в котором он должен был находиться, но Поляничко вышел из него за несколько минут до взрыва. Третье покушение чуть не стоило ему жизни. Во время очередного совещания Оргкомитета по НКАО в кабинет из парка, расположенного напротив, выстрелили из гранатомёта. Только чудо спасло Виктора Петровича и других участников совещания. Он был сильно контужен, что отразилось на его слухе».

Все эти акции свидетельствовали об упорном стремлении определённых сил убрать Поляничко из Нагорного Карабаха, причём убрать любой ценой.

В хмельном августе 1991 года Поляничко поддержал ГКЧП, назвав его «обнадеживающей структурой». Кем был этот незаурядный политик? Аппаратчиком, цековским работником? Но погиб он, как солдат, героически, находясь не в уютном чиновничьем кабинете, а на передовой линии, на обгадрённом кровью Кавказе. Поляничко мог спокойно жить дома, с семьёй, которую очень любил. Но не мог усидеть, рванул по собственному желанию на Северный Кавказ. Его душа всегда искала горячие точки.

По своему складу Виктор Поляничко являлся, несомненно, государственным деятелем имперского типа. Был верным солдатом, искренне любившим людей и умевшим дружить с ними. Он исповедовал Россию – её мир и благополучие.

«Этот крепко сбитый мужчина с тяжёлым, волевым лицом и обаятельной улыбкой умел заставить слушать и слышать себя, – пишет Герой Советского Союза Геннадий Зайцев в книге «“Альфа” – моя судьба». – Пресса окрестила Поляничко «вице-премьером в камуфляже», и эта внешняя характеристика очень точно соответствовала его сути – и как политика, и как человека. Он был настоящим патриотом, сторонником единой и неделимой России»^[31].

В своей последней должности Виктор Поляничко успел поработать чуть больше месяца. Он сразу же стал принимать меры, чтобы стабилизировать обстановку в зоне осетино-ингушского конфликта. Ему, как русскому человеку, было стыдно за бездарную политику россий-

ского руководства не только в зоне конфликта между ингушами и осетинами, но и в целом на Кавказе. *«Нет у нас чётко разработанной политики, учитывающей особенности и условия каждого региона, – размышлял Поляничко. – Да откуда ей взяться, если страной управляют бездарные и далёкие от политики люди?»*

Обращает на себя внимание такое важное обстоятельство: Поляничко пытался проанализировать механизм финансирования восстановительных работ в Пригородном районе. То есть он хотел разобраться, куда и по каким каналам бесследно исчезают огромные суммы, выделяемые федеральным центром.

Первого августа Виктор Поляничко направился на переговоры с ингушским полевым командиром и председателем Джейрахского сельсовета Цуровым.

Дело было так. Двадцать шестого июля 1993 года группа разведывательного батальона спецназа внутренних войск МВД была блокирована ингушами в Джейрахском ущелье. Они потребовали от военных сдать оружие. Чтобы не пролилась кровь мирных жителей ближайшего селения, командир подразделения приказал своим бойцам сложить оружие.

Кровопролитие было предотвращено, но инцидент с разоружением элитного российского отряда наделал много шума. Первым делом, конечно, нужно было вернуть оружие. Боевики потребовали выкуп в размере чуть более четырехсот миллионов рублей. Глава Ингушетии Герой Советского Союза Руслан Аушев добился уменьшения суммы и готов был выступить посредником.

Перед началом переговоров Поляничко должен был встретиться с начальником «Управления охраны» Северной Осетии Бибо Дзудевым, чтобы обсудить с ним детали выдачи оружия, а также уговорить его не вмешиваться в ход операции. Не исключено, что эта информация была специально вброшена в те дни, чтобы пустить следствие по ложному следу.

О месте переговоров знали только сам Поляничко, генерал Корецкий и представители ингушской стороны. Впрочем, утечка информации могла произойти непосредственно из рабочего помещения вице-премьера. Как отмечает Геннадий Николаевич Зайцев, *«уже после покушения в его кабинете был обнаружен «жучок», изготовленный из бытового микрофона высокого качества. Он-то, возможно, и был использован для получения секретных данных о времени и месте предстоящей встречи»* [31].

Поляничко, Корецкий и охрана выехали в село Тарское, бывший казачий хутор, где были намечены переговоры. В состав колонны входили три БТРа, УАЗ-469 с сержантом и солдатом и «Волга». Виктор Кравчук находился на правом переднем сиденье, младший лейтенант Андрей Кондратьев – за рулём, вице-премьер Поляничко и генерал Корецкий разместились сзади.

Сразу же после покушения возникло много вопросов. Например, почему по дороге отстали БТРы сопровождения? Авторы многих публикаций усматривали в этом факте явное свидетельство заговора против Поляничко.

«Машину Поляничко сопровождал лишь уазик с охраной из состава Группы «Альфа», – сообщалось в прессе²⁸. – По одной версии, маршрут был кем-то изменён и бронегруппа отстала, по другой – её не было вовсе».

Кстати, именно в тот день «альфовцы» находились в машине с оружием, но без бронежилетов. Нарушение правил безопасности? Несомненно. Вот только вызвано оно было настоятельным желанием самого вице-премьера, который хотел таким образом продемонстрировать мирные намерения федеральной власти.

Когда за очередным поворотом БТРы сопровождения пропали из поля зрения сотрудников «Альфы», Виктор Кравчук сообщил об этом Поляничко, но тот, видимо, увлечённый предстоящими переговорами, отмахнулся:

²⁸ Сергеев М. Дорога ведет в тупик. – Авторский блог редакции «Завтра», 2(163), 14.01.1997. <https://zavtra.ru/blogs/1997-01-144tupik> — Прим. ред.

– Ничего, догонят! Мы не можем опоздать на эту встречу, нас не так поймут.

Корецкий согласно кивнул, и «Волга» на прежней скорости рванула к роковому отрезку пути, разделившему сидящих в машине мужчин на одного живого и трёх мёртвых. Кравчук внимательно смотрел по сторонам, досадуя на нетерпение Поляничко и неопытность водителя головного БТРа, который, очевидно, оказался не в состоянии выдержать заданного темпа движения.

Горячий регион

Прервёмся на некоторое время. В свои тридцать три года Виктор Кравчук был опытным оперативным работником и прекрасно понимал, чем может закончиться бешеная езда в зоне вооружённого конфликта без прикрытия бронетехникой.

Родился Кравчук 8 мая 1960 года на Украине, в городе Черновцы. После службы в армии работал шофёром областной станции переливания крови. В апреле 1981 года перешёл на работу в местное Управление КГБ, тоже водителем.

В октябре 1982 года Кравчук перебрался на Урал, и когда в Свердловске создавалось региональное подразделение Группы «А», вошёл в его первый состав. В 1990 году окончил местный юридический институт по специальности «правоведение».

На Урале 14-е отделение «Альфы» было создано приказом Председателя КГБ СССР Владимира Крючкова № 0031 от 3 марта 1990 года. Первый командир – Сергей Александрович Журавлёв.

Приказом по ГУО²⁹ № 0102 от 29 декабря 1992 года отделения в Хабаровске, Екатеринбурге и Краснодаре с полным штатом были переданы в Министерство безопасности. Обратное перемещение произошло 12 февраля 1994 года (приказ № 015), и эти три региональных отделения вошли в состав ФСК³⁰.

В первых числах июня 1993 года вместе с двумя сотрудниками екатеринбургской «Альфы» Кравчук был направлен на Северный Кавказ, в зону осетино-ингушского конфликта. В командировку его провожали жена Татьяна, сын Денис и дочка Ирина.

Кравчука назначили старшим группы охраны главы временной администрации. Также сотрудники Группы «А» работали с генерал-полковником Юрием Шаталиным. С согласия офицеров их командировка в горячей точке дважды продлевалась.

Теперь вернёмся в Тарское ущелье...

Поляничко посмотрел на часы и досадливо поморщился:

– Опаздываем!

Обратившись к водителю, он приказал обогнать УАЗ, который, по его мнению, ехал не так быстро. Спорить с суровым вице-премьером, да ещё в такой момент – последнее дело. «Волга» совершила обходной манёвр и пошла первым номером, оставшись уже даже без видимости прикрытия.

В полутора километрах от развалин посёлка Южный машины поджидала засада. Террористы, расположившись в середине прямого участка дороги между двумя резкими поворотами, изготовились к нападению. Вот на большой скорости показалась «Волга», за ней УАЗ – и почему-то без сопровождения БТРов. Лучшей ситуации для совершения диверсии трудно было придумать.

Машины стремительно приближались к месту засады. Из леса с короткой дистанции ударил пулемёт, застрочили автоматы. Огонь вёлся с трёх точек. УАЗ был сразу же выведен из

²⁹ Главное управление охраны.

³⁰ Федеральная служба контрразведки.

стройка, а «Волга», превращённая в решето, съехала в кювет и ткнулась в протекавший по нему ручей.

Несмотря на ранения в ноги, боец из уазика кинулся к «Волге», где отстреливался Виктор Кравчук, сам получивший пять пуль в ноги и одну в живот. Офицер «Альфы» приказал солдату вернуться и вызвать по рации помощь.

Вместе с младшим лейтенантом Кондратьевым, у которого были ранены обе руки, Кравчук в горячке попытался вытащить из кабины Виктора Поляничко. К этому моменту вице-премьер уже скончался. Позднее судебные эксперты насчитают в его мощном теле пятнадцать огнестрельных ран. Генерал Корецкий, потерявший сознание от ранения, оказался придавлен телом Поляничко.

Лейтенант Андрей Кондратьев, сидевший в тот день за рулём «Волги», рассказывал:

– Группу прикрытия на УАЗе, следовавшую за нами, сразу отрезали. Мы сбавили скорость, развернулись, чтобы проскочить пригорок, откуда по нам вели огонь, но тут меня ранило в плечо. Поляничко, приоткрыв дверцу, крикнул: «Прекратить огонь!» В ответ очередь. Пули попали ему в грудь, живот и левое бедро, он скончался на моих глазах. Корецкому я хотел помочь перевязать раны, но и он умер от большой потери крови. Сделав своё дело, бандиты ушли на машине...

Вскоре на месте происшествия уже находился Бибо Дзудев и осетинские милиционеры. Сам террористический акт произошёл между 16.30 и 17.00. Примерно через сорок пять минут район, прилегающий к месту происшествия, патрулировался армейскими вертолётами. Казалось, преступники будут обнаружены и уничтожены, однако этого не произошло. Оперативно-войсковая операция по блокированию зоны, где могли скрываться боевики, была прекращена.

Несмотря на усилия врачей, Виктор Кравчук скончался в госпитале после четырёхчасовой операции, причина – большая потеря крови и повреждение поджелудочной железы. Его похоронили в Екатеринбурге. Указом президента Ельцина № 1205 сотрудник Группы «А» был награждён орденом «За личное мужество». Его товарищ, младший лейтенант Андрей Кондратьев, получил медаль «За отвагу»; впоследствии он почти год находился на излечении в госпитале имени Бурденко.

Виктор Поляничко погребён на Новодевичьем кладбище в Москве. Посмертно он также был отмечен орденом «За личное мужество». Его именем названы средние учебные заведения в Орске и Магнитогорске, он – почётный гражданин Оренбурга, Орска и Гая.

Покушение на него является самым громким преступлением «смутного десятилетия», каковым оказались для России 1990-е. Власть показала свою беспомощность, неспособность в поиске и наказании виновных. Это бессилие или же нежелание «копать глубоко» стало своего рода сигналом к действию, спровоцировав волну террора по всему Северному Кавказу.

Кстати, очевидно те же силы, что стояли за покушением на Поляничко, пытались устранить и нового представителя Москвы. Или же только пострашали, дали понять, как нужно себя вести.

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

– Мы сменили группу, в которой был Витя Кравчук, – говорит депутат Государственной Думы полковник Игорь Барinov, ветеран екатеринбургской «Альфы». – В нашу задачу входила охрана первых лиц. В тот день мы возвращались после переговоров из Джейрахского

ущелья. Я сопровождал в автомобиле нового главу администрации генерал-полковника Юрия Шаталина. Начался обстрел нашей колонны. Боевики воспользовались тем, что уже темнело. В тот момент у меня не было никаких посторонних мыслей, всё делалось на автомате. Водитель до упора нажал на педаль газа, а я в окошко начал отстреливаться. Доехали мы тогда до места назначения благополучно. По мнению генерала Анатолия Куликова, Поляничко, будь он жив, мог бы очень серьёзно повлиять на разрешение чеченского кризиса: «Во всяком случае, когда мы с ним разговаривали о лидере чеченских сепаратистов Джохаре Дудаеве, Виктор Петрович как-то очень спокойно улыбнулся и сказал вещи слова: «Ну, а что он, этот Дудаев, русского языка, что ли, не понимает?» Эту фразу Поляничко следовало понимать так: можно договориться и с Дудаевым, если выбрать правильную тональность и не пережимать с ультиматумами».

Командировки на войну

Несколько слов о екатеринбургской «Альфе». В 1997 году в результате реорганизации, когда все местные подразделения, структурно входившие в АТЦ³¹, а затем в Департамент по борьбе с терроризмом, перешли в подчинение территориальным органам госбезопасности, она получила статус Регионального отдела специальных операций (РОСО).

Сотрудникам спецназа приходилось проводить задержания представителей ОПС³², торговцев наркотиками, оружием, радиоактивными изотопами, изумрудами и драгоценными металлами. Стране были возвращены ценности на сотни миллионов рублей, изъяты десятки единиц огнестрельного оружия.

С началом второй чеченской кампании уральцы вахтовым методом работают на Северном Кавказе. Они участвуют в захватах и уничтожении главарей бандитского подполья и зарубежных наёмников, освобождении заложников, изъятии оружия и взрывчатых веществ, охране оперативных сотрудников и государственных чиновников.

Десятого мая 2001 года в Грозном при силовом обеспечении оперативно-разыскных мероприятий были смертельно ранены майор Дмитрий Животков и старший лейтенант Александр Гуменюк. Оба офицера были награждены орденами Мужества – посмертно.

В декабре 2011 года именем Александра Гуменюка названа средняя общеобразовательная школа № 97 в посёлке Исток под Екатеринбургом. На церемонии присутствовали родители, жена Светлана, руководители и сотрудники спецподразделения «Альфа», учителя и ученики школы, его одноклассники, десантники, ветераны-«афганцы» и жители посёлка Исток.

Ежегодно весной в школе проходят линейки, организуется турнир по мини-футболу на Кубок памяти офицера Группы «А». С 2005 года сотрудники Регионального отдела специального назначения УФСБ по Свердловской области – шефы школы № 97.

Майор Владимир Ермолин погиб 22 февраля 2002 года. В тот день боевики обстреляли в столице Чечни машину с сотрудниками ФСБ, работавшими в республике. От полученных ран на месте скончался сотрудник екатеринбургской «Альфы» и ещё двое контрразведчиков.

...Начатое в 1990 году боевое дежурство продолжается. На сегодняшний день екатеринбургский РОСН³³ является одним из наиболее боеспособных и опытных подразделений Урала.

Владимир СЕМИРЯГА

³¹ Антитеррористический центр.

³² Организованное преступное сообщество.

³³ Региональный отдел специального назначения. – Прим. ред.

В прицеле горячей осени

Мл. лейтенант СЕРГЕЕВ Геннадий Николаевич (1964–1993)

Не нужно напоминать, что «Альфа» славна своими героями – и теми, кто здравствует, и теми, кто погиб, до конца выполнив свой долг. Их имена навсегда вписаны золотыми буквами в историю отечественного спецназа. Среди них имя младшего лейтенанта Геннадия Сергеева занимает особое место.

Гена погиб фактически на переломе эпох, который полыхнул в столице локальной гражданской войной, – и стал в подразделении первым Героем Российской Федерации. Его именем в Москве назван военно-патриотический клуб, созданный весной 2011 года в Кадетской школе № 1784, что на Беговой.

«Вспоминаю всё самое хорошее»

В 1993 году Борис Ельцин пообещал «горячую осень». И она действительно выдалась такой, горячей от танковых залпов, когда прямой наводкой был расстрелян непокорный Дом Советов, и – кровавой.

До этого в Группе «А» было четверо «двухсотых».

В декабре 1979-го при штурме дворца кровавого диктатора Амина в Кабуле пали смертью храбрых капитаны Дмитрий Волков и Геннадий Зудин.

В январе 1991 года в Вильнюсе при штурме телецентра, захваченного националистами, погиб лейтенант Виктор Шатских.

Первого августа 1993 года в Тарском ущелье – это зона осетино-ингушского конфликта – вместе со своим напарником принял неравный бой, прикрывая вице-премьера России Виктора Поляничко и сопровождавших его лиц, старший лейтенант Виктор Кравчук, офицер свердловской «Альфы».

И вот новая невосполнимая потеря... И где? Практически в самом центре Москвы, на Красной Пресне. Тогда это казалось немыслимым, невозможным. Ведь в августе 1991 года удалось избежать большой крови. Казалось, и этот «момент истины» будет разрешён политиками мирным путём без военно-шоковой «терапии». Нет, чуда не произошло. Криминально-олигархическому режиму и группам его поддержки нужно было одним ударом покончить с двоевластием, и антиконституционные действия не замедлили быть.

Так, оказавшись на лезвии острейшего политического кризиса, оперуполномоченный 1-го отдела Группы «А» Геннадий Сергеев, спасая раненого десантника (имя которого нам неизвестно), стал Героем России. И символом той роли, которую, без какой-либо подготовки, на импровизации, довелось отыграть подразделению. Приказ был выполнен, но по-своему. Без крови.

До Сергеева в Группе «А» кавалерами высшей награды страны стали Виктор Фёдорович Карпухин (1980 г.) и Геннадий Николаевич Зайцев (1986 г.). Но то были награды страны, ставшей к тому моменту уже безвозвратной историей. Хотя формально, юридически, она была ликвидирована в декабре 1991 года, после Беловежского сговора, но в виде Съезда народных депутатов России и Советов на местах просуществовала до расстрельного октября 1993-го и умерла, по сути, насильственной смертью.

В те страшные для всех равнодушных людей дни Лена Сергеева, жена погибшего офицера Группы «А», вела дневник. Каждый, кто оказывается в состоянии сильнейшего эмоционального потрясения, интуитивно сам находит способ или возможность приглушить горе. Кто-то ломается, а кто-то выдерживает испытание. И тогда остаются такие пронзительные строки...

«Пятница. Похороны. К одиннадцати часам поехали на панихиду. Рядом со мной сестра и Марина Окунькова. Входим в «шестигранник» (Ритуальный зал на Пехотной улице. – О. Е.). Глаз стараюсь не поднимать, боюсь, что не выдержу. Смотрю в гроб, вижу мужа, совсем ещё молодого. Обескровленное, бледное лицо, волосы ёжиком, ресницы плотно закрыты, нос прямой, тонкий, застывшие губы. Лицо спокойное, волевое, не искажённое болью. Гена в своём любимом костюме – «двойке» в полоску и в белой рубашке. Кладу руку на лоб. Лицо очень холодное, застывшее. Провожу рукой по пушистым Генкиным волосам, вспоминаю всё самое хорошее, что связывало меня с любимым мужем.

Вспоминаю его добрую улыбку, упрямый взгляд, характер. После его смерти во мне что-то перевернулось. Я стала смотреть на мир совсем другими глазами. Я горжусь тобой, мой муж. Цветов было море. Нежные цветы, положенные в гроб, вянут прямо на глазах.

Сашок смотрит на папу, не отрываясь, тяжело вздыхает. После прощания поехали к дому, народу очень много, человек сто пятьдесят. Пришли сослуживцы, друзья, однокласс-

ники, директор школы, где Гена учился. На кладбище гроб несли под музыку очень медленно. Подходим к могиле. А погода стоит прекрасная, светит солнце, ещё так недавно мы гуляли вместе в парке. Говорили очень много хороших слов, сказал несколько слов и священник. В руке у каждого горела поминальная свеча.

Стали прощаться. Я поцеловала последний раз своего мужа в холодный лоб и запомнила навсегда дорогие черты, все моришки на застывшем лице. Гроб опустили в могилу, троекратный салют из автоматов дал особый караул Кремлёвского полка. Так закончилась церемония погребения. Солдаты маршем, под оркестр, прошли около могилы».

Последняя осень

Геннадий родился в Москве 17 августа 1964 года. Отец, Николай Семёнович, работал недалеко от Рогожской заставы на знаменитом металлургическом заводе «Серп и Молот», в литейном цеху.

Фронтвик. Гвардии старший сержант. Войну встретил на западных рубежах страны, а до этого прошёл финскую кампанию. Сражался в составе 11-го Гвардейского танкового корпуса. Трижды ранен, дважды – тяжело, четыре раза горел в танке. Был отмечен орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами. Войну закончил в поверженном Берлине.

Последняя запись в трудовой книжке – «вальцовщик горячего проката»; простой металлург и при этом рабочий высокой культуры и твёрдых принципов. Не пил и не курил. Жизнерадостный, подвижный. И даже в госпитале, куда Николая Семёновича привезли фактически умирать, он не мог усидеть в палате и удивлял врачей своим зарядом энергии, общительностью. Умер во сне 8 сентября 2005 года... В последний путь от Сообщества Группы «А» его провожал вице-президент Сергей Поляков.

Мама – Агриппина Дмитриевна. Труженик тыла и ветеран труда. Работала в НИИ графита на опасном производстве, в рентгенлаборатории. Сама из многодетной семьи, после войны приехала из Рязанской области, своей малой родины, на восстановление столицы, да так в Москве и осталась. Вместе с мужем она воспитала троих детей: Валерия, Нину и Геннадия.

Характерный момент: после выхода на пенсию Агриппину Дмитриевну пригласили на должность заведующей ведомственной гостиницей НИИ графита, зная её честность и принципиальность.

...Гена был физически крепким, развитым парнем – рост метр восемьдесят пять. Учился в средней школе № 421 (ныне Центр образования № 1852) в районе Перово. К спорту его приучил отец, в прошлом боксёр-любитель, а позднее преподаватель физкультуры Владимир Викторович Каштуров.

– У нас он был классным руководителем, – рассказывает Елена Сергеева. – Очень деятельный был человек, все свои силы отдавал школе. Когда в 1990 году его избрали директором, наша alma mater буквально преобразилась. И скончался он в её стенах. Скоропостижно – инсульт. Можно сказать, на боевом посту. Как наш вице-президент Ассоциации «Альфа» Владимир Николаевич Ширяев. Об этих незаурядных людях у меня остались самые тёплые воспоминания.

После школы Геннадий поступил в техническое училище № 38. Окончил его в 1982 году по специальности «монтажник радио-аппаратуры и приборов». Армию отслужил в спортивной роте, дислоцированной в Коврове Владимирской области. После демобилизации работал в столичном НИИ «Импульс».

Четырнадцатого июня 1986 года возникла новая семья: первая школьная любовь переросла в крепкие семейные отношения. Среди гостей на свадьбе был и любимый учитель Владимир Каштуров.

А в декабре 1987-го у Сергеевых родился сын Саша.

На работу в органы государственной безопасности Геннадий пошёл в 1986 году по собственному желанию и был определён в Пятнадцатое Главное управление, отвечавшее за спецобъекты и подземную Москву.

Однако Геннадию, кипучая натура которого жаждала другой деятельности, хотелось боевой работы для «настоящих мужчин». Так незадолго до развала Союза он оказался в легендарном разведывательно-диверсионном спецподразделении «Вымпел».

В этом ему поспособствовал Александр Михайлович Платонов – муж старшей сестры Нины, в прошлом пограничник, ныне полковник ФСБ в отставке. Вообще, это у них семейное: сама Нина является офицером ФСБ запаса. Геннадий всегда брал с них пример, мечтая обеспечивать безопасность страны. Равнялся он и на старшего брата Валерия, проработавшего многие годы в системе связи.

Старый «Вымпел» по праву называют «спецназом холодной войны». Он был предназначен для действий мелкими группами в тылу стран НАТО в «особый период». Новой мировой войны, к счастью для всех, не случилось, и «Вымпел» использовали не по прямому назначению, в том числе в горячих точках на территории Советского Союза.

Сергеевы жили тогда недалеко от метро «Шоссе энтузиастов», оттуда до Балашихи, где расположена база «Вымпела», Геннадий добирался на автобусе.

– Гена, ну как тебе служится в «Вымпеле»? – однажды поинтересовалась Лена у мужа, который не распространялся о работе. – Тебе нравится? Расскажи.

– Вообще-то, да. Лучше, чем в пятнадцатом главке. Но что-то не то, понимаешь...

По её словам, муж очень переживал по поводу распада Советского Союза. Человек он был открытый и неравнодушный к судьбе своей страны.

В январе 1992 года, успешно сдав все нормативы и тесты, пройдя собеседования, Сергеев был зачислен в состав Группы «А». К тому времени она, будучи выведена из структуры Министерства безопасности, организационно входила в состав Главного управления охраны (ГУО) России.

– *Мы пришли в подразделение практически одновременно, – рассказывает президент Союза «Офицеры Группы “Альфа”» Алексей Филатов. – Оба из «пятнашки». Это сразу сблизило нас. Помню, тренируясь вместе с ним, я как-то поинтересовался: «Ген, а почему ты решил попробовать себя именно в «Альфе»? Чем тебя не устраивает «Вымпел»? Крепкое, элитное подразделение». Тот ответил, что в Группе «А» мужики постоянно участвуют в реальной боевой работе, не вылезают из командировок. Потому он и сделал всё, чтобы попасть именно сюда. Здесь, в подразделении, Геннадий действительно нашёл себя. Всё соответствовало его духу и устремлениям – задачи спецподразделения, связанные не с диверсиями, а с освобождением заложников, отношения в коллективе, взаимовыручка, командный подход. С середины 1980-х страну стала накрывать волна террора, так что работы для Группы «Альфа» хватало.*

Спортивный, собранный и подтянутый, исполнительный и добросовестный, отличный стрелок, каратист, – таким Геннадий Сергеев запомнился товарищам и командирам. Набирался опыта, неоднократно участвовал в оперативных мероприятиях.

– *Муж был настоящим фанатом спорта, – улыбается Лена. – В любую погоду, будь то дождь или снег, или после праздника, ровно в семь часов утра он обязательно отправлялся на пробежку в лес. Там подтягивался на турнике, делал растяжку. И – домой. Этому своему каждодневному правилу Гена старался не изменять.*

А ещё он мечтал учиться. В сентябре 1993-го поступил в Академию Министерства безопасности РФ. Характерна тема сочинения, которую он выбрал: «Всякий человек по делу узнаётся».

...То воскресенье Геннадий, как обычно, начал с пробежки и зарядки в лесу. Вернулся домой часов в двенадцать. Решили все вместе прогуляться в Измайловском парке: с самого утра горожан радовала чудесная погода. Светило солнышко, сухие листья шуршали под ногами... Лена с мужем сидели на лавочке и наблюдали за пятилетним Сашкой, который, играя, бросал в озеро камушки.

Вдруг Гена заторопился домой и сразу же включил телевизор. Услышав горячие новости, собрался на работу, несмотря на отпуск. Поцеловал жену: «Давай попрощаемся». Надел свою старую кожанку, тёплый свитер, кроссовки. Уходя, сказал: «Если меня убьют, все мои вещи отдашь сыну». Лена разволновалась не на шутку, сдерживалась еле-еле, чтобы не расстраивать мужа.

И потянулись тревожные сутки...

Не знаю, как это назвать – мистика или что-то ещё, но, торопясь уйти в тот день на работу в подразделение, Сергеев раза три возвращался: то документы забывал, то ключи... Вот и не верь после этого в приметы. А ещё сны!

Дня за три до своей гибели Гена со смехом рассказывал жене, что во сне моет полы в собственной квартире, а на диване сидят его товарищи и коллеги. Лена делилась явью-сном, в котором периодически появлялась и пропадала чёрная роза. Прямо на ковре – над их кроватью. Казалось, вот она – только руку протяни.

«4 октября. Понедельник. Около одиннадцати зазвонил телефон. Это был муж. “Лена, как у вас дела?” Я отвечаю, что всё в порядке. “Вечером на улицу не выходите, к окнам не подходите. Дверь никому не открывайте. Берегите себя”. Я ещё спросила, где он сейчас находится. Гена: “Я не могу сказать и когда вернусь – не знаю. Всё, Леночка! Тут ещё ребятам нужно позвонить”».

Это были последние слова, которые она услышала от мужа. Около трёх часов дня в новостях сообщили, что Группа «Альфа» пошла на штурм Белого дома. Один ранен, один убит...

«Юрий Николаевич, меня зацепило»

Лена тогда не знала и не могла знать, что командиры Группы «А» напряжённо искали выход. С одной стороны – жёсткий приказ закусившего удила «царя Бориса», с другой – люди, собравшиеся в здании Верховного Совета. Обученные, готовые к бою. Так, по крайней мере, сообщала пресса. Значит, вооружённое столкновение неизбежно? Но сотрудники «Альфы» отлично понимали, что защитники Дома Советов отнюдь не бандиты и не террористы.

Четвёртого октября подразделение Группы «А» в количестве ста человек, возглавляемое генералом Зайцевым, находилось в районе Конюшковской улицы. Чтобы сориентироваться, решили провести разведку. Геннадий был первым, кто шагнул из строя.

И вот шестеро добровольцев отправились к зданию парламента. Одна машина взяла курс на главный вход, другая, в которой находились офицеры Юрий Торшин, Геннадий Сергеев и Игорь Финогенов, выехала в тыл парламента.

– Едва мы с Геной вышли из БМП, – рассказывает Юрий Николаевич Торшин, – как прозвучала очередь, которой был ранен солдат, находившийся метрах в тридцати от нас. Потом с выстрелами очень долго разбиралась прокуратура, я тоже чертил всевозможные планы... У нас в поле зрения была гостиница «Украина». Я бы сказал, что очередь была не одна и, судя по характеру пулевого ранения Гены, стреляли оттуда. Мы начали оказывать помощь раненому, я взял его со стороны головы под плечи, Гена за ноги. Солдат был в сознании. У него пулевое ранение где-то чуть ниже бедра было, мы его с Геной протащили метров пятнадцать, а потом Сергеев упал на колени и, я смотрю, начал оседать...

По утверждению радио «Свобода», «Московских новостей» и журналиста Марка Дейча, снайперский выстрел был произведён из технического помещения фабрики Капанова, откуда в советский период осуществлялся контроль за зданием посольства Соединённых Штатов.

Здание фабрики возвышается напротив скверика на пересечении двух переулков – Верхнепретеченского и Глубокого. По вспышкам была засечена и огневая точка в гостинице «Мир», которая к этому времени также полностью контролировалась сторонниками Ельцина.

Так ли это? Сейчас уже трудно разобраться. Во всяком случае, как убеждён командир «Альфы» Геннадий Николаевич Зайцев, выстрел был произведён не из Дома Советов.

Да, «один убит» – это про него, про Геннадия Сергеева.

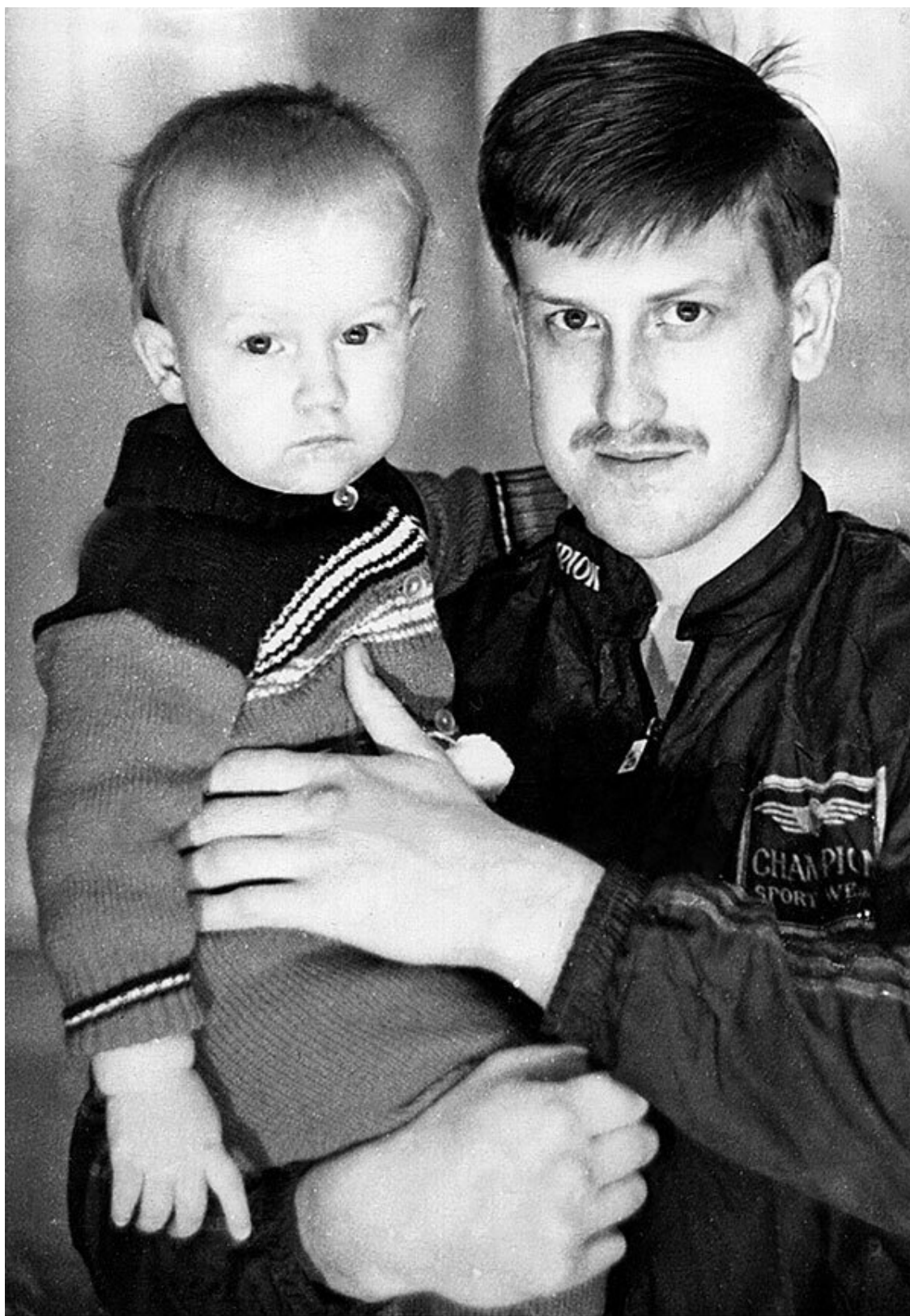
С группой боевых товарищей. Геннадий Сергеев – крайний слева. (Фото из архива Алек-

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Очевидно, этой смертью хотели спровоцировать «Альфу» на предельно жестокие действия против оппозиции. Когда до ребят дошло известие, что Гена застрелен, все словно с цепи сорвались: захотелось, как в старину, — «кровь за кровь!» Однако ж мести не последовало,

возобладал разум. Тем более, как вскоре выяснилось, стреляли с другой стороны. Очевидно, на волну атакующей ненависти «альфовцев» после гибели их товарища и был расчёт. Опять же, чтобы наказать за отказ штурмовать здание парламента.

Примерно в это же время парламентарии-офицеры Группы «А», разъяснив свои цели встретившему их на входе в здание генералу Виктору Баранникову (глава Министерства безопасности РФ по версии вице-президента Александра Руцкого), вместе с ним отправились в зал заседаний Совета национальностей. В помещении находилась основная масса депутатов, сотрудников аппарата Верховного Совета, журналистов.

«Подполковник Володя»³⁴ сказал, что сотрудники «Альфы» ни одного выстрела по зданию не сделали и что для переговоров их сюда никто не присылал. Далее он пояснил, что офицеры подразделения, не желая проливать кровь, приняли решение покончить с противостоянием мирным путём. Если находящиеся в Белом доме добровольно сдадут оружие, им гарантируется неприкосновенность и выход в город.

Переговоры длились недолго, после чего решение о сдаче «Альфе», во избежание дальнейшего кровопролития, было принято руководством Верховного Совета.

О последних минутах жизни Геннадия рассказывает Юрий Николаевич Торшин:

– Опустив солдата, я стал звать на помощь. Подбежали ещё солдатики, забрали своего раненого и потащили. Гена простонал: «Юрий Николаевич, меня зацепило...» А я не могу понять, куда его зацепило, пуля-то зашла в левую сторону под бронежилет. Прожил он ещё несколько минут, попросил: «Сделайте мне укол». Я достал промедол, потом второй... Большие Гена ничего не говорил – не мог... Я попытался взвалить его на себя – как это, знаете, происходит в кино, когда раненый боец висит на плече у своего товарища, а тот бодро бежит по полю. Какая чушь! Это не так-то просто. Сфера, бронежилет, боезапас... Гену я взял под руки, а автомат тащил волоком. Подбежали солдаты, которые уже отнесли своего товарища, и помогли мне донести Гену метров тридцать-пятьдесят до БМП. В БМП открыли задние створки люков и через них затащили Сергеева. Я сел рядом. Машина газанула к месту скопления скорых. Ряд карет как раз базировался в районе спортивного магазина «Олимп». Гена смотрел на меня и ничего не говорил. Я думал, у него болевой шок, стал растирать ему уши.

Когда БМП подъехала к карете скорой помощи, Гену перегрузили на носилки, и я спросил у врача или медсестры: «Скажите, а куда вы его повезёте? Чтобы знать, в какой госпиталь или больницу». Они отвечают: «В морг, погиб ваш товарищ». Гена фактически умер у меня на руках, а я даже не понял, что произошло.

Слёз не было. Поначалу

Услышав сообщение по телевидению «один ранен, один убит», Лена замерла от ужаса. «Не дай Бог, Генка...»

«4 октября. Понедельник. Успокаиваю себя, что он обязательно придёт, расскажет, что же там случилось. Не пришёл. Подумала, что он задерживается на задании, что вот-вот должен вернуться. Сашок тянет меня к бабушке Рае, а я не могу идти, говорю, что папа сейчас придёт с работы, ему надо отдохнуть. Прошла ночь».

На другой день Лена с утра увела сына гулять, но домой её тянуло непреодолимо. Вернулись. Во второй половине дня раздался звонок в дверь.

³⁴ Речь о Владимире Ильиче Келехсаеве. Так как разглашать фамилии действующих сотрудников запрещено, он в тот момент представился депутатам по имени. – Прим. ред.

«Ноги не идут, открывать совершенно не хочется, – вновь переживает те страшные минуты Лена. – Открыла. Стоят друзья Гены, коллеги – Толик Данилин, Алексей Кузин, Александр Голембевский.

В глаза не смотрят, молчат. Гены среди них не было. Помню, я подумала: «Что же случилось?» Толик: «Лена, крепись». Большие ни слова. Сначала до меня не дошло, что нечто ужасное случилось именно со мной, именно в моей семье. «Вы сразу скажите, ранен или убит?!» В ответ только одно слово: «Крепись».

Руки сразу задрожали, стало холодно и невыносимо тоскливо. «Он раненого спасал?» – «Да». Слёз не было. Поначалу. Ребята очень переживали, особенно Толик. Геннадий вместе с ним в Академии ФСБ учился. Потом всё было как в страшном сне. Звонки родственникам, родителям, ожидание чьего-то приезда».

Сестра Ольга не отходила от Лены три дня, за что она впоследствии была ей очень благодарна.

«6 октября. Среда. Приехали Александр Репин, Александр Михайлов и Юрий Торшин – старший офицер, который выносил потом Гену из-под огня. Он и рассказал, как погиб муж. Привезли Генины вещи, обручальное кольцо, наручные часы, которые остановились в минуту его гибели: 14.20».

Восьмого октября 1993 года Геннадия Николаевича Сергеева похоронили на Николо-Архангельском кладбище. Ему было двадцать девять лет. Фактически с него начинается Мемориал спецназа, хотя в тот период о нём и речи не могло быть. Никто и не представлял, что этот участок будет заполнен могилами спецназовской элиты страны – сотрудников «Альфы» и «Вымпела».

Указом президента России от 7 октября 1993 года младший лейтенант Сергеев был удостоен звания «Герой России». Этого решения добился Геннадий Николаевич Зайцев. В своей знаменитой книге «“Альфа” – моя судьба» он пишет^[31]: «Колоссальных трудов стоило, чтобы Гене Сергееву было присвоено звание Героя России – посмертно. Ведь первые доклады и просьбы по этому поводу натывались на глухую стену. У меня же основной довод был такой.

– Михаил Иванович, – убеждал я Барсукова, – вы же понимаете: ему безразлично, как он будет лежать в земле – героем или не героем. Но у него осталась жена с маленьким сыном на руках. Для них очень важно, будут они пользоваться льготами, предусмотренными для такой категории людей, или нет. Вот главный вопрос.

В конце концов, начальник ГУО согласился с моими доводами. Согласился, несмотря на то очень непростое положение, в котором оказался. Ельцин подписал соответствующий указ...»

Восемнадцатого октября Лена ездила с родителями мужа в Кремль...

Непросто решалась ситуация и с квартирой. Из мэрии на письмо вдовы пришёл ответ: вопрос может быть решён положительно, но только при условии, что предоставленная жилплощадь будет компенсирована ГУО. И тогда Михаил Иванович Барсуков сам позвонил столичному градоначальнику и объяснил ситуацию. «Немедленно напишите письмо на моё имя, и квартира будет выделена за счёт лимита Москвы», – последовал ответ. В результате двухкомнатная квартира на улице Красного Маяка была предоставлена.

Низкий поклон и искреннюю благодарность Лены и Гениных родителей заслужили очень многие друзья и коллеги, которые особо опекали их в первые – самые тяжёлые – годы. Это Герой Советского Союза Геннадий Николаевич Зайцев, Юрий Николаевич Торшин, Александр Владимирович Михайлов, Александр Георгиевич Репин – непосредственные начальники Геннадия. Поляков Сергей Андреевич, отвечающий в «Альфе» за социальный блок. И, конечно, Генины друзья – Дмитрий Стародубцев, Анатолий Данилин, Олег Шестаков.

...Дневник Лены Сергеевой заканчивается такими строчками: «Я никогда тебя не забуду, буду помнить тебя вечно. Ты всегда со мной и в моей памяти. Прощай навсегда, мой

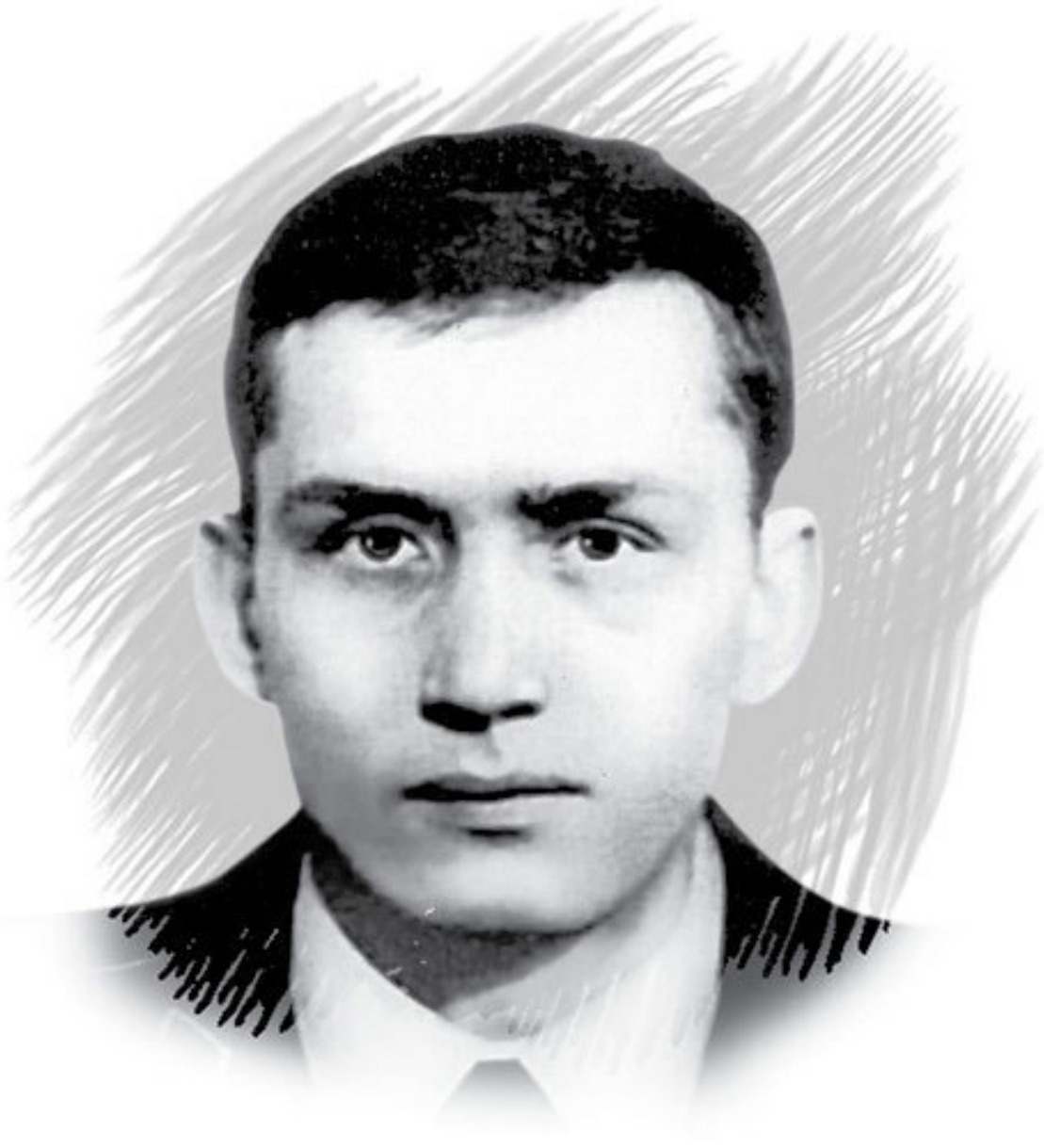
единственный, милый и любимый муж, Сашкин отец, своих родителей сын. Для меня ты был защитой и надёжной опорой. Для сына станешь примером. А для остальных – народным героем, героем своего времени».

Осенью 2013 года исполняется двадцать лет локальной гражданской войне, полыхнувшей в Москве. В головах многих нынешних молодых людей, как показывает опыт общения, те дни октября слились в одно с событиями ГКЧП.

Для Елены Сергеевой и сына Александра, выпускника Московского государственного агроинженерного университета имени В. П. Горячкина, они, эти трагические события, навсегда разделены трагической чертой на памятнике, между датами рождения и смерти их любимого человека. Впрочем, как и для всех боевых товарищей по Группе «А». И просто неравнодушных людей, сохранивших в наши смутные годы себя, как личности, и память о прошлом, являющейся мостиком в будущее.

Ольга ЕГОРОВА

От пехлеца до святого креста

Майор СОЛОВОВ Владимир Викторович (1963–1995)

Этот бой стал самым тяжёлым испытанием для «Альфы» в истории новой России. И не только по рекордному числу потерь. Спецоперация в Будённовске в июне 1995 года обнажила множество проблем в руководстве как собственно подразделением, так и страной в целом. В результате перед спецназовцами была поставлена задача, выполнение которой означало уничтожение и самой группы «А», и смерть почти всех заложников – а их в больнице, которую захватил отряд Шамиля Басаева, было около двух тысяч. Лишь случайное стечение обстоятельств – которое некоторые даже внутри подразделения считают промыслом Божиим – позволило избежать ещё бóльших жертв.

Тогда не удалось уничтожить банду и освободить всех заложников, но жертвы оказались не напрасны: Басаев пошёл на уступки, сняв политические требования и отпустив женщин с детьми.

В тот день «Альфа» потеряла троих офицеров, чего прежде не случалось за всю её историю. Один из них – майор Владимир Соловов, чья «тройка» в первые минуты боя оказалась ближе других к зданию больницы. Застигнутый ураганным огнём, он остался на поле боя, прикрывая отход тех, кто был позади. До своего тридцать второго дня рождения он не дожил десять дней...

Рождённый на земле богатырей

Будущий герой Будённовска появился на свет на рязанщине – земле, давшей России много славных сыновей. Среди них и былинные персонажи, такие как Добрыня Никитич и Евпатий Коловрат, и герои недавних сражений, среди которых знаменитый генерал Скобелев, освободивший Болгарию от турецкого ига, а также 500 георгиевских кавалеров, 300 Героев Советского Союза и Героев России, 42 полных кавалера ордена Славы. Да и Николай Макаров, создатель всемирно известного пистолета ПМ, авиационной пушки АМ-23 и других образцов вооружения – тоже родом из этих мест.

Рязанцы спокон веков воевали: сначала против кочевников с юга и с востока, затем – против орды, а в новой истории становились на защиту России от западных завоевателей – поляков, французов, англичан. Немало их полегло и в борьбе с фашистскими захватчиками.

Владимир родился 27 июня 1963 года в селе Муравлянка Сараевского района Рязанской области. Фамилию Соловов тут носят многие. Его отец, Виктор Архипович, – коренной муравлянин. После школы он пошёл учиться в авиационное военное училище, но после того как оно было расформировано, поступил в Сельскохозяйственный институт. После его окончания по распределению его направили в село Пехлец Кораблинского района Рязанской области, что в сотне километров от Муравлянки. К тому времени он был женат на Марии Григорьевне, с которой они счастливо прожили долгие годы.

Супруги вместе работали в межрегиональной «Сельхозтехнике», Виктор Архипович возглавлял электроцех. После горбачёвской перестройки, когда наступили тяжёлые времена, он наладил в цеху выпуск спецодежды, обеспечив работой многих односельчан.

Село Пехлец – очень древнее, ещё в 14 веке здесь был основан монастырь. На этих землях располагался пограничный с Диким полем Пехлецкий стан, упоминаемый ещё в платёжных книгах 16 века. Село стоит на живописной реке Ранова, отсюда к югу простирается плодородный чернозём. Село немаленькое: за годы Великой Отечественной войны отсюда на фронт ушло около тысячи местных жителей, двести из них не вернулись домой. А сегодня Пехлец получил известность благодаря офицеру «Альфы», участнику другой войны – с международным терроризмом.

У Андрея Платошкина, местного поэта и музыканта, есть такие строки^[24]:

*Эту песню вам спою я Про рязанские края,
Где на Ранове хрустальной Деревенька есть одна,
Где родник и сад вишнёвый,
Где над речкой школа есть,
Где златых хлебов раздолье,
Где озёра есть и лес.
Это древнее селенье,
Это мой родной Пехлец.
Здесь девчата загляденье,
Каждый парень молодец,
Хлебных нив поля без края.
Здесь в чести крестьянский труд —*

*И вкуснее каравай Вам нигде не испекут.
Златоглавый, православный – Храм на берегу стоит.
Крест его на зорьке ранней Словно по небу летит.
Здесь у памятника навишим
Память чтим своих отцов.
Здесь и школа, где учился Наш Володя Соловов.
Это русское селенье,
Это наш отцовский кров.
Здесь природа загляденье.
Здесь без края ширь лугов.
Это малая Отчизна, Где родился я и рос,
Где с любовью повстречался Средь есенинских берёз.*

Ещё во время учёбы в школе Володя проявил себя как настоящий лидер: активно участвовал во всех сборах и спартакиадах, местных и областных. Его избрали секретарём комсомольской организации школы. Он рано начал трудиться: с восьмого класса сел за штурвал комбайна. Но ещё в детстве он решил стать военным.

Свою мечту он начал воплощать в жизнь, поступив в Коломенское высшее артиллерийское командное училище имени Октябрьской революции, где вскоре стал получать престижную Ленинскую стипендию за выдающиеся успехи в учёбе. В это время он познакомился со своей женой Татьяной, и в 1984 году у них родился первенец – Максим. В том же году, окончив училище с золотой медалью, лейтенант Соловов был распределён в 27-ю отдельную гвардейскую мотострелковую Севастопольскую Краснознамённую бригаду имени 60-летия СССР, дислоцированную в подмосковном посёлке Мосрентген. Дочь Катя родилась четыре года спустя уже в Москве.

Когда в феврале 1989 года советские войска вывели из Афганистана, более сотни военнослужащих пополнили ряды 27-й бригады. Эти солдаты и офицеры, многие из которых были награждены боевыми орденами и медалями, стали примером для многих гвардейцев. Не стал исключением и Владимир Соловов.

Летом 1990 года постановлением Совмина СССР 27-я гв. ОМСБр придавалась КГБ СССР как 27-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада специального назначения (27-я гв. ОМСБр СпН). Когда в августе 1991 года был создан ГКЧП, военнослужащие бригады оказались в эпицентре событий. С 19 по 21 августа они охраняли Кремль и другие важные государственные объекты вблизи Манежной площади. После провала ГКЧП над бригадой нависла угроза расформирования. Тогда командиру удалось отстоять соединение, но указом президента СССР Горбачёва от 27 августа 1991 года 27-я ОМСБр СпН была выведена из состава войск специального назначения КГБ СССР и возвращена в состав войск Московского военного округа.

Вскоре, после восьми лет безупречной службы, Соловов – тогда уже в звании капитана – решил перейти в Управление «А», где уже проходил службу один из его бывших сослуживцев. Рекомендации у него были отличные, и, рассмотрев личное дело кандидата, руководство Управления приняло решение сразу назначить его на должность заместителя начальника отделения, которым руководил Юрий Дёмин.

Владимир пришёл в подразделение в самое сложное время. Тогда многие офицеры покидали «Альфу», которая вместе со страной переживала тяжёлые времена. Зарплаты задерживали, экипировку приходилось приобретать за свой счёт, а работы становилось всё больше – причём совсем не такой, к какой их готовили. На рубеже 90-х приходилось гасить локальные конфликты в союзных республиках, а в октябре 1993 года конфликт между ветвями власти разразился в Москве. Тогда «Альфа» сыграла ключевую роль в мирном разрешении ситуа-

ции, предотвратив большие жертвы и обеспечив безопасность защитников Белого дома, хоть и ценой жизни одного из своих офицеров³⁵. Отделение Юрия Дёмина, где был Владимир Соловов, тоже принимало участие в тех событиях.

После провозглашения Россией независимости «парад суверенитетов», который привёл к распаду СССР, стал разрушать и её. Ярko запылала новая горячая точка – Северный Кавказ. С начала 1990-х сотрудникам «Альфы» не раз приходилось выезжать в командировки в этот регион, в том числе и с целью освобождения заложников. Независимая Ичкерия стала зоной «теневого бизнеса», где бесследно пропадали грузы, деньги, люди... Участились вооружённые нападения на близлежащих территориях. Тогда это ещё был, в основном, откровенный бандитизм, но по своей жестокости и масштабам он уже напоминал терроризм. Так, 26 мая 1994 года в районе селения Кинжал четверо вооружённых чеченцев захватили рейсовый автобус, следовавший по маршруту Владикавказ – Ставрополь, и потребовали предоставить им 10 миллионов долларов, оружие и вертолёт. В заложниках оказались около 30 человек. Благодаря усилиям «альфовцев» на следующий день террористы были задержаны на территории Чечни, никто из заложников не пострадал. Участвовал в той операции и майор Владимир Соловов.

Такие нападения повторялись регулярно. Менялись только имена бандитов, число заложников и требуемые суммы. И ещё – исход операции. Не всегда удавалось спасти жизни всех заложников. Было ясно, что долго так продолжаться не может.

Началась подготовка к первой чеченской кампании. Командировки на Северный Кавказ следовали одна за другой. Подразделению приходилось выполнять множество задач. В частности, в конце 1994 года в Моздоке Дёмину и Соловову вместе с личным составом отделения поручили охранять спецпоезд, в котором находились министр обороны Павел Грачёв и глава МВД Виктор Ерин. Тогда Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Николаевич Зайцев высоко оценил проделанную ими работу.

Соловов поступил в Академию ФСБ, но получить второе высшее военное образование ему было не суждено.

Ставрополис, Святой Крест, Прикумск, Будённовск

На месте этого тихого городка на реке Куме когда-то было греческое поселение – Ставрополис, «город креста». Именно оно дало название русской крепости Святого Креста, основанной Петром I в низовьях Терека в 1722 году, да и всему Ставрополью. В крепости был сосредоточен значительный гарнизон – более 1300 человек и 24 пушки. Но после подписания Гянджинского договора между Россией и Персией, одним из условий которого был вывод российских войск за Терек, крепость была скрыта, разрушены церкви и дома горожан. Позже тут, в местечке Старые Маджары, жили переселенцы из Саратовской губернии, а в конце 18 века возникло армянское торгово-ремесленное поселение, которое по жалованной грамоте Павла I в 1799 году получило статус города Святой Крест.

Небесным покровителем города считается князь Михаил Тверской, племянник Александра Невского, замученный в Орде ханом Узбеком и причисленный в 16 веке к лику святых. Когда слуги и московские бояре везли из Орды в Тверь гроб с телом князя, они остановились на ночёвку в Маджарах. Местные купцы хотели поставить гроб в церкви, укрыв его дорогими тканями, но московские бояре, опасаясь гнева хана Узбека, поместили его в хлев. Ночью из хлева просиял огненный столп в виде креста. На этом месте, на развалинах хазарского Маджара, в конце 19-го столетия был возведён Мамай-Маджарский Воскресенский мужской монастырь. В начале 1930-х годов его Преображенский собор был разобран на кирпичи, из которых

³⁵ Подробнее об этом читайте в очерке, посвящённом Геннадию Николаевичу Сергееву, а также в новом издании моей книги «Люди “А”». – *Прим. авт.*

затем выстроили первый корпус будущей районной больницы, где и развернулись трагические события лета 1995 года.

Новая власть в 1921 году переименовала Святой Крест в Прикумск, а в 1935 году – в Будённовск. Позже город ещё дважды менял имя, сначала опять на Прикумск, потом вновь на Будённовск. Но в современной России мало кто знал не только его перипетиях, но и о самом существовании этого городка, пока там не случилась трагедия, которая потрясла всю страну.

Жаркое лето 1995-го

Шла к концу Первая чеченская. Тогда ещё никто не предполагал, что будет и вторая и что ещё много лет кровь будет литься и в Чечне, и по всей России. Наоборот, казалось, что дудаевские отряды, зажатые в горах, уже не смогут долго сопротивляться федеральным войскам, а угрозы лидеров боевиков рассчитаны лишь на психологическое воздействие.

Но нет, всё оказалось куда серьезнее. Шамиль Басаев, у которого уже был успешный опыт политического терроризма³⁶, решил перенести войну из Чечни в Россию, атаковать её изнутри мобильным, хорошо вооружённым и подготовленным отрядом.

Четырнадцатого июня 1995 года почти две сотни бандитов на трёх армейских КаМАЗах в сопровождении «шестёрки», раскрашенной под милицейский автомобиль, пересекли границу Ставропольского края. По некоторым данным, они направлялись в Минеральные Воды, где планировали разделить: одна группа захватывала самолёт в аэропорту, другая освобождала единомышленников из пересыльной тюрьмы «Белый лебедь» в Пятигорске (ныне СИЗО № 2). Как не раз заявлял Басаев, в том числе перед своими бойцами, при удачном стечении обстоятельств они планировали добраться до Москвы. При неудачном – воевать, где придётся.

Около полудня колонну остановили у милицейского поста на выезде из Будённовска для проверки документов. У бандитов была заготовлена легенда: дескать, везут «груз 200» – убитых российских солдат. Такие машины обычно не досматривали. Но милиционеры не пропустили колонну, а сопроводили её к городскому ОВД. Там и начался неравный бой.

Бандиты захватили первый этаж ОВД, но наверх пробиться не смогли: оставшиеся в живых милиционеры оказали ожесточённое сопротивление. Отряд рассыпался по городу, расстреливая прохожих и автомобили, врываясь в дома и учреждения. Басаевцы захватывали жителей и сгоняли их на площадь в центре города. Туда же подогнали бензовоз, угрожая взорвать его при неповиновении. Солнце палило нещадно, некоторые заложники теряли сознание.

Узнав о том, что в городе идёт стрельба, командир вертолётной части, дислоцированной неподалёку, отправил в Будённовск группу офицеров. Но что может горстка людей с пистолетами против мотострелковой роты, вооружённой автоматами, пулемётами и гранатомётами? Часть офицеров погибла на месте, части удалось выбраться из города, а нескольких тяжелораненых местные жители отвезли в больницу, ещё не зная, что вскоре она станет самым опасным местом в городе.

Захваченных военных и милиционеров бандиты сразу расстреляли. А ближе к вечеру огромную колонну повели к больнице: старое здание с толстыми кирпичными стенами как

³⁶ В ноябре 1991 года Шамиль Басаев вместе с Сайд-Али Сатиевым и Лом-Али Чачаевым угнал пассажирский самолёт Ту-154 из аэропорта Минеральные Воды в Турцию. В Анкаре боевики освободили заложников и провели пресс-конференцию, на которой потребовали не допустить ввода российских войск в Чечню (за два дня до этого, 7 ноября Ельцин подписал указ о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии), после чего турецкие власти позволили им на том же самолёте вернуться в Грозный. Одиннадцатого ноября Верховный Совет РСФСР принимает решение об отмене чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской АССР и выводе из республики российских войск и подразделений МВД. Этот захват самолёта стал первым политическим терактом в истории России. И Россия проиграла это противостояние. А Басаев вернулся в Чечню героем.

нельзя лучше подходило для длительной обороны. Там у всех проверили документы и отобрали ещё несколько человек для расправы.

Поздно вечером того же дня в Будённовск прибыли сотрудники «Альфы» из Москвы и Краснодара, всего около 130 человек. К тому времени периметр города был полностью блокирован частями Минобороны и внутренних войск. В самом Будённовске уже находился отряд «Русь», подразделения ГРУ, ростовский СОБР. Из столицы прибыла группа спецназначения МВД «Вега».

После прибытия «альфовцам» было поручено блокировать больницу, чтобы предотвратить возможные вылазки боевиков. Информации о числе заложников, бандитов и их вооружении не было даже приблизительной. Она появилась только на следующий день, когда Басаев через врачей передал свои требования и пригласил журналистов для интервью.

Судя по ней, в больнице находилось от двух до трёх тысяч заложников, а боевиков было около двух сотен, причём вооружены они были как лёгким, так и тяжёлым стрелковым оружием, подствольными гранатомётами, ручными гранатами, ручными противотанковыми гранатомётами и даже одним станковым гранатомётом. И, судя по обилию стреляных гильз, разбросанных по всему городу, недостатка в боеприпасах не испытывали.

Но в такой расклад было трудно поверить. В полученных данных сомневались даже бывшие на месте высокие чины – руководитель ФСК Сергей Степашин и министр внутренних дел Виктор Ерин (последний был назначен ответственным за операцию). Непосредственное руководство подразделениями было возложено на замминистра МВД Михаила Егорова. Начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков, в ведении которого находилась «Альфа», готовился к отъезду в Галифакс вместе с президентом Ельциным. Отказываться от встречи с заокеанским «другом Биллом» из-за трагедии в Будённовске Борис Ельцин не стал. Таким образом, «Альфа» оказалась в подчинении «чужого» ведомства, и это, по-видимому, тоже сыграло свою роль в ходе принятия решений.

Александр Михайлов³⁷:

– Прибыв в Будённовск, наше подразделение проследовало до Управления внутренних дел. Проезжая по улицам, мы поняли, что в городе была настоящая война: тут и там догорали дома, машины; асфальт и строения были густо испещрены отметидами от пуль и взрывов гранат. Войдя на территорию УВД, мы, руководители отделов и отделений, увидели тела убитых милиционеров, которые мужественно защищали своё Управление. Во дворе валялись и тела нескольких «чехов». Лестничные марши, стены коридоров и кабинетов, – всё было в следах от осколков гранат и пуль. Здесь был жестокий бой. Там мы и узнали, что чеченцы захватили больницу и большое количество заложников.

Через некоторое время мне и моему отделению была поставлена задача: организовать блокпост и перекрыть направление, ведущее в населённый пункт, на случай прорыва банды Басаева. Толком никто не назвал ни её численности, ни вооружения. Также ничего не было известно о замыслах террористов. И сейчас непонятно, почему мы двое с половиной суток выполняли функции милиции и армии – вместо того, чтобы активно готовиться к штурму, проводить рекогносцировку. Короче, заниматься изучением объекта.

Одно отрадно – как тепло, дружелюбно нас приняло местное население, когда прибыв на место, мы начали проводить работы по возведению и укреплению блокпоста. Узнав, что у нас практически нет питания, народ стал делиться с нами продуктами, старались нас разговорить, выражали надежду, что мы их защитим^[32].

Юрий Дёмин³⁸:

³⁷ Полковник, в 1995 году – начальник отделения.

³⁸ Полковник, в 1995 году – начальник отделения.

– После одного из мероприятий, где-то в 4 часа утра, нас окружила большая группа местных женщин, журналистов. Все пытались выяснить, как будет развиваться ситуация, будет ли штурм? На что Ерин чётко и ясно сказал, что штурм в ближайшее время не будет. Один из корреспондентов вдруг говорит: «Товарищ министр, как же так, а вот Ельцин сказал, что штурм будет». Ответом была минутная пауза. Ерину нужно было сообразить, что же такое произошло. Для него, очевидно, это было полной неожиданностью, и после паузы он сказал: «Что я могу ответить? Как президент сказал, так и будет»^[34].

Приказано умереть

Учитывая силы боевиков и огромное число заложников, вопрос о штурме поначалу рассматривался чисто теоретически. В штабе «Альфы» подсчитали, что потери среди личного состава на подходе к зданию составят до 32 %, при входе в объект штурма – до 10 %, при движении в здании – до 30 %. Всего – до 72 %. Практически это означало уничтожение подразделения как боевой единицы. Потери среди заложников в случае штурма оценивались в 90 %. Это противоречило всем принципам работы антитеррористического подразделения, поэтому было ясно, что необходимо искать другое решение³⁹. Но перед отъездом Борис Ельцин приказывает штурмовать, и в оперативном штабе, несмотря на позицию руководства «Альфы», готовы слепо выполнить приказ.

При этом не было предоставлено ни поэтажного плана здания, не было проведено ни одной тренировки, не было и даже достаточного количества спецсредств и боеприпасов, равно как и бронетехники для поддержки. Не было даже единой радиосвязи: «Альфа» пользовалась своей, закрытой связью, оперштаб и подразделения МВД и МО – обычными рациями, которые прослушивали боевики. С боеприпасами по своей личной инициативе помог командир «Веги» Сергей Лысюк, бронетехнику пообещали военные. Но обещания, как потом оказалось, остались обещаниями. Взаимодействия не получилось.

Александр Репин⁴⁰:

– В городе работал штаб. <...> Мы периодически туда давали информацию. Шла плановая работа. Было общение Басаева с представителями штаба. Мы уже формировали рабочие группы, рисовали план-схемы. В частности, мой Второй отдел шёл со стороны хирургического корпуса. Снайперские группы были со стороны детского сада и хирургического корпуса.

<...> Бойцы все были настроены решительно, но прекрасно понимали исключительную сложность ситуации. Особенно когда узнали, какое вооружение имеется у банды Басаева и что они провели частичное минирование объекта, какое количество больных, рожениц находится в этой больнице.

Как в таких условиях освободить заложников и уничтожить террористов? Постоянно ведя рекогносцировку, изучая местность, изучая полученную информацию, мы были склонны к тому, что как-то надо склонить террористов отказаться от их намерений.

Проблемный момент – связь! У нас в подразделении были отработаны связи между своими отделами, оперативными группами, отделениями и так далее. Но с другими подразделениями такой слаженности не было. Как оказалось, связь в этой операции оказалась слабым звеном^[34].

³⁹ Такое решение было найдено местными оперативниками. Почему оно не было принято к рассмотрению, а также о других подробностях операции в Будённовске читайте в моей книге «Будённовский рубеж. Расследование участника событий». – Прим. авт.

⁴⁰ Полковник, в 1995 году – начальник 2-го отдела Управления «А».

Александр Гусев⁴¹:

– Мы пытались объяснить руководству, что нельзя штурмовать больницу, говорили о последствиях – сколько может погибнуть людей. Представили расчёт сил и средств, спрогнозировали возможные потери сотрудников спецназа и, главным образом, среди заложников. Вообще штурм больницы, в которой двести террористов удерживают две тысячи человек, трудно спрогнозировать. Тем более у нас появились данные – и они подтвердились, – что террористы заминировали основное здание. Для этого они использовали взрывчатку и баллоны с кислородом, которого было навалом в больнице^[34].

Александр Репин:

– Уже в конце операции, когда террористы готовились к выезду в Ичкерия, несколько офицеров «Альфы» в форме сотрудников МЧС прошли в больницу и проверили, оставили ли басаевцы на прощание смертоносные «сюрпризы». В нескольких местах пришлось убирать взрывчатку^[34].

Александр Михайлов:

– В течение этих суток мы собирались в штабе и разрабатывали план штурма. Достали схему больницы, посмотрели, что и как. Покачали головой... Здание старой постройки, мощное, расположено буквой «Т». Толстые стены, решётки... Настоящий укрепрайон. Да и подобраться до окон первого этажа не так просто, хотя в тридцати метрах от больницы находились гаражи и котельная. Вот и все прикрытия! Но как пройти эти злосчастные три десятка метров? Бежать, ползком... на пулемёты? Вот и «чешем репу»^[32].

Сергей Поляков⁴²:

– Шестнадцатого июня после обеда <...> нам сообщили, что вечером руководитель операции Виктор Фёдорович Ерин и наше руководство хотят встретиться с личным составом. Мы понимали, зачем. <...> Мы <...> подготовили записку для руководства операцией. Мы указали, что там много басаевцев, что они хорошо вооружены, имеют всё необходимое, подготовили здание к обороне. Мы не говорили, что отказываемся <выполнить приказ>, просто высказали свои соображения. Было понятно, что на такой риск руководитель операции не должен идти. Нет смысла проводить такую операцию. Проще поднять авиацию, и то, может быть, живых больше останется. Как потом выяснилось, здание было подготовлено к подрыву, и если бы мы вошли, и сами подорвались бы, и всех заложников там потеряли бы.

<Но вечером> никто из руководства так и не приехал. Мы собрали личный состав, понимая, что если какая-то команда будет, пусть люди отдохнут. Они двое суток фактически не спали. По отделам мы провели небольшие учения, где рассказали, что, по всей видимости, нам предстоит штурмовать больницу. Гранаты применять не имеем права, потому что журналисты, которые ходили в больницу, видели, что в каждой палате люди сидят и стоят, как селёдки в бочке.

Где-то около девяти вечера нам позвонили и сказали, что приедет начальник штаба операции, первый заместитель главы МВД генерал-полковник Михаил Егоров. К сожалению, другие руководители операции, кроме нашего руководства, так и не прибыли. С другой стороны, ничего бы не изменилось, потому что приказ уже прошёл, решение было принято.

Когда он приехал к нам, было около полуночи. Он попытался нас немножко строгить, но мы ему дали понять, что строгить нас не надо. Он начал с того, что получен приказ президента на освобождение заложников силовым путём, «вы – одно из самых подготовленных подразделений в России, у вас большой опыт, мы уверены, что вы успешно справитесь с задачей». Мы ещё раз переспросили, есть ли такой приказ. Руководитель нашего подразделения

⁴¹ Генерал-лейтенант, в 1995 году – командир Группы «А».

⁴² Полковник, в 1995 году – начальник 1-го отдела Управления «А».

подтвердил, что приказ такой есть. К тому времени, как он приехал, люди уже уснули. Он сказал, что штурм намечается на четыре утра. Мы сразу сказали, что это не подготовка к такой масштабной операции. Мы не провели рекогносцировку^[9].

Руководство спецподразделения отдавало себе отчёт, что отказаться выполнить этот самоубийственный приказ не удастся. Ещё памятен был октябрь 1993-го, когда тот же человек отдал «Альфе» тот же приказ: идти на штурм здания. Только в здании Верховного Совета находились не боевики, а оппозиционный президенту парламент Российской Федерации. Тогда подразделение освободило здание без единого выстрела и вывело людей под свои гарантии безопасности. Но все понимали, что Ельцин хотел совсем другого штурма. Офицеры Группы знали, что повторного своеволия им не простят. Возможно, этот «бросок на амбразуры» стал удобным поводом для власти свести счёты: если подразделение каким-то чудом выполнит приказ, оно физически перестанет существовать, если не выполнит – потеряет авторитет. В этом раскладе не учитывались только судьбы тех, кто уже несколько дней находился в больнице под дулами автоматов. И чьи родственники выступали у здания ОВД, где заседал штаб, против силового решения ситуации.

Для сравнения: подготовка к освобождению заложников в Лиме⁴³ длилась около полу-года, при этом к началу штурма в здании находились полтора десятка террористов и семьдесят заложников. В Будённовске генералы, подгоняемые Ельциным, объявили о штурме за несколько часов до него; этого времени не хватило даже для полноценного отдыха.

Александр Михайлов:

– Высокие чины в лице Ерина, Степашина, Егорова, едва прибыв на место, даже не встретились с нами, не обсудили проблемы штурма больницы, не выслушали предложения профессионалов, а сразу поставили задачу – «Вперёд на Шепетовку!» Не имея поэтажного плана здания, используя в качестве карты аэрофотоснимок, сделанный вертолётчиками с птичьего полёта, они всё решили за руководство штурмующего подразделения. Как жаль, что высшее руководство государства поручило проведение этой сложнейшей операции ни хрена не понимающим господам в «генеральских» погонах, для которых человеческая жизнь – ничто...^[32]

Александр Гусев:

– Я во многом понимаю и решение Ельцина <...>. Обстановка выходила из-под контроля. Город маленький, и почти у каждого жителя находился в заложниках близкий. Этот факт мог привести к тому, что люди сами бы пошли освобождать родственников. Я также уверен и в том, что мы смогли бы достойно завершить операцию... если бы не было принято решение выпустить террористов. Относительно благополучный исход налёта на Будённовск подтолкнул Радужева на совершение подобной же акции в январе 1996-го^[28].

Шестнадцатого июня во второй половине дня «Альфу» отвели с блоков, чтобы дать людям поесть и помыться перед боем. Разместили в школьном спортзале. Командиры, построив личный состав, объявили: «Завтра мы идём на смерть и большинство из стоящих здесь, возможно, погибнут. Тот, кто не готов, может выйти из строя. Никаких претензий к нему не будет». Никто не сдвинулся с места.

Юрий Дёмин:

– Наше нахождение на блокпосту уже было нецелесообразно. Прислали замену – бойцов внутренних войск, а мы приехали в расположение нашего подразделения, в здание школы.

⁴³ Теракт Революционного движения им. Тупака Амару (РДТА), совершённый 17 декабря 1996 года в столице Перу Лиме, когда 14 членов РДТА взяли в заложники несколько сотен высокопоставленных дипломатов, правительственных и военных чиновников и бизнесменов, присутствовавших на банкете в японском посольстве. Большая часть заложников была отпущена в первые десять дней. Оставшиеся 72 были освобождены 22 апреля 1997 года в результате рейда командос Перуанских вооружённых сил, в ходе которого один заложник, два командос и все боевики РДТА были убиты. За это время удалось внедрить в посольство десятки прослушивающих устройств, а сам штурм отрабатывался на специально построенной для этого точной копии здания.

Была чётко поставлена задача, с какой стороны и какое отделение идёт. Теперь нужно было всё конкретизировать. В составе 2-го отделения мы с Матовниковым⁴⁴ провели боевой расчёт: каждый сотрудник знал, куда он должен направляться, в какое окно проникать, через какую дверь проходить; кто будет возглавлять при выдвигении.

Боевой дозор возглавил Владимир Соловов, вместе с ним – Руденко и Литвинчук. Остальные уже должны были идти за ними, выстроившись в боевую колонну. Каждый понимал, что вести активный боевой контакт просто невозможно, поскольку все коридоры и все помещения забиты заложниками. Любой ближний бой мог привести к большим жертвам. С собой мы решили не брать много боеприпасов, чтобы не перегрузиться и не потерять в быстроте движения.

Лично я должен был идти за боевым дозором и руководить действиями подразделения уже при подходе к зданию. Наша беда заключалась в том, что место, от которого предстояло выдвигаться, мы не знали, не видели. Ночью, конечно, можно было спокойно занять боевые позиции и потому уже вести совершенно другой бой.

Перед штурмом была дана команда: два часа отдыха, а на рассвете атаковать. Никто из нас реально не представлял, как это может произойти. Ситуация предельно серьёзная! Насколько я знаю, в мировой практике подобного не случалось, чтобы захватывали по две-три тысячи человек и порядка двухсот боевиков их удерживали в таком непростом здании, как больница.

В тот период, когда мы охраняли Ерина, узнали, что внизу здания установлены баллоны с кислородом и они заминированы. Басаев находится непосредственно там, то есть в любой момент он приводит взрывное устройство в действие и вся больница взлетает на воздух.

Впрочем, если бы основной целью являлось проведение акта с большим количеством жертв, то тогда не надо захватывать заложников. Загнали бы всех в больницу, заминировали, нажали на кнопку и – всё! Но поскольку этого не произошло, а шёл уже третий день, то стало ясно: нет, не тот случай. А значит, у нас есть определённые шансы освободить заложников. С какими потерями это будет осуществлено, этого, естественно, никто не мог просчитать. Каждый мысленно представлял, что он идёт с открытой грудью на амбразуру^[36].

Вкратце план был таков: часть «альфовцев» обеспечивает огневое прикрытие, в то время как другая по штурмовым лестницам забирается в окна первого этажа. Дальше предстояло действовать по обстановке. Ключ к успеху операции заключался в её внезапности. Но её обеспечить не удалось.

Александр Гусев:

– У террористов имелись пособники вне стен больницы. Они-то и сообщили, что спецназ выходит на исходные рубежи⁴⁵. Кроме того, подвели врачи скорой помощи, которые стали по прямой связи предупреждать своих коллег, чтобы те были готовы к приёму большого числа раненых. Ещё одно обстоятельство было не в нашу пользу. Террористы расставили по территории больницы «растяжки», и потребовалось время, чтобы их ликвидировать.

С большой натяжкой можно назвать эту операцию «специальной». По сути, общевойсковой бой. Единственное отличие – присутствие большого числа заложников из числа мирных граждан. Отсюда скованность в наших действиях, многие ограничения, включая применение тяжёлого вооружения. Самое страшное, что не существовало необходимого вза-

⁴⁴ Александр Анатольевич Матовников – генерал-лейтенант, заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками Российской Федерации, в 1995 году – заместитель начальника отделения Управления «А».

⁴⁵ Впоследствии стало известно, что басаевцы ждали штурма ещё накануне и вели круглосуточное наблюдение. Кроме того, незадолго до штурма загудели моторы: военные стали прогревать тяжёлую технику, а один из милиционеров обсуждал начало штурма при включённой на передачу рации. К тому моменту, когда «Альфа» вышла на рубежи, уже рассвело. Таким образом, демаскирующих факторов хватало. – *Прим. авт.*

и взаимодействия между силовыми структурами, каждое ведомство пыталось сохранить своих людей и технику^[34].

Под кинжальным огнём

Александр Михайлов:

– С третьего на четвёртый день с блокпоста нас перевели в здание школы-интерната. Там мы помылись и улеглись чуть-чуть поспать, потому что за двое суток, находясь на блоке, почти не прикорнули. В час ночи меня вызвали в штаб. Там уже находился начальник нашего отдела Володя Тарасенко и начальник штаба Группы полковник Анатолий Николаевич Савельев, который сказал: «Буди ребят, будет штурм».

Примерно в начале третьего часа ночи я всех поднял и отдал приказ: «Приготовиться к штурму больницы». Подгонять моих ребят не требовалось, они сами знали, что брать, чем вооружаться, – я лишь перепроверял и контролировал. Было решено, что первой на штурм пойдёт «Альфа», поскольку в целом мы были лучшие подготовлены, вооружены и главное – радиофицированы. Мы заходили со стороны котельной. Тридцать метров через лесополосу – и вот они, окна^[36].

В то утро наше отделение на позицию вёл местный дед. Накануне ему показали точку на аэрофотосъёмке, куда надо было вывести бойцов. Но он по ошибке привёл нас к противоположной стороне больницы, возле морга и котельной, где уже были другие «альфовцы», в том числе и «тройка» Владимира Соловова. Однако эта ошибка впоследствии спасла нам жизнь, потому что с другой стороны здания была голая земля и укрыться от кинжального огня, который с началом штурма открыли басаевцы, там было бы негде.

Александр Желтоухов⁴⁶:

– Где-то часа в два ночи был отдан официальный приказ о начале операции в пять часов. Снайперы выдвинулись на позиции сразу. Группами по два человека мы окружили больницу.

Я встал в пару с нашим бойцом из Краснодара. Наша позиция была со стороны телевизионной вышки и главного входа – по этому направлению должна была выдвигаться краснодарская группа. Мы вышли по садам и залегли прямо в поле. Время было уже три часа, по полю ползли мы очень медленно, ведь наше передвижение хорошо просматривалось из окон.

В 4.45 я получил запрос от краснодарской группы, готов ли я начать огонь и прикрыть их. Я сказал, что готов, вижу всё хорошо, но ещё не наступило время штурма. И буквально через пять минут началась стрельба со стороны войск МВД. Я повернул голову назад, смотрю, по полю несётся краснодарская группа. Но не стреляя, а просто перебежками, в шахматном порядке, и несут лестницу – первый этаж чеченцы завалили матрасами. Пробегают мимо меня, абсолютно не замечая, – я был в специальной маскировке. Со стороны больницы началась автоматная стрельба. Я прицеливаюсь, валю одного человека и сразу второго, который вместо него появился. И после этого начинается такая стрельба, что у меня на бруствере (я выбрал естественную ложбинку в поле) земля просто закипает от пуль. Рядом стояла железка какая-то, вроде железнодорожной рельсы, так её тоже сразу в нескольких местах пробило пулями. Я удивился: не должны были они меня заметить. Сменил позицию.

Спереди обстрел прекратился, но тут закипел песок с тыла. Вот, думаю, интересно, как это с тыла меня достают? Делаю запрос: мол, кто у меня находится сзади? Свои. Лётчики местные. Вот что потом мне рассказали наши бойцы, которые после моего запроса туда побежали: «Приходим, – говорят, – а они совершенно пьяные. Объясняют: “У нас в больнице

⁴⁶ Капитан, в 1995 году – снайпер.

друзья в заложниках, их сейчас расстреляют за то, что вы штурм начали”». В общем, ещё минут пятнадцать я там ползал под пулями родными, пока наши не разобрались.

Тем временем краснодарцы подобрались вплотную к больнице. Там стоял забор такой, из сетки. По сценарию штурм должен был подойти БТР и проломить эту сетку, но он задержался. Мужики стоят там под шквальным огнём. Я чем могу им помогаю, веду огонь по всполохам выстрелов. Наконец, выехал бронетранспортёр. Только он появился и дал первую очередь, тут же со стороны больницы – выстрел из гранатомёта. По нему не попали, но он задрал ствол вверх, пулемёт заклинило: технике-то уже чуть ли не тридцать лет. Смотрю, у водителя «очко» сыграло и БТР стал отползать назад. Он, конечно, мог продавить забор и так, без огневой поддержки, будь водитель по-опытнее. Потом его, конечно, сожгли бы, но и дело сделать, и спастись при определённой сноровке можно было. Краснодарцам же пришлось сменить позицию: они откатились под укрытие и оттуда продолжили вести огонь^[50].

Нам повезло, что у басаевцев не выдержали нервы. Они открыли огонь, когда мы только начали выдвигаться по открытой местности, поэтому большинство успело укрыться за котельной. Если бы бандиты подпустили нас ближе, половина подразделения легла бы на месте.

Юрий Дёмин:

– Мы шли, словно «тевтонские рыцари»: в увесистых бронежилетах, при этом быстро передвигались, и это тихой степной ночью было здорово слышно. Первая группа – Владимир Соловов, Фёдор Литвинчук и Андрей Руденко. Как только они вышли на открытую местность, тут же попали под пулемётный огонь. Плотность огня была такая, что постоянно били фонтанчики. Я понимал, что сзади идёт ещё больше сотрудников, и если мы сюда сейчас всем скопом заберёмся, то нас на этой площади всех и положат. Хотя мы уже практически вышли... Пришлось остановиться. Смотрю, Соловов побежал влево. Я разворачиваюсь, оставив отделение и говорю, что нужно перегруппироваться и обойти с другой стороны.

Я побежал вокруг гаражей, там где-то метров сорок-пятьдесят, и выскочил к открытым воротам. Через них было видно, что отсюда намного ближе до здания, буквально метров двадцать-двадцать пять. А на первоначальном маршруте – не менее ста пятидесяти метров.

За мной подтягивалось подразделение, и у меня за спиной был Сергей Милицкий. Я ему говорю: «Серёж, ты меня прикрой. Я сейчас подбежу к больнице, посмотрю, что там происходит». Он меня стал прикрывать, и, по всей видимости, этого боевики не ожидали – я проскочил, по мне ни одной очереди не засадили^[36].

Сергей Милицкий⁴⁷:

– С Сергеем Савчуком проделали проход в сетке-рабице и вышли во двор гаражей. Где-то совсем рядом уже шла серьёзная перестрелка, а мы в полной тишине перебежали к одноэтажному пищеблоку больницы. По-моему, очень быстро рассвело, и, как мне кажется, где-то в это время я услышал голос Володи Соловова: «...Всё, руке конец!» Большие я его не слышал.

Вдоль гаражей, куда побежал Соловов, – деревья и небольшой кустарник. Подумали, что он там. Я бросил дымовую шапку, чтобы прикрыть товарища. Всё заволокло дымом, а Володи нет и нет! Ещё одну шапку бросили, опять нет!^[36]

Александр Михайлов:

– Мы приготовились к броску. Нужно было ещё преодолеть газоводную трубу, проходившую над землёй. Я уже занёс ногу, как вдруг... бой возник из ниоткуда: тройка наших братьев из передовой группы Юрия Дёмина – в её составе находился и майор Владимир Соловов – неожиданно угодила в огневой мешок. Оказавшись под перекрёстным огнём, Володя героически погиб, приняв огонь на себя. Он дал нам нужное мгновение, чтобы сориентироваться и откатиться за укрытия. <...> Лично меня спасло то, что я не успел полностью перелезть через

⁴⁷ Полковник, в 1995 году участвовал в штурме больницы в составе отделения Дёмина.

трубу... Мгновенный кувырок назад – и я за углом котельной, куда меня буквально втащил за шиворот Сергей Таланов. Над головой – шквал трассеров, пуль, дождь из посечённых веток и листьев...^[36]

Соловова я сразу потерял из виду, а его товарищей увидел перед котельной: они залегли за кучкой щебня – уже раненый Фёдор Литвинчук и Андрей Руденко, которого мы прозвали Ломоносов – такой же белокурый, статный, широкий в кости, – настоящий богатырь. Как его могла защитить эта крохотная кучка, я до сих пор не понимаю. В ней потом пуль оказалось больше, чем щебня.

Неравный бой

«Трудно назвать эту операцию антитеррористической», – отмечает командир «Альфы» Александр Гусев^[34]. Это был настоящий общевойсковой бой. А по всем правилам военной науки в этом случае у наступающих должно быть как минимум трёхкратное превосходство. Здесь такого не было. Мало того, в вооружении боевики даже превосходили нас: пули их автоматов и пулемётов калибра 7,62 мм прошивали титановые каски и в пыль разбивали керамические пластины бронежилетов. Вдобавок на крыше стоял 12,7-мм пулемёт – грозное оружие против легкобронированных целей и на земле, и в воздухе. И это не считая ручных гранат, которые летели из окон на тех немногих, кто сумел подобраться к зданию.

Бойцы СОБРа, прикрывавшие «Альфу», вспоминают, как преодолев ползком по траве пустырь, они добрались до бетонных блоков. Когда обернулись, увидели, что там, где они ползли, трава скошена, как косой, пулемётными очередями. Пули крошили в труху кроны деревьев, на головы наступающим сыпался дождь из срезанных листьев и веток.

Входы в здание были забаррикадированы и заминированы, на нижних окнах – решётки, и почти в каждом окне террористы выставили заложников и вели огонь, прикрываясь ими. Поэтому быстро подавить огневые точки противника без жертв среди заложников было нереально. Уже в первые минуты стало ясно, что план оперативного штаба провалился. Почти сразу были ранены несколько «альфовцев», кто-то попал в огневой мешок и не мог выбраться. Требовалась эвакуация.

Обещанную бронетехнику пришлось ждать долго. Одну из бронемашин, направлявшуюся к больнице со стороны инфекционного отделения, сразу же подбили. Другая добралась до котельной, но снова выстрел из гранатомёта – и она запылала. В ней сгорел майор, сопровождавший боеприпасы, которые везли атакующим.

Только с третьего раза, условившись с экипажем БТРа об огневой поддержке со стороны «Альфы» и координируя движение машины, удалось вывезти Литвинчука и Руденко – и то молитвами их товарищей: одна граната, выпущенная боевиками, пролетела в считанных сантиметрах от БТРа, другая срикошетила от брони.

Но Владимира Соловова тогда отыскать тогда так и не смогли. Как оказалось, он подобрался ближе других к зданию больницы. Бой шёл уже минут сорок, когда раздался его голос в рации: «Всё, руке конец!» Как потом выяснили, пулемётная очередь почти оторвала ему руку. Рядом с ним нашли бинты из индивидуального пакета – видимо, когда он перевернулся на бок, чтобы сделать себе перевязку, смертельная пуля в спину настигла его.

Александр Михайлов:

– В течение начавшегося боя мы неоднократно вызывали «броню», чтобы подобраться к стенам. Ведь нужно закрепиться и осмотреться, накопиться, разобраться в ситуации. Боеприпасы на исходе... А с техникой получилась вот такая беда: БТР, который должен был доставить нам боеприпасы, подбили. Граната угодила точно в корму, где находятся топливные баки.

«Коробочка» пылала. Внутри неё находились трое: водитель-срочник, совсем ещё мальчишка, его командир, младший офицер, и ещё какой-то штабной майор, который вёз нам... бумажки. Просто бумажки на подпись, чтобы мы за боеприпасы расписались. Из-за этих самых дурацких бумаг человек сгорел живьём. Когда мы его достали, он уже обуглился...

<...> Технику нам больше не дали, связь у меня и у ребят сдохла. Тело Володи Соловова мы сразу забрать не смогли: без «брони» это было просто невозможно. Через некоторое время нам дали команду отойти на исходные позиции. Воцарилось какое-то затишье^[35].

Александр Гусев:

– Генералы из МВД отказались предоставить нам свои бронетранспортёры и боевые машины пехоты⁴⁸. Меня заверили, правда, что как только появятся раненые, сразу же будет подходить техника для их эвакуации. Однако это обещание выполнялось очень плохо. Мои сотрудники кричали, не выбирая выражений: «Когда будет техника?! Люди кровью истекают...» Кроме того, из-за неразберихи и безалаберности с одного из милицеевских блокпостов была самовольно начата беспорядочная стрельба в сторону больницы. Одна моя группа попала под перекрёстный огонь: спереди бьют террористы, сзади – милиция. У нескольких моих сотрудников бронежилеты были вспороты на спине.

Патронов и гранат басаевцы явно не жалели. Интенсивность огня не ослабевала. После окончания боя мы прошли до больницы, посмотрели, сколько выбоин и отметин от пуль осталось на асфальте. Будто свинцовый град прошёл, настолько всё было искромсано и истерзано.

Юрий Михайлович Лужков возмущался потом, когда приезжал в Будённовск: зачем, мол, разворотили входы? Это я приказал. Первым делом поставил задачу – разбить из гранатомётов подъезды, чтобы дать заложникам пути для выхода, – по нашим сведениям, подъезды были заминированы. И это дало результат: с началом штурма из больницы убежали около ста заложников^[33].

Александр Желтоухов:

– Я понял, что штурм захлебнулся, в тот момент, когда отошла краснодарская группа по моему направлению. Я же пролежал на точке ещё пять часов после того, как прекратились боевые действия. Тридцать пять градусов жары, я – в полном снаряжении, шевельнуться не могу: заметят и накроют. Попросил по рации, чтобы проехал по полю БМП и я под его прикрытием смог бы уйти. Смотрю, выезжает на поле машина и медленно движется по направлению ко мне. А у меня связи с ним нет: рации абсолютно разные. Вот, думаю, вначале свои не подстрелили, так теперь раздавят. Но всё обошлось: из штаба его сориентировали, он остановился в десяти метрах от меня и начал стрелять вверх больницы, для остротки. Я подскочил к нему сбоку, постучал по кожуху гусеницы. Открылся люк, оттуда высунулось узкоглазое лицо: «Здрасьте». В общем, вышел я под прикрытием брони с поля.

Нас отвели обратно в школу, и выяснилось, что мы потеряли троих убитыми⁴⁹ и порядка 15–17 человек ранеными⁵⁰. Тогда же мы узнали, что премьер Черномырдин ведёт переговоры с Басаевым по телефону. Но лучше бы он сам сюда приехал.

Тем не менее восемнадцатого <июня> снайперы получили устный приказ занять боевые позиции и работать «в свободном поиске». Но начать мы так и не успели: начались переговоры на месте и приказ отменили^[50].

⁴⁸ В курс подготовки Группы «А» входит полный курс вождения всех видов бронетехники, поэтому необходимые умения и навыки у «альфовцев» были.

⁴⁹ Двум другим погибшим сотрудникам «Альфы» – лейтенантам Дмитрию Юрьевичу Бурдяеву и Дмитрию Валерьевичу Рябинкину посвящён отдельный очерк этой книги.

⁵⁰ На самом деле ранения получили более двадцати человек. Первую помощь раненым прямо в машинах скорой помощи оказывал врач подразделения – Виктор Иванович Клименченко. Тяжелораненых затем отправляли на вертолётах в больницу Зеленокумска.

Когда ребят удалось вытащить из «огневых мешков», штурм был прекращён. Почти четвертая часть «альфовцев» была ранена. Пуля попадает в автомат – и рука повисает безжизненной плетью, осколки бьют по лицу. У одного из бойцов насчитали девять попаданий: три пули в бронежилете, три в автомате и магазинах, три в теле. Около четырёх часов продолжалась эта жуткая дуэль. И – давящий на уши вопль заложников из окон.

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

В тот день ещё не раз разгорался бой: подразделения Министерства внутренних дел и Министерства обороны вели огонь по больнице из стрелкового оружия и гранатомётов – даже не стараясь соблюдать ювелирную точность, как это делала «Альфа», и не предпринимая попыток штурма. Скорее, это были попытки устрашения. Но воздействие они оказывали главным образом на заложников.

Из-за непрекращающихся обстрелов в тот день так и не удалось вынести тело Владимира Соловова. Забрали его только в воскресенье, пригрозив Басаеву новым штурмом, если он не позволит отыскать и забрать убитого спецназовца. Вот свидетельство начальника отдела по борьбе с организованной преступностью УБОП при УВД Ставропольского края Владимира Попова, принимавшего активное участие в переговорах и освобождении заложников:

– За пищеблоком мы обнаружили труп сотрудника «Альфы» Владимира Соловова. Он лежал за деревом в тридцати-сорока метрах от основного здания больницы. Мы осмотрели его и увидели, что у него перебита рука. Рядом лежали бинты коричневатого цвета, как будто пропитанные йодом. Похоже, он пытался перевязать себе руку, но был убит выстрелом снайпера.

Я забрал его бесшумный автомат «Вал», магазины к нему, каску, радиостанцию, гранаты. Гранаты и магазины с патронами успел сунуть себе в карманы камуфляжа. Меня окликнул боевик, который стоял за решёткой пищеблока и контролировал нас, подозвал к себе и потребовал отдать автомат. Я вынужден был подчиниться. Я зашёл за гаражи, где сидел спецназ, и бросил им каску, радиостанцию и гранаты. Позже руководитель «Альфы» Гусев попросил меня вернуть оружие Соловова из Чечни. Это было делом чести, и я просьбу выполнил.

Мы долго не могли вынести Соловова с территории больницы, по ней продолжали колосматить наши.

Крест на облацах

На следующий после штурма день, в воскресенье, когда стрельба ещё периодически обновлялась – в основном, со стороны российских войск, – жители Будённовска увидели в небе молящуюся возле Креста Богородицу.

– Меня захватили вместе с пассажирами городского автобуса, – рассказывает <...> Вера Владимировна Евтушенко, – а потом переводили из отделения в отделение. <...> В воскресенье утром, 18 июня, приблизительно в промежутке от 8 до 10 часов утра, одна женщина вдруг воскликнула: «Девчата! Смотрите!» Все осторожно, боясь попасть под пули наших солдат, выглянули в окно, обращённое на восток, и увидели в небе как бы облачный Крест. Справа от него прямо на воздухе стояла в скорбной позе Богородица, обращённая в три четверти ко Кресту, молящаяся и в чёрных одеждах. Люди были в сильном страхе от басаевцев и не могли как следует разглядеть явление. Только думали: «Что это предвещает? Смерть или свободу?» Видение продолжалось около получаса^[49].

Рассказы очевидцев задокументированы и, хотя расходятся в деталях, едины в главном.

Богородицу заметили и чеченцы. Один из боевиков говорил Нине Васильевне Леоновой, певчей и чтице Казанского храма г. Святой Крест (Будённовска): «Я видел явление!»

Многие уверены, что Божия Мать молилась о заложниках и тех, кто шёл под пули ради их жизни. Без Её заступничества исход боя мог оказаться куда более страшным. На ветерана Группы «А» Виктора Ивановича Блинова – человека легендарного, исключительного мужества, который под огнём врага смог дойти до самой больницы, из окон сыпались гранаты. И надо же такому случиться, что впопыхах басаевцы забывали выдёргивать чеку! У другого «альфовца» пулями повывивало пластины бронежилета, в карманах вперемешку с патронами оказались прилетевшие чеченские пули, но сам он остался цел. И главное непонятно, как можно было остаться в живых, ведя этот многочасовой бой – в меньшинстве, в десятках метров от пулемётов, бьющих сверху перекрёстными очередями, когда на деревьях листья были снесены пулями, а на земле была скошена трава, – да ещё и поражая противника!

Сергей Поляков:

– Вернувшись из Будённовска, я обратился к Богу. Любой профессионал скажет, что в той ситуации, в которой оказались мы, наши потери были минимальны. Мы чудом не успели выйти на исходные позиции – погибли бы почти все. Вернувшись в Москву, я прочитал, что город Будённовск, некогда Святой Крест, был построен на месте казни Михаила Тверского – князя, который добровольно поехал в Орду и ценой своей жизни спас родной город. Чудесным образом именно Михаил Тверской всегда считался покровителем нашего подразделения.

Я продолжил служить в подразделении и ушёл на пенсию в 2004 году. Перед каждой операцией я благословлял ребят. Офицеры нашего подразделения всегда рисковали жизнью, чтобы спасти тех, кто в беде. Это ли не христианское служение?

Все эти дни прихожане Ставрополя и всей России молились о даровании свободы пленённым. Когда митрополиту Ставропольскому и Владикавказскому Гедону стало известно о чуде явления Божией Матери, он благословил написать её образ в память о безвинно убиенных. За 12 дней Свято-Крестовская икона (в честь исторического названия Будённовска) была написана уроженкой Святого Креста, рабой Божией Ольгой, и освящена на мощах Святителя Игнатия (Брянчанинова) в Андреевском кафедральном соборе Ставрополя.

Среди «альфовцев» и членов их семей немало тех, кто считает, что Мать Божия не раз брала Группу «А» под свою защиту – как возле Белого дома осенью 1993 года, в Будённовске, на Дубровке, в Беслане... Во всех случаях из губительной, безысходной ситуации находился выход, когда либо удавалось вовсе избежать потерь, как при штурме заминированного

Театрального центра на Дубровке, либо обходилось малыми жертвами, хотя оттого не менее горькими...

И Басаев дрогнул...

Как выяснилось позже, когда «альфовцы» усилили огонь, чтобы обеспечить прикрытие «броню» для эвакуации раненых, Басаев сам запросил переговоры. По-видимому, «террорист номер один» испугался, что штурм продолжится, и, несмотря на большие потери, здание всё же будет захвачено, а заложники освобождены. Тем более что к тому времени у террористов уже кончались патроны. Второй атаки они бы не выдержали. Но в оперштабе этого не знали. Поэтому когда Басаев отпустил женщин с детьми, беременных и тяжелораненых и выдвинул новые условия, в которых больше не было требований о немедленном выводе российских войск из Чечни, а только о прекращении боевых действий и гарантиях безопасного возвращения в Чечню его отряда, в российском руководстве это восприняли как подарок. И Виктор Степанович Черномырдин, который в отсутствие президента исполнял его обязанности, принял условия террористов. Впрочем, по возвращении из-за границы Ельцин полностью одобрил его решение⁵¹.

На самом деле Басаев пытался вести сильную игру при слабой карте. Но его блеф удался. И 19 июня, когда террористы покидали больницу, они набили свои рюкзаки тряпками, чтобы создать видимость наличия солидного боезапаса.

Нужно ли было выпускать бандитов в обмен на жизни заложников или стоило поискать другое решение? Сейчас, после Кизляра и Первомайского, после кровавых терактов на Дубровке и в Беслане, организованных всё тем же Басаевым, многие изменили своё мнение. Не вернись тогда отряд Басаева в Чечню, скорее всего, не было бы сотен погибших россиян в этих и многих других терактах. Ведь после ликвидации «террориста номер один» в 2006 году никто так и не занял его место и террористическая активность заметно спала.

Александр Михайлов:

– Тут влезли «миротворцы». Начались переговоры, реверансы, уступки... Когда появился правозащитник Ковалёв, Александр Владимирович Гусев ему в ультимативной форме заявил: если террористы не отдадут нам тело нашего товарища Володи Соловова, вся «Альфа» снова пойдёт на штурм. Но тогда уже – битва до последнего. Переговорив с Басаевым, Ковалёв выторговал для нас эту гарантию. Сотрудники «Альфы» переоделись в форму МЧС и пошли забирать тело Володи.

Наши осмотрели здание больницы и с удивлением обнаружили всего лишь четыре трупа боевиков. Мы, разумеется, расстроились, особенно снайперы. Трое наших против четверых бандитов! Однако после боя Басаев освободил роженца. Одна из них нам рассказала, что сам главарь террористов весь штурм просидел, обхватив голову руками, в одном из кабинетов, ни разу из него не выйдя. «Герой» находился в шоке...

Российская сторона пошла террористам на уступки, согласившись дать автобусы. Басаевцы, кроме автобусов, заказали рефрижератор. Вот тогда нам стало понятно, что настреляли мы не четырёх террористов. Ну а когда басаевцы с разных этажей и комнат стали сносить трупы, тут уж все сомнения развеялись окончательно^[35].

По агентурным данным ФСБ, на конец июля 1995 года в банде Шамиля Басаева от ран скончалось пятьдесят восемь человек. Сам «террорист номер один» сказал, вспоминая тот бой: «Я понял, что такое “Альфа”».

⁵¹ Подробнее о механизмах принятия решений в ходе этой операции можно прочитать в моей книге «Будёновский рубеж. Расследование участника событий». – Прим. авт.

До этой операции у нас было негласное правило: не рисковать жизнью ни одного заложника и постараться обезвредить, но не убить террористов. Не секрет, что при освобождении, например, воздушного судна, офицеры не всегда даже брали с собой на борт оружие, чтобы случайно не повредить самолёт, не убить террориста. Обезвреживали преступников приёмами рукопашного боя. По причинам, которые от нас не зависели, в Будёновске мы не смогли воспользоваться фактором неожиданности. Когда в двадцати-тридцати метрах от больницы мы попали под шквальный огонь, мы испытали первый шок. Второй – когда увидели заложников, привязанных к решёткам окон. Стон их голосов до сих пор стоит в ушах. Освободить их бескровно мы не могли. Нужно было какое-то политическое решение. Аналогичное тому, что было принято в «Норд-Осте»: да, видимо, будут жертвы, но завершить операцию необходимо.

В Будёновске такого решения принято не было. Операцией руководили не профессионалы по борьбе с терроризмом, а дилетанты. Мы завязли. В результате потеряли троих товарищей, два десятка были тяжело ранены. Я потом общался с ребятами, которые принимали участие в штурме дворца Амина в Кабуле. Они уверяли, что даже там не было такой плотности огня. По качеству, силе своего оружия террористы превосходили нас. После будёновской операции были сделаны серьёзные выводы. Подтверждение тому – «Норд-Ост».

Александр Гусев:

– Мы сначала три дня уговаривали руководство не штурмовать больницу, а потом уговаривали не отпускать бандитов. На мой взгляд, после штурма Басаев дрогнул. Понял, что за него серьёзно взялись, и выпустил после штурма всех женщин с детьми и беременных. Предлагалось на маршруте освободить людей, которых этот чеченский Робин Гуд прихватил с собой. Но Черномырдиным были даны гарантии безопасности от имени правительства. Не принято говорить о покойном плохо, но из песни слов не выкинешь... Меня глубоко задело слова Виктора Степановича, которые он произнёс в одном телевизионном интервью. <...> На вопрос, почему не действовала «Альфа», он ответил: «Не знаю, наверное, не могли». Знаете, как лезвием по сердцу – слышать такое. Ты дай команду, а потом говори! <...> А ведь можно было дожать! Я уверен: не завершишь будёновская эпопея таким образом, причём не по вине нашего подразделения, и не было бы потом Первомайского, Дубровки, Беслана...

<...>

Я считаю, что руководитель страны не имеет права вступать в переговоры с террористами. Никогда и нигде! Такого в мировой практике не было. Мы были против лобового штурма больницы, но не считали целесообразным и отпускать бандитов домой в ореоле победителей. Спецназ был в состоянии завершить эту операцию^[35].

Но бойцы «Альфы» уже совершили подвиг, сохранив сотни жизней своих соотечественников и добившись перелома в ходе теракта. Они победили в этой проигранной битве, принеся в жертву три жизни своих товарищей. С точки зрения экспертов, трое убитых против десятков басаевцев – это поразительно малые потери для такой операции. Но для родителей, жён и детей погибших эти потери огромные, невосполнимые.

Александр Михайлов:

– Если бы не Соловов, многие наши семьи осиротели бы. И бесконечно жаль, что за этот подвиг у главы нашего государства не нашлось Звезды Героя России для мужественного человека!^[36]

Да, государство стыдливо старалось замаять эту трагедию. К тому же «Альфа» теперь попала под перекрёстный огонь другого рода: её распинали и некоторые «правозащитники» – за «страшные жертвы среди заложников», и руководство страны – за «неспособность выполнить приказ». Так, Ерин в одном из интервью выразил недовольство действиями «Альфы», оценив её работу «на тройку». Так что награды за ту операцию начальство раздавало неохотно. Майора Владимира Викторовича Соловова тогда наградили недавно учреждённым орденом Мужества – посмертно.

«Простите нас...»

«На похороны в Москву Солововы ехали убитые горем, – писал в июле 2004 года на страницах газеты «Рязанские ведомости» Юрий Харин. – В квартире их встретила плачущая Татьяна <Станиславовна, супруга Соловова>. Поговорили и сели в ожидании: самолёт с «грузом 200» задерживался. И тут вдруг звонок в дверь. На пороге стояли начальник отдела Группы «Альфа» Сергей Андреевич Поляков и ещё пять человек в униформе и беретах.

Сергей Андреевич по-военному преклонил колено. Остальные – тоже.

– Простите нас, что не уберегли Володю!

– Да вы что, мужики!

– Об этом не только лично мы просим. Вы подойдите к окну, пожалуйста! Солововы отдёргнули занавеску. Во дворе их многоэтажного дома стояли, преклонив колени, «альфовцы» с беретами в руках. Их было человек сто, а может быть, и больше. Некоторые из ребят были перевязаны – к Солововым тогда, в июне 1995-го, пришли все. Даже те, кто был в госпитале.

– У меня даже мурашки по коже! – вспоминает Виктор Архипович. – Они до сей поры у меня перед глазами, эти сильные, мужественные люди, которые склонили головы и преклонили колени. Не перед врагом, а перед ПАМЯТЬЮ. Да, таких ребят не сломить, не запугать...»^[16]

Владимира Соловова похоронили в Москве, на Хованском кладбище. Вспоминает Александр Желтоухов:

– Мы вернулись в Москву, хоронили товарищей. На поминки приехал Степашин, в его глазах стояли слёзы. Тогда он сказал нам, что подаст в отставку. Так и сделал, оказался человеком чести^[50].

После гибели майора Соловова его родители и педагоги средней общеобразовательной школы в селе Пехлец Кораблинского района Рязанской области, которую в 1981 году закончил Володя, выступили с предложением присвоить школе имя героя. Инициативу поддержали в Ассоциации «Альфа» и в боевом подразделении. И в 1997 году губернатором Рязанской области было принято такое решение. Эта школа стала первым подшефным средним учебным заведением «Альфы»; сейчас таких уже семнадцать.

Татьяна Герасимова, замдиректора Пехлецкой школы:

– В 1999 году в одном из кабинетов школы открыли музей, половина экспозиций которого посвящена Владимиру и группе «Альфа». Теперь у нас есть парта героя. Семнадцатого июня в обычное время в пришкольном лагере проводим военно-спортивную игру «Зарничка». С 2001-го – соревнования «Школа безопасности и туризма», ставшие впоследствии межрегиональными. <...> В 2016 и 2017 годах ветераны «Альфы» организовали для пехлечан поездки в Москву для участия в патриотической акции «Свеча памяти» 21–22 июня. Они посетили могилу Владимира Соловова на Хованском кладбище^[51].

Виктор Архипович пережил сына на шестнадцать лет. Его знали и уважали во всей области, а в 2009 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Кораблинского района». В родном Пехлеце он активно участвовал в общественной жизни школы, названной в честь сына. Он стал и одним из организаторов ежегодной «Пехлецкой зарнички» – юношеских военно-спортивных соревнований.

В своём доме Виктор Архипович и Мария Григорьевна с радостью принимали ветеранов и действующих сотрудников «Альфы», которые регулярно навещали Солововых. Кто-то из них однажды сказал: «Вы потеряли сына, но в нашем лице получили многих детей».

Да, Виктор Архипович стал многим товарищам своего сына как родной отец. Последние несколько лет он тяжело болел, перенёс две сложные операции, и только это заставило его

оставить любимую работу. А когда ему потребовалось дорогостоящее лечение, то и приезд в Москву, и операцию в ЦИТО, и последующую реабилитацию оплатил Герой Советского Союза Геннадий Николаевич Зайцев.

Отпевали Виктора Архиповича в церкви Тихвинской иконы Божией Матери села Пехлец, рядом со школой. Проводить его в последний путь собрались все, кто знал и любил этого светлого человека. Среди них – и глава Кораблинского района Михаил Павлович Липатов, кадровый военный, отдавший армейской службе тридцать три года, представители ФСБ Рязани и Москвы. Почтить память отца героя приехали Геннадий Николаевич Зайцев и Сергей Андреевич Поляков.

А через год ушёл из жизни сослуживец Владимира и давний друг Пехлецкой школы полковник Руденко. За его плечами – Афганистан, горячие точки на территории Советского Союза, две чеченские войны. Андрей Иванович принимал участие во многих сложнейших операциях по освобождению заложников – в Сухуми, Будённовске, Первомайском... Руденко был лицом подразделения – высокий, русоволосый, широкоплечий, – настоящий русский богатырь. Вне «Альфы», которой он отдал двадцать пять лет жизни, он себя не мыслил. И после увольнения с должности заместителя начальника Второго оперативно-боевого отдела Управления «А» так и не смог найти себя на гражданке. Увы, это беда многих кадровых военных, привычно чувствующий себя в бою, а в мирной жизни теряющих опору под ногами. Тут же начинают сказываться многолетние перегрузки и стрессы, о которых люди мирных профессий имеют весьма смутное представление.

Полковник Руденко часто выезжал в село Пехлец. Не стала исключением и весна 2012-го. «Зарница» этого года оказалась последним «альфовским» мероприятием, в котором принял участие Андрей Иванович. Когда его провожали на пенсию, никто и подумать не мог, что он уйдёт так скоро...

Но жизнь продолжается. Жена Владимира, Татьяна Станиславовна, работает в Фонде социально-экономической реабилитации сотрудников и ветеранов спецслужб и правоохранительных органов «Альфа-Центр». Дети, Максим и Катя, следуя примеру отца, окончили школу с углублённым изучением иностранных языков с золотыми медалями, а МГИМО – с красными дипломами. На боевую вахту заступают сотрудники подразделения, в котором служил Владимир Соловов, – и те, кто хорошо его знал, и те, кто пришёл много позже.

Командир «Альфы» Герой Советского Союза Геннадий Николаевич Зайцев отмечает:

– Его смерть стала для нас огромной утратой. Убеждён, что у Владимира Викторовича было большое служебное будущее, вне всякого сомнения. Он заслужил звание старшего офицера и был вполне его достоин, что ещё раз доказал в Будённовске ценой своей жизни^[37].

В Будённовске мы просто чудом вышли из-под адского огня террористов, у нас на глазах погибли несколько наших товарищей. Фёдор Литвинчук и Андрей Руденко лежали от меня метрах в десяти, но плотность огня была такая, что только через четыре часа, под прикрытием подошедшей брони, их смогли эвакуировать с поля боя. После этого кто-то очень глубоко уверовал в Бога, кто-то предпочёл больше не рисковать. Я же для себя решил: коль скоро мне выпало жить, то я не имею права довольствоваться простыми бытательскими радостями. Смысл моей теперешней жизни в том, чтобы наполнить её достойным содержанием, – больше прочувствовать, узнать, увидеть, сделать.

В августе 2009 года вместе с Анитой Цой и моим боевым товарищем Геннадием Соколовым мы дали серию благотворительных концертов на Северном Кавказе в рамках Общественной гражданской акции неравнодушных людей «Помнить, чтобы жизнь продолжалась». Турне было посвящено памяти жертв террористических актов, совершённых в Чеченской Республике, Северной Осетии и Ставропольском крае.

Грозный, Гудермес, Беслан... Выступали мы и в Будённовске. Я показал Аните место, где находился во время штурма больницы. Моя боевая позиция была в котельной напротив

главного корпуса. На подоконнике, откуда я четыре с половиной часа вёл из пулемёта огонь, до сих пор от ложа ПК осталась вмятина. Стрелял аккуратно одиночными патронами, чтобы не попасть в заложников, которых басаевцы в качестве живого щита привязали к окнам.

...Буденновская больница ныне отремонтирована и реконструирована, достроен новый корпус. Но одно место осталось нетронутым. Это кусок стены в коридоре второго этажа родильного отделения, испещрённый следами пуль. Здесь басаевцы расстреливали заложников. Теперь это место памяти и скорби. А в 1996 году, к годовщине теракта, унёсшего почти 150 жизней и искалечивших тысячи, на территории больницы на пожертвования медиков была возведена часовня иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Неподдалёку, на месте гибели Владимира Соловова, возвышается крест из белого камня с памятной табличкой: «Здесь 17. VI / 1995 г. при освобождении заложников от чеченских террористов погиб сотрудник группы «А» майор В. В. Соловов». И подпись: «Благодарные жители Прикумья».

Но память о герое увековечена не только в камне. С 2015 года ежегодно проводится Всероссийский турнир по спортивной (греко-римской) борьбе, посвящённый памяти офицера Группы «А» Владимира Соловова. Уже в первом турнире приняли участие более 140 участников из двадцати трёх регионов России. Эта высокая планка держится до сих пор. И каждый год на рязанской земле проходит знаменитая на всю Россию «Пехлецкая зарница».

«Пехлецкая зарница»

В мае здесь, в урочище «Папоротное», что на живописной реке Ранове близ села Пехлец, собираются юношеские спортивные команды «альфовских» учебных заведений со всей России – посоревноваться в ловкости, выносливости, меткости в рамках «Пехлецкой зарницы», посвящённой памяти Владимира Соловова. Это мероприятие курируют два управления ФСБ – Управление «А» Центра специального назначения ФСБ России и УФСБ по Рязанской области. На соревнованиях всегда присутствуют не только ветераны антитеррора, но и действующие сотрудники.

Военно-спортивная игра проходит в два этапа. Первый – так называемый «Большой круг» – это череда препятствий, на которых участники должны продемонстрировать владение туристической техникой. Второй – «Малый круг» – так называемая «Школа безопасности».

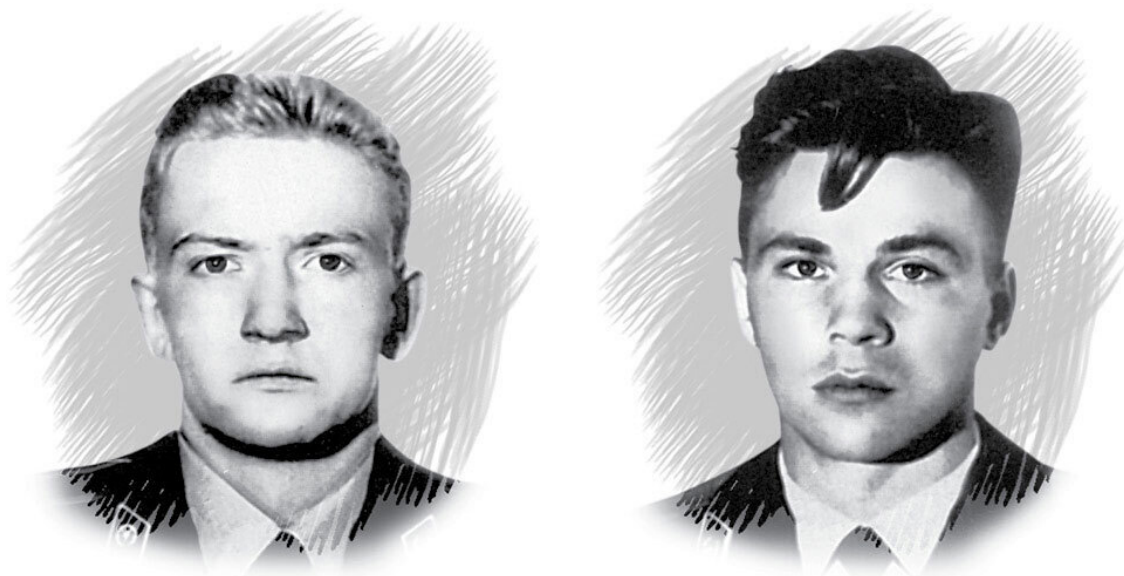
«Большой круг» включает в себя подъём на холм, различные переправы, в том числе на скользящем карабине, спуск со склона на страховочной системе, преодоление пересечённой местности бегом – совсем не лёгкие испытания, отчасти похожие на те, что проходят спецназовцы, только в полной экипировке. В «Школе безопасности» участники показывают свои навыки в стрельбе из малокалиберной винтовки, метании учебных гранат, определении азимута, а также знания приёмов выживания, медицины и ОБЖ.

В отдельный зачёт выделили краеведение. Участники «Зарницы» отвечают на вопросы по истории Кораблинского района, Великой Отечественной войны, а также рассказывают биографии героев Рязанской земли и «Альфы». Ведь без исторической памяти невозможно воспитать истинную любовь к Родине, к своим корням.

Здесь же эта память повсюду – и в стенах школы, которая воспитала героя, и в доме его родителей, и в орденах и медалях офицеров Управления «А», с которыми рад пообщаться каждый участник. Ведь для кого-то эти соревнования становятся первой ступенькой на пути в легендарное подразделение. И Володя Соловов может быть спокоен за свою смену.

Алексей ФИЛАТОВ

Два Дмитрия

Лейтенант БУРДЯЕВ Дмитрий Юрьевич (1969–1995)

Лейтенант РЯБИНКИН Дмитрий Валерьевич (1971–1995)

Теракт в Будённовске стал чёрной страницей в истории Группы «А». Впервые в одном бою «Альфа» потеряла троих убитыми и более двадцати ранеными, многие из которых не смогли продолжить службу в подразделении. Впервые государство столкнулось с терроризмом таких масштабов, и оно – государство – в тот момент оказалось не готово противостоять ему. Вопреки всем расчётам и докладам штаба «Альфы», всему накопленному опыту контртеррористических операций и просто здравому смыслу было решено отправить элитное подразделение на лобовой штурм хорошо укреплённого здания, фактически – на смерть.

«Альфа» в то смутное и тяжкое для страны время оставалась одним из немногих полностью боеспособных соединений и несомненно – лучшим. Ему не раз была уготована участь прочих структур КГБ, которые новая власть старательно уничтожала. Но «Альфа» выжила. Выжила, несмотря на то, что в начале 90-х власть превратила это точное и мощное оружие антитеррора в дубину полицейского усмирения и политических разборок. Несмотря на то, что новые хозяева Кремля откровенно боялись офицерскую элиту великой страны, которую они развалили. Несмотря на то, что после предательства Горбачёва⁵² подразделение покинули многие опытные сотрудники и впервые в истории в элитном отряде спецназа наблюдался дефицит личного состава. И неспроста: за эти несколько лет разрушения всего того, на чём держалась наша страна, профессия военного из престижной превратилась в маргинальную, с нищенской зарплатой и весьма туманными перспективами.

Тем большего уважения достойны те, кто пришёл в подразделение в это непростое время. Кто пришёл по зову сердца – не за званиями и престижем, а чтобы положить свою жизнь на алтарь чести и воинской доблести. Пришёл, потому что у него есть Родина, которую он не предал и не променял на хамон и пармезан.

⁵² После трагических событий января 1991 года в Вильнюсе президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв публично отрицал, что «Альфа» действовала по его приказу. После этого в прессе поднялась травля офицеров спецподразделения и впервые были опубликованы их имена.

Таковыми были два Дмитрия, два лейтенанта, два молодых сотрудника «Альфы», погибших в том жарком бою 17 июня 1995 года и навсегда ставших памятью спецназа России.

По военной дороге

Дмитрий Бурдяев родился в Москве 21 февраля 1969 года. Отец, полковник Юрий Дмитриевич Бурдяев, много лет прослужил по линии контрразведки в структуре КГБ СССР, дослужился до начальника отдела Центрального аппарата ФСБ. Бабушка по отцовской линии также служила в «органах» и уволилась в капитанском звании в конце 1950-х. Пожалуй, ни у кого из сотрудников «Альфы» (за исключением Виктора Шатских) не было в ближайшей родне такого количества военных и сотрудников госбезопасности – как со стороны отца, так и по материнской линии. Неудивительно, что Дима с детства тянулся к военной тематике. С удовольствием ходил с отцом в Центральный музей Вооружённых сил. С детства занимался спортом: вначале лыжами, конным спортом, водным поло, потом пришёл в секцию рукопашного боя. Рассказывает мама, Елена Васильевна:

– Как воин, Дима сформировался на наших семейных историях и разговорах, которые он, как губка, впитывал в себя. Любил петь военные песни, живо представлял себя солдатом, офицером. С детства хорошо плавал, увлёкся конным спортом: мы ездили в Битицу, где Дима не только учился ездить верхом, но и ухаживал за лошадьми. Рано научился читать, причём читал бегло, поразительно быстро. Помню, в третьем классе за несколько дней он проглотил «Три мушкетёра» Александра Дюма. Книжки по истории спецслужб и о разведчиках Дима читал запоем. А ещё сам писал повести на военную тематику, в которых фигурировали два основных персонажа – Макаров и Орлов. У нас дома сохранились тетрадки с этой его мальчишеской прозой.

Дмитрий вырос в Хамовниках, учился в средней школе № 168, что на Фрунзенском валу (с сентября 2012 она прекратила самостоятельное существование). Одно время Дмитрий хотел после десятого класса продолжить обучение во Львовском высшем военнополитическом училище, стать военным журналистом – эта профессия примиряла две его страсти. Но, посмотрев фильм «В зоне особого внимания», он «заболел» ВДВ и попросил отца устроить его в парашютную секцию. К окончанию десятого класса за его плечами было уже более десятка парашютных прыжков.

В 1986 году, окончив школу, Дмитрий собрался поступать в Рязанское училище ВДВ, но из военкомата не пришли необходимые документы, и он пошёл работать электромонтажником. Однако его мечта о «крылатой пехоте» всё же осуществилась: срочную службу Дмитрий проходил в «войсках дяди Васи». Из учебки в Каунасе его направили в Тульскую дивизию ВДВ. Прослужив год, Дмитрий подал документы в Московское высшее общевойсковое командное училище. Вторая попытка стать курсантом увенчалась успехом. Но из училища вскоре пришлось уйти: не сложились отношения с командиром роты. Срочную службу Дмитрий заканчивал в одной из частей ВДВ под Вышним Волочком, что в Тверской области. Его специализация была связана с минно-подрывным делом, он даже получил контузию, о чём, впрочем, предпочитал не распространяться, щадя нервы родителей.

Демобилизовавшись летом 1988 года, Дмитрий устроился на прежнее место работы. А в следующем, 1989-м, прошёл собеседование и поступил на «Курсы подготовки оперативного состава»⁵³, где готовили сотрудников наружного наблюдения. Спустя год младший лейтенант Бурдяев был зачислен в 3-й отдел Седьмого управления КГБ СССР⁵⁴ на должность младшего разведчика. В структуру этого же Управления входила и Группа «А» – самое секретное под-

⁵³ Знаменитая охтинская 401-я школа КГБ. – Прим. ред.

⁵⁴ Наружное наблюдение по заданиям 5-го Управления. – Прим. ред.

разделение КГБ СССР. Впрочем, для сотрудников Комитета существование этого подразделения, конечно, не было секретом. Узнав о нём, Дмитрий поставил себе новую цель – добиться права быть одним из них.

Снайпер антитеррора

– У Дмитрия было страстное, хочу это особо подчеркнуть, желание попасть именно в Группу «А», – вспоминает Герой Советского Союза Геннадий Николаевич Зайцев. – И по этому поводу ко мне неоднократно обращался Юрий Дмитриевич, мы были с ним знакомы. В феврале 1995 года это стремление было реализовано. Согласно официальной характеристике, за период службы в спецподразделении «А» Дмитрий Бурдяев зарекомендовал себя дисциплинированным и исполнительным офицером. Будучи снайпером, он стремился к повышению профессионального мастерства и с высокой ответственностью относился к профессии спецназовца.

Дмитрий Бурдяев. (Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Во всём мире снайперы делятся на две основные категории: армейские и полицейские (спортсмены не в счёт). Армейские работают в условиях войны, как правило, на средних (пехотные снайперы в составе отделения) и длинных дистанциях. Полицейский снайпер дей-

ствует накоротке (дистанция, как правило, не превышает 200 м), когда порой из толпы необходимо выцелить одного человека и поразить его – в шею или в руку, чтобы он не смог произвести выстрел.

Но существует и особая специальность – снайперы антитеррора, которые работают на всех дистанциях, во всех условиях, стреляют из разных положений, хоть вверх ногами, без выбора. И психологически они должны быть более устойчивы, чем армейские или полицейские стрелки, ориентироваться в огромном объёме информации и самостоятельно решать сложные задачи: ведь им надо знать, как поведёт себя не только террорист, но даже пуля, уже поразившая цель. Вдруг она от ricochet и попадёт в заложника? Или, если операция проводится в пассажирском самолёте, угодит в баллон с кислородом, что приведёт к взрыву. Армейцу знать и учитывать все эти премудрости совсем не обязательно.

Стреляет такой снайпер нечасто, очень нечасто – во много раз реже, чем в крутом кино...

Дмитрий Бурдяев обладал всеми качествами, необходимыми снайперу такого уровня. Ещё во время прохождения срочной службы он сдал норматив кандидата в мастера спорта по стрельбе из автомата. Его наставником в Группе «А» стал подполковник Василий Николаевич Денисов, имевший за плечами боевую стажировку в Афганистане и уникальный опыт многих специальных операций.

Этот год начался для Дмитрия с двойной радости: он стал «альфовцем», а его супруга Елена подарила ему сына. Кто знал, что за большой радостью скоро последует большое горе!

Со своей избранницей Дмитрий прожил совсем немного. Они поженились 20 мая 1994 года, за полгода до начала полномасштабной войны на Северном Кавказе. Елена Алексеевна – выпускница педагогического института, учитель русского языка и литературы.

– Мы познакомились, в общем-то, давно, – рассказывает она, – я тогда была ещё ребёнком, а он собирался в армию. Отмечали день рождения одного нашего дальнего общего родственника. Был большой стол в ресторане. Дима на пять лет старше меня, а в детском возрасте это пропасть. Он поначалу мне совсем не понравился. Но прошло какое-то время, и мы снова встретились на юбилее. И всё вдруг переменялось!

Он был собранным, ответственным и очень аккуратным. По своему характеру, призванию – настоящий военный, он был рождён для этой службы. Начитан, образован, с широким кругозором. Но судьба нам отмерила всего год счастливой семейной жизни. И подарила сына Василия. Когда погиб отец, ему было четыре месяца.

Василий с детства мечтал о небе, хотел стать пилотом гражданской авиации, поступил в Ульяновское училище. Но совсем недавно выяснилось, что его мечте не суждено осуществиться: ВЛЭК⁵⁵ не пропустила его из-за незначительного дефекта зрения. Придётся выбрать другой путь. Какой – не знаю, но верю, что он своего добьётся.

«У меня нулевой»

Во время штурма больницы, захваченной боевиками Шамиля Басаева, Дмитрий Бурдяев прикрывал выдвижение штурмовой группы. В тот день он лично уничтожил несколько боевиков. В ходе боя группа из пяти человек оказалась зажата огнём у одноэтажной постройки хозблока. Ситуация тяжёлая: в группе уже было несколько раненых. Боевики вели прицельный перекрёстный огонь, без поддержки вырваться из «огненного мешка» не представлялось возможным. Не подошла и обещанная «броня». Тогда было принято решение – изменить позицию снайперских пар с целью подавления огневых точек боевиков. Снайперам, в составе которых был и Дмитрий, предстояло пересечь территорию детского сада, который располагался в двухстах метрах от основного здания больницы. Удалось это не всем...

⁵⁵ ВЛЭК ГА – Врачебно-лётная экспертная комиссия Гражданской авиации.

– В районе морга, у гаражей, одну из групп прижали к земле бешеным пулемётным огнём, – рассказывает командир группы снайперов подполковник Василий Денисов. – Они залегли у маленькой стеночки, а крупнокалиберный пулемёт прошивал её насквозь. В группе было уже четверо раненых. Батареи в станции садятся, и я еле слышу, как они просят о помощи.

Связываюсь с ними, спрашиваю, нужна ли помощь. Отвечают, что дело совсем худо. А у нас обещанной «брони» нет, но выручать ребят надо. Посылаю вперёд четвёрку своих снайперов. Они-то и успели пройти всего метров тридцать, как попали под пулемётный обстрел, а потом их накрыли из гранатомёта. Поднялись после обстрела трое из четверых. Слышу: ««Маяк-один» к «Маяку-пять»». Отвечаю: ««Маяк-один», слушаю тебя». – «У меня нулевой».

Поначалу я не поверил, помехи в эфире большие, переспросил. Они вновь дали подтверждение: у них погибший. Им оказался снайпер Дмитрий Бурдяев...

Полковник Сергей Поляков, в 1995-м начальник 1-го отдела Управления «А»:

– С нами прибыли несколько вновь назначенных сотрудников. У нас вообще есть такое правило или традиция: пока человек год не прослужил, мы к боевым операциям стараемся его не привлекать. Среди этих сотрудников была молодёжь. Часть из них мы сразу определили обеспечивать безопасность руководителя операции и его заместителей. В этой группе человек пять или семь было. Потом даже та группа, которая обеспечивала безопасность руководителей, тоже участвовала в операции. Двое из них там как раз и погибли, закрывая собой боевых товарищей.

Да, молодые офицеры рвались в бой, понимая, что он будет тяжёлым. Точно так же в 1979 году офицеры первого набора рвались на штурм Тадж-Бека – тоже первый настоящий бой в их жизни, столь же кровавый и с таким же неясным исходом. (Кстати, в Будённовске Дмитрий действовал в составе отдела, которым руководил полковник Александр Репин, участник штурма дворца Амина.) Наверное, в этом и заключается сила «людей “А”». Не только в оснащённости и подготовке (хотя куда же без этого!), но, в первую очередь, в крепости духа, когда, даже неся тяжёлые потери, подразделение продолжает выполнять поставленную задачу. И не бросает своих.

Смерть в тот день прошла рядом со многими бойцами «Альфы». Алексей Артемьев был ранен в голову, но сумел выбраться из-под огня. В результате осколочного ранения лишился глаза Сергей Милицкий (ныне он кавалер четырёх орденов Мужества). Попавшему под прицельный огонь Сергею Савчуку жизнь спас бронезилет, выдержав четыре попадания. Тяжёлое ранение в бедро получил Дмитрий Киселёв, пулемётной очередью перебило ноги Игорю Шумилину...

За проявленные высокий профессионализм, мужество и отвагу лейтенант Бурдяев Дмитрий Юрьевич был награждён орденом Мужества (посмертно). Похоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище. Память о герое увековечена и на фасаде его школы.

На тот момент спецназовской Аллеи ещё не существовало. Мемориал, известный теперь всему миру, будет торжественно открыт летом 2000 года по инициативе и на средства Геннадия Николаевича Зайцева.

Академик

В школе друзья прозвали его Академиком. Он всегда знал всё и лучше всех. Знания давались ему с необычайной лёгкостью, которая свойственна людям талантливым. Академиком, однако, он так и не стал, потому что кроме формул и правил с детства усвоил, что долг мужчины – защищать и восстанавливать справедливость там, где её попрали. И посвятил этому свою жизнь, оборвавшуюся в двадцать три года.

Дима Рябинкин родился 13 октября 1971 года в городе Ужгороде на Западной Украине. Его родители, Валерий Фёдорович и Лидия Александровна (оба военного, 1943 года рождения), выросли в городе Фрунзе. Они были соседями, учились в одном классе и даже сидели за одной партой...

В родном городе Валерий Фёдорович окончил автотракторный техникум, Лидия Александровна – политехнический. По окончании учебных заведений молодые люди стали работать, а в скором времени решили пожениться. В январе 1963 года у них родился первенец, Володя.

С 1964 по 1966 год Валерий Фёдорович проходил срочную службу в танковых войсках в Ашхабаде. Военное дело ему понравилось, и он решил остаться на сверхсрочную.

Семья переехала в Уссурийск, где Рябинкин-старший в 1968 году закончил военно-автомобильное училище, а через некоторое время его направили в Прикарпатский военный округ, где и родился Дима.

Вскоре Валерия Фёдоровича перевели в Московский военный округ, в узел связи Генерального штаба. Коммунисты части избрали его секретарём парткома. В 1990 году он ушёл в отставку в звании подполковника.

Семья жила в подмосковных Ватутинках. Дима с детства обожал подвижные игры: летом – футбол, зимой – хоккей. Да и на школьных уроках физкультуры был одним из лучших. На площадке он любил быть вратарём, а это требует и быстроты реакции, и определённой отваги. Храбрость и волевые качества сочетались в нём с невероятной тягой к знаниям. В этом он отличался от старшего брата, которому частенько влетало от родителей за успеваемость. В Димин же дневник родители заглядывали редко, за что сын даже выговаривал им. Впрочем, младший сын «огорчал» родных разве что четвёрками, за которые переживал куда больше, чем окружающие. У него с детства была развита самодисциплина. Так, как бы ни звали его ребята, он не шёл играть во двор, пока не сделает уроки.

В средней школе, носящей имя Дмитрия Рябинкина, бережно хранят память о своём выпускнике:

– Маленький Дима ходил в наш ватутинский детсад, а в 1978 году первого сентября его приняла в стенах ватутинской школы добрая, заботливая учительница Нина Георгиевна Кузьмина. Об этом своём классе учительница вспоминает с удовольствием. Хлопот много, поскольку учеников в классе было сорок три души, за всеми нужно было уследить, научить читать, писать и считать. Но с Димой она не знала никаких забот.

Вот что рассказывала Нина Георгиевна о своём бывшем ученике:

– Спокойный, доброжелательный мальчик. Он всегда улыбался, никогда не выражал своего недовольства. Дима был стеснительным ребёнком, но активно участвовал во всех классных мероприятиях. На него можно было положиться, его исполнительность поражала.

Классным руководителем с пятого по восьмой класс была Альбина Александровна Хвалкова, преподаватель химии. Она очень хорошо помнит Диму Рябинкина – дисциплинированного, умного и доброжелательного ученика.

Диму с детства отличало хорошее воспитание, даже определённая галантность. Он много читал, особенно любил энциклопедии. Его знания поражали. Одноклассники называли его Академиком, потому что, как им казалось, он знает ответы на все вопросы. Ребята очень любили его выступления у доски, с удовольствием слушая его рассказы о событиях, происходящих в мире (Дима живо интересовался новостями, каждый день смотрел программу «Время»). Одним из его любимых предметов была математика. Многим казалось, что он, когда вырастет, и вправду станет учёным или инженером. Но Дима хотел стать военным – по примеру отца и своего старшего брата (Владимир в 1979 году закончил школу, а в 1984-м – Донецкое высшее военно-политическое училище связи и служил в войсках по своему профилю).

Лидия Александровна вспоминает: когда к ним в дом приходили друзья отца, Дима нередко заводил разговоры на военные темы. Он знал биографии военачальников и поражал гостей своими вопросами. Приходили военные и в школу, – рассказывали о службе, участвовали в туристических походах вместе с ребятами, помогали организовывать военно-спортивные игры – «Зарницу» и «Орлёнок». Ребята уважали Диму за упорство и бескомпромиссность. В многочисленных походах с классом он развил такие черты характера, как взаимовыручка, умение держать слово, любовь к родным просторам, гордость за своё отечество. Частыми гостями школы были и ветераны Великой Отечественной войны. Так что вопрос о выборе профессии был решён Димой рано.

Но один случай едва не поставил крест на его будущем. Как-то Лидия Александровна, возвращаясь с работы домой, столкнулась на лестнице с перепуганной соседкой: «Лида, Дима взорвался!» Когда она вбежала на третий этаж, квартира была в дыму. Сын стоял весь в крови, закрыв глаза полотенцем.

– Мама, всё хорошо, не беспокойся! – произнёс он.

– *Так он всегда говорил*, – вспоминает Лидия Александровна, – *у него всегда всё было хорошо.*

Позвонили отцу, сына забрали в госпиталь. Чудом ему удалось сохранить зрение. Дима не стал рассказывать подробностей произошедшего. Он готовил в колбе какую-то смесь, когда она взорвалась. *«Должно быть, ребята его попросили»*, – вздыхает Лидия Александровна. Сын долго восстанавливался, но этот опыт позже едва не стоил ему карьеры.

Со второй четверти восьмого класса Дима учился в Германии, где отец находился в командировке в Западной группе войск. Окончив восьмилетку на одни пятёрки, Рябинкин собрался поступать в Минское суворовское училище. Но на вступительные экзамены юноша опоздал. Он так расстроился, что это заметил даже командир части, где служил его отец. Он сказал родителям: «Нужно добиваться, чтобы Дима смог сдать экзамены в этом году».

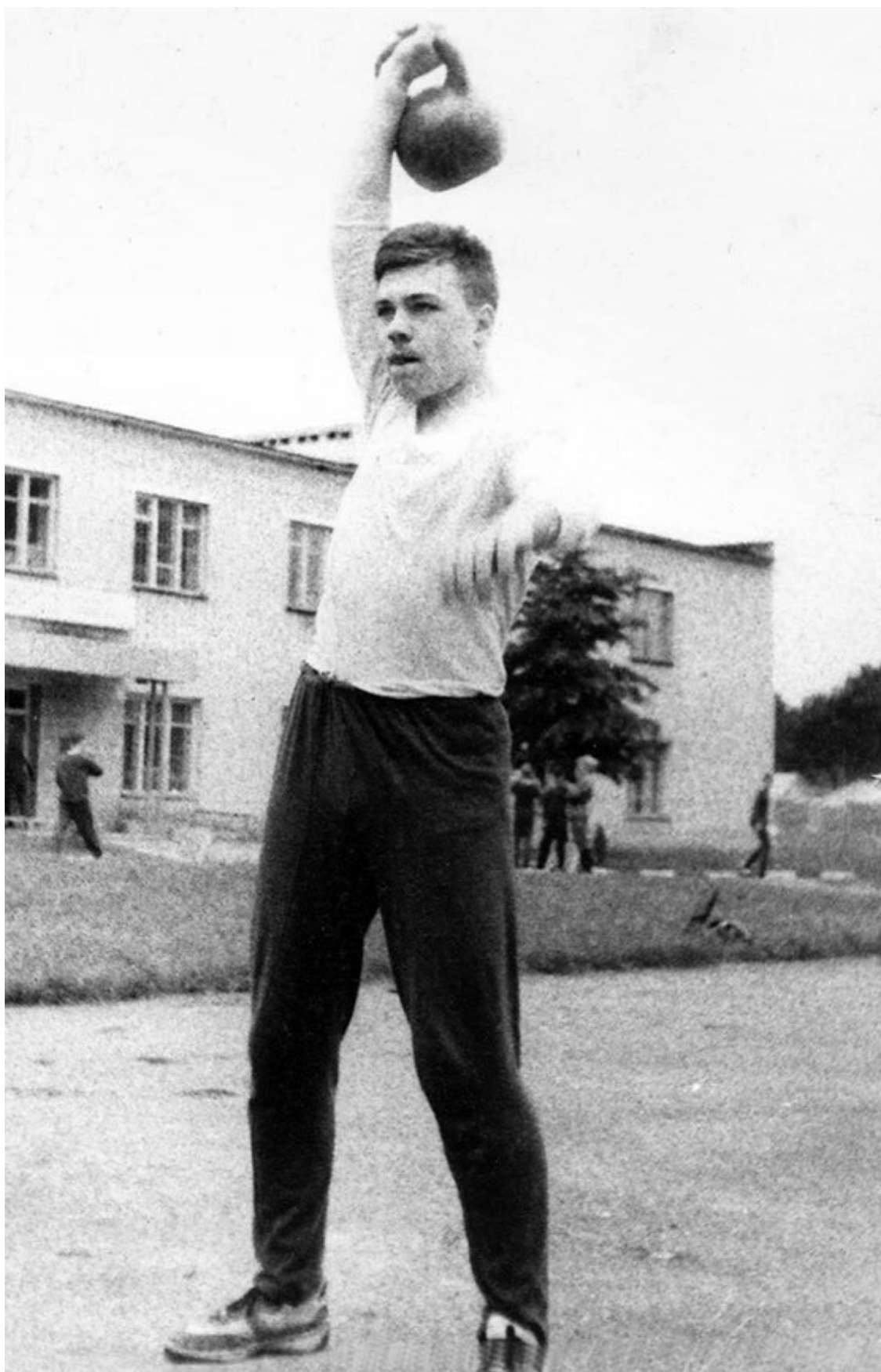
Во второй раз Дима с отцом прилетели в Минск на почтовом самолёте. В виде исключения экзамены у мальчика всё-таки приняли. В отличие от его сверстников, ему пришлось сдавать по несколько предметов в один день. Однако будущий суворовец справился с этим испытанием на отлично. Но тут всплыла эта история со зрением. Врачи опасались за Дмитрия, но в конце концов всё же дали добро.

Училище Дмитрий окончил с отличием. В 1989 году, участвуя в общесоюзной Спартакиаде суворовских училищ, он стал бронзовым призёром и выполнил норматив мастера спорта по офицерскому троеборью⁵⁶. По записям в памятном альбоме можно судить, как однокурсники ценили, уважали и просто любили Диму (в группе было двадцать шесть человек). Все желали ему стать маршалом, министром обороны. Ребята верили, что Димка осуществит свою мечту.

⁵⁶ Стрельба, бег, плавание.

Дмитрий Рябинкин. (Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Как отличнику учёбы, ему предоставили право выбора при поступлении в военный вуз. Он выбрал Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, где обучался с 1989 по 1993 год. На втором курсе Дмитрий встретил свою избранницу, Ирину Евгеньевну. Свадьбу сыграли во время летнего отпуска. На следующий год, в июне 1992-го, родился сын Андрюша.

Ещё в училище у Дмитрия появились друзья из «Альфы». И он поставил перед собой цель – стать одним из них. Отец отговаривал его: опасная работа. Но сын был непреклонен. Впрочем, в то время ещё не было такого разгула терроризма, и в конце концов семья дала добро.

Учился Дмитрий Рябинкин на отлично, и свой красный диплом получил на Красной площади Москвы. Ещё курсантом он стал кандидатом в мастера спорта по кикбоксингу. По окончании училища ему предлагали там должность, но он без раздумий отказался. Мыслями он уже был в Группе «А».

Неравная дуэль

В «Альфу» Рябинкин пришёл в июне 1993-го и сразу зарекомендовал себя с лучшей стороны. Летом 1995-го он должен был получить звание старшего лейтенанта. Но судьба распорядилась иначе.

– Будучи в составе нашего подразделения, – отмечает Геннадий Николаевич Зайцев, – он неоднократно участвовал в стрелковых соревнованиях, проводившихся в рамках Главного управления охраны, куда на тот период организационно входила Группа «А». Рябинкин был чемпионом управления по стрельбе из автомата, которым владел искусно. У родителей Димы хранятся именные часы, подарок президента России Бориса Ельцина, которые он вручил офицеру за мужество и личную храбрость.

В Будённовске Рябинкин действовал в составе штурмовой группы, наступавшей со стороны травматологического отделения. Группа попала под плотный огонь басаевского пулемётчика.

Дмитрий вычислил окно, откуда бил пулемёт, но вести прицельный огонь по верхним этажам из положения лёжа невозможно. Тогда он вскочил на колено и одним выстрелом из автомата уложил пулемётчика, дав возможность ребятам отойти. Но этим воспользовался чеченский снайпер, поразив Дмитрия в голову. От прямого попадания пули 7,62 мм не спасла даже немецкая каска TIG с бронестеклом, которая не раз выручала «альфовцев» ещё с Афганистана. Да на таком расстоянии она могла защитить разве что от попадания вскользь или рикошета.

– *Только плотный покров зелени и милость Божья спасли нас,* – говорит полковник Владимир Келехсаев, командир отделения, в котором служил Рябинкин. – *Дмитрий смог уничтожить двух пулемётчиков. Мы их плохо видели, Дима же лежал чуть в стороне и вычислил террористов. Первый раз всё удачно сложилось, на второй он чуть промедлил, на какие-то доли секунды, и вражеский выстрел оборвал его жизнь.*

– *Отличный парень, классный рукопашник. Мужик смелый, рискованный,* – говорил о нём ветеран Группы «А» Василий Денисов. – *Мне кажется, что снайпер засёк его с первой очереди и выжидал, выслеживал. Вообще он как жил – горел, – так и погиб, словно сгорел. Когда после боя мы пришли на место гибели, увидели: кровь превратилась в пепел. Дистанция стрельбы между группой спецназа и басаевцами составляла двадцать восемь метров.*

За мужество и отвагу, проявленные при спасении заложников, смелые и решительные действия в условиях, сопряжённых с риском для жизни, лейтенант Рябинкин Дмитрий Валерьевич был награждён орденом Мужества (посмертно). Похоронен он на подмосковном кладбище Ракитки.

– *Когда в Москве мы хоронили сотрудников, погибших в Будённовске, погода выдалась ненастная, под стать событию,* – вспоминает Геннадий Николаевич Зайцев. – *С утра зарядил дождь. Общее настроение было тягостное, на душе – мутно. После церемонии прощания, проходившей в ДК имени Дзержинского (ныне Культурный центр ФСБ), руководители и офицеры «Альфы» разъехались по трём местам: на Хованское кладбище, где хоронили майора Владимира Соловова, на Николо-Архангельское, к Диме Бурдяеву, а мы – это Александр Иванович Мирошниченко, заместитель командира подразделения, и целая группа товарищей – отправились в подмосковные Ватутинки, к месту земного упокоения Димы Рябинкина. Его пробитый шлем, как особая реликвия, ныне хранится в Музее Управления «А».*

«Не надо говорить высоких фраз»

В 2004 году организация «Боевое братство» выступила с инициативой присвоить имя героя ватутинской школы, в которой он учился. Двадцать пятого февраля 2005 года здесь была открыта мемориальная доска в честь погибшего «альфовца». И вот, осенью 2007 года, решением губернатора Московской области Бориса Громова общеобразовательной средней школе № 1392 с углублённым изучением отдельных предметов в посёлке Ватутинки было присвоено имя лейтенанта Дмитрия Рябинкина.

На торжественной церемонии присутствовали родители Дмитрия, Валерий Фёдорович и Лидия Александровна, его жена Ирина и сын Андрей – курсант Тверского суворовского училища.

В тот день было много эмоций и искреннего общения, гостям показали замечательный вечер памяти, подготовленный совместными усилиями учеников и педагогов. А закончился он выступлением директора школы Татьяны Леонидовны Булаш:

– *Сегодня мы написали очень важную страницу. Нашей школе шестьдесят лет. За это время она носила разные названия. Открывалась как начальная, была средняя, политехниче-*

ская, общеобразовательная... Затем мы общими усилиями добились статуса школы с углублённым изучением отдельных предметов. Сейчас мы с вами сделали ещё один шаг на пути своего совершенства. Присвоение имени героя не даётся просто так. Не происходит по желанию одного человека. Это огромный труд. И одновременно это большая ответственность. Мы с вами много сделали за три года, но ещё больше предстоит совершить. Я хочу выразить слова благодарности родным Димы, его сыну и жене – за то понимание, с которым они отнеслись к нам. Мне хочется сказать спасибо и его боевым друзьям за ту помощь, которую они нам оказывают в патриотическом воспитании. Мне хочется сказать спасибо нашему району за поддержку. Я понимаю, что эта ответственность ложится не только на наши плечи, но и на весь район. Соответствовать имени человека, совершившего подвиг, отдавшего жизнь за жизни других людей – очень сложно. Это тот маяк, глядя на который, мы будем идти вперёд.

Думаю, что все традиции, заложенные отцами и дедами, – любовь к Родине, патриотизм, воспитание гражданина – будут продолжаться в нашей школе, и мы сможем общими усилиями доказать: это имя мы носим не случайно. И со временем наши воспитанники с гордостью будут говорить, что они не просто из ватутинской школы, как это было раньше, а из школы имени Дмитрия Валерьевича Рябинкина. И я хочу пожелать нам всем успехов на этом важном и ответственном поприще, – сказала в заключение Татьяна Леонидовна.

Глава сообщества Группы «А» КГБ-ФСБ, депутат Московской городской Думы Сергей Гончаров в своём обращении был краток. По его словам, нашими делами творится память, которой нужно соответствовать. «И если каждый ученик, – сказал он, – на вопрос «Ты из какой школы?» будет отвечать: «Я – из школы Рябинкина», то это, несомненно, будет самое главное для светлой памяти Димы».

Ежегодно с 13 октября по 19 ноября в школе № 1392 проходит марафон «Равнение на Дмитрия Рябинкина». Даты выбраны неслучайно: первая – день рождения Дмитрия, а вторая – день, когда школе № 1392 было присвоено имя героя. В рамках марафона проходят уроки мужества, тематические экскурсии, конкурсы чтецов, спортивные соревнования, смотр классных уголков и личных достижений учащихся. В марафоне участвует вся школа, все классы, а это более 5000 учеников. Ребята ждут этого события и готовятся к нему. В начальной школе проходят соревнования «мини-Зарница», конкурс стихов, смотр классных уголков. Старшеклассники в рамках школьной спартакиады соревнуются в футболе, волейболе, баскетболе на Кубок им. Дмитрия Рябинкина, в школе проходят экскурсии в музей «Ими гордится школа» и уроки мужества «В жизни всегда есть место подвигу». В конце ноября лучшие классы получают грамоты и Кубки. Учащиеся школы выезжают и на знаменитую «Пехлецкую зарницу», которая проходит на родине третьего погибшего в том бою офицера – майора Владимира Викторовича Соловова⁵⁷.

В 2015 году в Ватутинках, в новом поселении Десёновское, появилась улица, названная в честь Дмитрия Рябинкина. Малая родина не забывает своего героя.

К сожалению, войны никуда не исчезают. Они только меняют названия. Теперь мы говорим о локальных конфликтах, наведении конституционного порядка, принуждении к миру... Но дань человеческих жизней они собирают исправно...

Истринский район Подмосковья, посёлок Снегири. Сорок первый километр Волоколамского шоссе. Мемориал «Рубеж Славы». Здесь был остановлен враг, отсюда началось наступление под Москвой, сокрушившее врага.

Роман «Волоколамское шоссе» – наиболее известное и значимое произведение замечательного русского писателя-фронтовика Александра Бека. Его название – это устоявшийся образ, символ мужества и выдержки.

⁵⁷ Подвигу майора Соловова посвящён отдельный очерк этой книги.

Начиная с 2002 года Волоколамское шоссе связано с Группой «А». Вначале рядом с памятником воинам Великой Отечественной появились обелиски солдатам, сложившим головы в Афганистане. Потом похоронки стали приходить уже с разных концов нашей страны.

По инициативе местного духовенства и администрации района было предложено создать единый мемориал, а чтобы память о погибших стала в буквальном смысле живой, решено было заложить Аллею памяти.

...Около тоненькой рябинки утаптывал землю мальчик, очищая низ от палочек, пожелтевших былинки. Было ему три года, когда при освобождении заложников в Будённовске его отца нашла пуля басаевского снайпера.

Сын знает папу только по рассказам, фотографиям и сохранившейся кинохронике.

Поскольку фамилия Димы была Рябинкин, для него и выбрали рябину. Символичное дерево: её красные ягоды по осени похожи на капельки крови. Но кровь – это ещё и жизнь!

Тут же высажено и дерево в память о Дмитрие Бурдяеве. Так и растут они вдвоём, радуя глаз, – вместе с другими деревьями, ставшими уже рощей спецназа России. Живой памятью, устремлённой в небо.

*Не надо говорить высоких фраз,
Не надо лучше, чем ты есть, казаться.
Нас жёны провожая каждый раз,
Твердят как заклинанье: возвращайся.
А мы уходим, оставляя за спиной
Свои заботы, радости и близких,
Чтобы спасти людей, закроем их собой
От пули озверевших террористов.
Из года в год несём мы этот крест.
От напряженья мышцы рвём и жилы,
И каждый раз, надев бронежилет,
Стараемся, чтоб люди были живы.
Чтоб страх не искажал ребячьих глаз,
Чтоб матери не ведали печали,
Мы тянем ляжку, люди, ради вас,
И это не однажды доказали.
Мы жизнью ради жизни рисковали,
Но на судьбу нам сетовать нельзя:
Ведь мы работу добровольно выбирали.
И если завтра прозвучит набат —
Опять шагнёт навстречу смерти кто-то,
Чтоб сделать своё дело, как всегда.
Такая вот, друзья, у нас работа.*

Это песня Василия Денисова «Не надо говорить высоких фраз». Ею я хочу завершить главу, посвящённую двум замечательным офицерам и мужчинам – Дмитрию Бурдяеву и Дмитрию Рябинкину. Офицерам, заступившим на боевое дежурство в Смутное время и не потерявшимся в нём.

Ольга ЕГОРОВА

Фрунзенский стипендиат

Майор КИСЕЛЁВ Андрей Викторович (1962–1996)

На календаре спецназа в январе 2012 года чёрная дата: очередная годовщина налёта банды Салмана Радиева на дагестанский город Кизляр и последующих драматических событий в посёлке Первомайский.

Дата не круглая, и для страны – для политиков, для прессы – она прошла незамеченной. Но не для Группы «А». В ходе той «спецоперации», явившей всему миру глубочайшую степень разложения системы обороны и безопасности страны в годы президентства Бориса Ельцина, «Альфа» потеряла двух сотрудников – майоров Андрея Киселёва и Виктора Воронцова.

«Счастье – это когда тебя понимают»

То, что мы наблюдали в Первомайском, не имеет чёткого определения. Инициатива полностью принадлежала генералам МВД. Ими был допущен целый ряд грубейших профессиональных ошибок, непозволительных в принципе. Затягивание спецоперации позволило боевикам укрепить позиции в селе и расширить радиус боевых действий до ста километров. Да и можно ли было назвать проводившиеся под огнём «Града» атаки спецоперацией?..

Отряды СОБРов прибыли к посёлку со штурмовыми лестницами, которые совершенно не пригодны при штурме одноэтажных сельских домов. *«Мы вошли в эту деревню, абсолютно не представляя, какую конкретно задачу нужно выполнить. Прём напролом, как штрафная рота, не можем понять, почему элитные части используют как пушечное мясо»*, – это характерная исповедь тех дней.

«Такого бардака я ещё ни разу не встречал, складывается впечатление, что кто-то специально устроил весь этот цирк. Теперь об освобождении и речи не идёт, нас только подгоняют вперёд для полного уничтожения боевиков», – говорил другой офицер СОБРа, вышедший из посёлка вместе с ранеными.

Впрочем, чему удивляться? После новогоднего штурма Грозного и всей первой чеченской кампании вопрос о том, как федеральная власть относится к рабоче-крестьянским детям своей (?) страны, брошенным с оружием в руках на убой, – этот чисто риторический вопрос отпал сам собой.

...Герой популярного художественного фильма «Доживём до понедельника» с Вячеславом Тихоновым в главной роли написал в школьном сочинении только одну фразу: «Счастье – это когда тебя понимают». Как просто... Такое огромное счастье было у майора Андрея Киселёва. Счастье имело имя Аня и своё зримое воплощение – сына Никиту.

Со своей будущей женой Андрей познакомился в бассейне, в который часто ходил на тренировку.

– Красиво ухаживал, с достоинством и как-то элегантно, а на свою повышенную стипендию всегда дарил цветы, – рассказывает Аня, перебирая фотографии.

Она вспоминает, как мужа однажды нарисовал солдат. Хорошо нарисовал – портрет получился, вот только звёздочки на погонах не просматривались. Друзья смеялись: «Киселёв, не быть тебе полковником, останешься навсегда майором». Так и случилось. А портрет тот Аня поместила над кроватью сына. Жаль, что Никита совсем не помнит отца: когда Андрей погиб, ему исполнился лишь год.

Родился Андрей Киселёв 16 ноября 1962 года в небольшом городе Красноуральске Свердловской области. С детства мечтал стать кадровым военным. В Казанском авиационном институте он проучился всего три месяца, а затем ушёл служить в армию, стал десантником. После демобилизации в 1982 году поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное училище на факультет «спецназ».

В училище Киселёв был одним из лучших: отличник, спортсмен, мастер спорта по офицерскому многоборью. Фрунзенский стипендиат. Кроме силовой подготовки налегал на языки, в частности, с удовольствием изучал фарси. Лингвисты утверждают, что если арабский можно называть латынью Востока, то фарси – это французский Востока; на нём писали все выдающиеся поэты. Офицеры, владевшие фарси, всегда особо ценились в России – и в царской, и в советской.

А ещё Андрей очень любил читать и буквально охотился за книжными новинками. Впрочем, нынешней молодёжи, выросшей в условиях журнально-книжного изобилия, этого не понять. Рядом с его любимыми произведениями на полке остались погоны: с буквой «К» – курсантские, затем лейтенанта, старшего лейтенанта, капитана, майора.

По распределению Киселёвы получили назначение в бригаду ВДВ, расположенную на тринадцатом километре Щёлковского шоссе, в районе Медвежьих озёр. «Медвежки», как ласково говорит Аня. Она училась в медицинском институте на втором курсе, Андрей служил в спецназе. Жили в офицерском общежитии. Андрей чрезвычайно ответственно относился к своей работе, и Аня, по её словам, до сих пор помнит фамилии его коллег и товарищей.

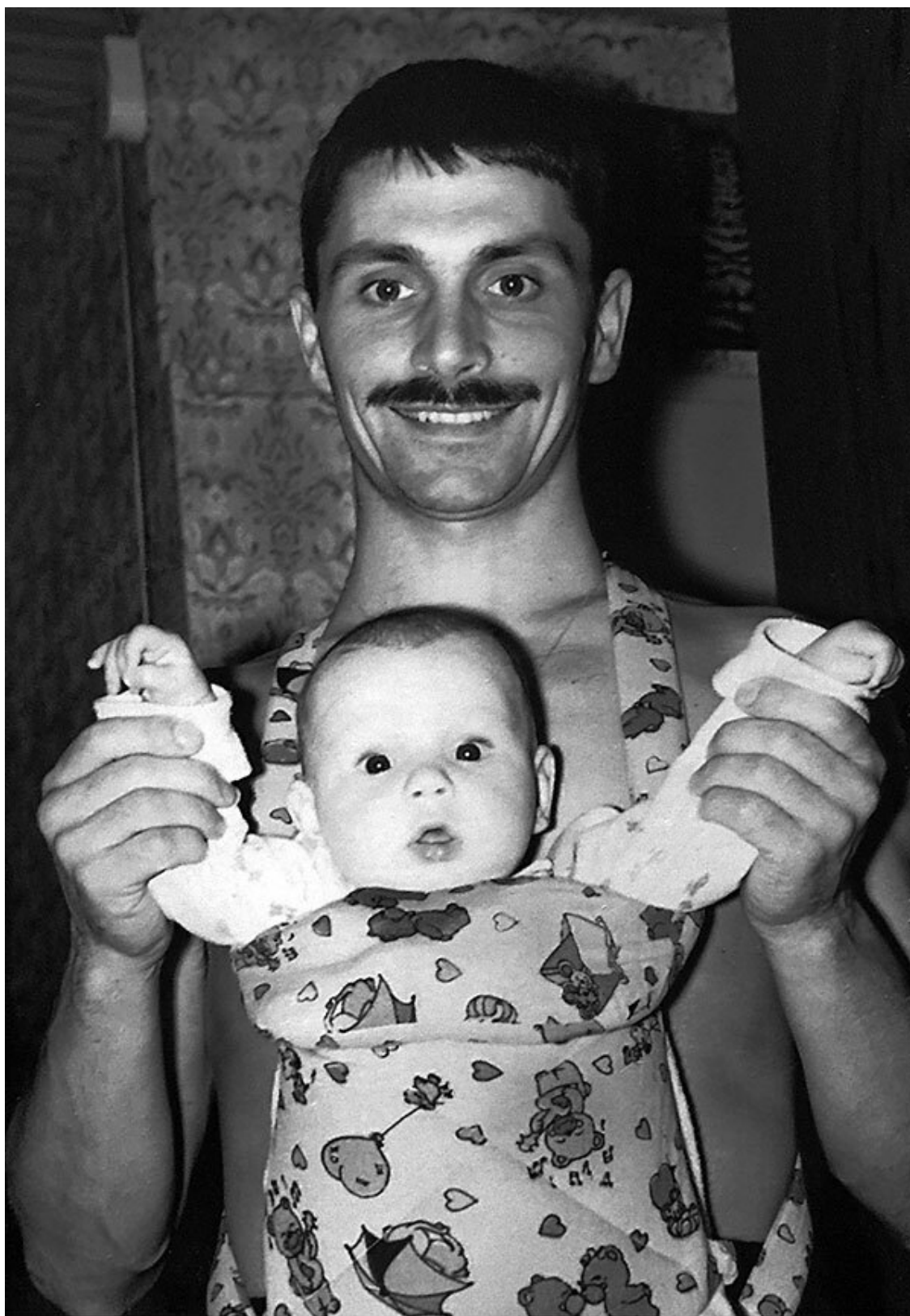
Зимой и летом проходили обязательные полуторамесячные сборы. Тренировки – само собой. Всё как положено. Но не только одной подготовкой жив офицер спецназа. Хотя в обществе существует устойчивый стереотип: верзила в камуфляже, ломающий о бритую голову кирпичи. Аня вспоминает, что, несмотря на хроническую нехватку времени, они ухитрялись бывать в столичных театрах, особенно любили Большой.

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

В июне 1993 года Андрей перешёл на службу в Группу «А» Главного управления охраны (ГУО), которой второй раз командовал Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев. После того как 4 октября 1993 года у Дома Советов в Москве от выстрела снайпера погиб

сотрудник «Альфы» Геннадий Сергеев и Будённовска, ставшего шоком для многих семей, Аня во время очередных командировок мужа терзала себя: «А что, если?..» А тот, словно дразня судьбу, отшучивался: «Будешь хоронить меня в парадном мундире».

Он любил учиться и думал о будущем. Заочный юридический институт стал очередным учебным заведением офицера. Андрей перешёл на четвёртый курс, оказавшийся последним. Когда родился долгожданный сын Никита, Андрею исполнилось тридцать два. «До года ты его воспитываешь, после года мужика воспитываю я», – объявил он жене.

Впрочем, какое тут плановое воспитание, если в командировки Андрей Викторович, как и его товарищи по Группе «А», уезжал без предупреждения, и Аня только из телевизионных новостей узнавала, что опять на Северном Кавказе обострилась ситуация и террористы захватили заложников. *«Неоднократно принимал участие в сложных оперативных мероприятиях и боевых операциях, проявлял при этом выдержку, самоотверженность и решительность»*, – говорится в личном деле майора Киселёва.

Рейд Радуева

Наступил новый, 1996 год. Андрей дежурил сутки – с седьмого на восьмое января. Потом неожиданно уехал в командировку, как всегда, без предупреждения. Для Ани наступили томительные дни ожидания. По телевизору, между тем, в информационной истерике билось после города Кизляра название дотоле неизвестного населённого пункта, который атаковал отряд полевого командира Салмана Радуева численностью свыше двухсот человек: «Посёлок Первомайский, посёлок Первомайский!»

Первоначальный план диверсантов предусматривал разгром военного аэродрома и пополнение запасов оружия, но их ожидания не оправдались. Боевики, вооружённые пулемётами и гранатомётами, застали на лётном поле всего три «вертушки», две из них вместе с топливозаправщиком уничтожили. В то же время часть отряда, блокировавшая военный городок местной воинской части, увязла в бою. Потери радуевцев составили до двадцати человек убитыми и ранеными. Возвращение в Ичкерия с таким скромным результатом не входило в планы дудаевского зятя; он принимает решение захватить местную больницу и выставить политические требования в духе Шамиля Басаева.

На этот раз российское руководство наотрез отказалось выполнить требования террористов, но и штурм больницы не входил в его планы. В Кремле опасались усиления в Дагестане антироссийских настроений в случае неудачного исхода операции. В итоге было принято компромиссное решение: в обмен на часть заложников предоставить Радуеву транспорт – девять автобусов – и «коридор» для ухода в Ичкерия. Для гарантии своей безопасности боевики взяли с собой 117 мирных граждан.

Блокпосты получили команду беспрепятственно пропускать колонну и террористов «не провоцировать». Разрабатывались варианты штурма прямо на маршруте. Но по пути следования в районе Бабаюрта террористы изменили маршрут, свернув к посёлку Первомайский. Когда силовики поняли, что Радуев пытается уйти с заложниками в Ичкерия, где достать его будет непросто, было принято решение остановить колонну. Это сделали предупредительными выстрелами с вертолёта.

Судя по всему, окончательного плана действий у федералов не имелось, как не было и руководителя на месте событий, готового взять на себя всю ответственность за последствия силовой операции. Только этим можно объяснить замешательство, которым Радуев воспользовался на сто процентов. Пока ситуация «зависла», он развернул свой отряд и занял посёлок Первомайский, попутно разоружив тридцать семь новосибирских омовцев, находившихся на блокпосту: бойцы оказались заложниками приказа «огня не открывать».

По некоторым данным, Радуев оставил часть своей банды в посёлке ещё по дороге в Кизляр – для подготовки села к обороне. Если это так, то становится ясно, каким образом в Первомайском отряд боевиков неожиданно усилился до 350 человек – вовсе не за счёт «добровольцев из окрестных чеченских деревень».

Попытка выманить «борзых» из села для последующего уничтожения из засады не увенчалась успехом. Несколько дней с Радуевым велись переговоры, в ходе которых удалось добиться освобождения всех удерживаемых женщин и детей. Но за это время бандиты успели основательно укрепить Первомайское. Выгнав на работы мужчин-заложников и местных жителей, террористы отрыли окопы полного профиля, создали укреплённый район обороны по всем правилам военной науки, с передовыми и отсечёнными позициями, с ходами сообщения.

В те дни неоднократно сообщалось, что посёлок был превращён в крепость. На самом деле, Первомайский являлся обычным кавказским кишлаком, где преобладали саманные строения. Наиболее зажиточные жители сумели обзавестись кирпичными домами. Конечно, боевики прорыли окопы и ходы сообщения, но всё равно это был не более чем населённый пункт, в кратчайшие сроки подготовленный к обороне. Позиции не представляли собой единую систему, а скорее были предназначены для нанесения внезапных ударов и быстрого отхода. Ни о каких железобетонных сооружениях не было и речи. Впрочем, и без всех этих «инженерных ужасов» любой дом, а тем более подвал представляли серьёзную опасность для наступающих.

«Первомайская демонстрация»

Первый штурм планировался 14 января, но его пришлось отложить, поскольку бандиты, точно рассчитав время, выставили перед собой живой щит из пленных дагестанских омовцев и других заложников из числа гражданских лиц. Всю последующую ночь самолёты пускали над посёлком осветительные ракеты.

В 8 часов 55 минут через мегафон прозвучало обращение к боевикам: «Внимание! Говорит начальник Федеральной службы безопасности России генерал армии Барсуков. Вам предлагается сдаться, освободить заложников, выходить на дорогу по одному без оружия с белым флагом».

Никакого ответа со стороны Радуева не последовало. Почти сразу над посёлком появились вертолёты Ми-24, которые стали бить НУРСами⁵⁸ по позициям террористов. Если учесть, что удар наносился по позициям мотострелкового батальона (а по численности боевиков примерно так и было), окопавшегося в населённом пункте, то становится ясно, что этих огневых средств явно не хватало.

«После огневой подготовки атаки, – пишет военный журналист Сергей Козлов в статье «Первомайская демонстрация»⁵⁹, – должен был наступать первый эшелон атакующих, в который входили СОБРы⁶⁰ и «Витязь». Второй эшелон атакующих включал спецподразделения «Альфа», СБП⁶¹ и «Вега». На отряд 22-й ОБрСпН⁶² была возложена задача совершать отвлекающий манёвр, имитируя атаку с западной окраины села, в то время как главные силы наступающих должны были ударить с северо-востока. Замысел не бог весть какой, по принципу «противник слепой, глухой и дурак», но на худой конец и это сойдёт, если всё отработано до мелочей и «каждый солдат знает свой манёвр». Но при постановке задач не был использо-

⁵⁸ Неуправляемые реактивные снаряды.

⁵⁹ Козлов С.В. и др. Спецназ ГРУ: Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны... – М., Русская панорама, 2000. – Прим. ред.

⁶⁰ Специальные отряды быстрого реагирования.

⁶¹ Служба безопасности Президента.

⁶² Отдельная бригада специального назначения.

ван не только макет посёлка, но даже элементарные схемы и карты. Допускаю с натяжкой, что их не смогли найти в достаточном количестве, но почему тогда не было аэрофотоснимков? За то время, что велись переговоры, можно было с воздуха десять раз отснять всё Первомайское и помимо схемы села обозначить готовящиеся оборонительные позиции».

Операция проводилась силами сборной группировки, в которую входили «Альфа», «Витязь», «Русь», «Вега» (вчерашний «Вымпел»), коржаковцы из СБП, бойцы СОБРов – из Волгограда, Ставрополя, Махачкалы, Краснодар, Москвы и Московской области, сотрудники ГУБОПа МВД. В оцеплении стояли части внутренних войск, мотострелки, подразделение сводного парашютно-десантного батальона Гвардейской воздушно-десантной дивизии и 876-я Отдельная рота специального назначения 58-й армии. Наиболее опасный участок длиной в километр прикрывали бойцы 22-й ОБрСпН.

Как и в Грозном, численного перевеса у наступающих практически не было. К 14 часам силам МВД удалось занять половину посёлка, но потери вынудили их отойти. Поскольку задачи ставились «на пальцах», то стоит ли удивляться тому, что взаимодействие между отрядами не было организовано, рабочие частоты не совпадали, фактически отсутствовало централизованное обеспечение операции – и на переднем крае, и в тылу: каждое подразделение обеспечивалось своими силами. А о том, что операция может иметь инженерное обеспечение, похоже, командование не догадывалось.

Шестнадцатого штурм повторился, но снова неудачно, управление оказалось частично потеряно. Хотя к середине дня бойцам «Витязя» удалось выйти к центру Первомайского – мечети, где террористы держали заложников...

Лишь на исходе дня к атакующим прибыла артиллерия – батарея реактивных пусковых установок БМ-21 «Град» и батарея 122-мм гаубиц Д-30. Но ночь с 16-го на 17-е прошла, как и предыдущая: федералы вели беспокоящий огонь, небо над Первомайским подсвечивали САБами⁶³, которые сбрасывали с большой высоты, поэтому светили они минут по двадцать. По-прежнему отряды спецназа находились на самостоятельном обеспечении.

Утром 17-го в 8 часов передовым порядкам поступила команда оставить позиции и отойти на пятьсот метров, дабы не пострадать от огня артиллерии. «Боги войны» осуществили пристрелку, но из-за погоды огневая подготовка не состоялась.

Не желая попасть под штурмовой удар, в ночь на 18 января радуевцы попытались нанести отвлекающий удар и захватили блокпост у села Советское, заставив отойти дагестанский ОМОН, но были выбиты оттуда практически сразу. В это время основная часть банды пошла на прорыв несколькими группами к единственному возможному пути отхода – мосту через реку Терек. К носилкам, которые «доверили» заложникам, привязали раненых и убитых.

Поскольку «тройное кольцо блокады» являлось исключительно пропагандистской «уткой» (плотность фронта составляла сорок шесть человек на полтора километра), Радуеву с частью боевиков, несмотря на огромные потери, удалось скрыться. Основной удар приняли на себя бойцы 22-й бригады специального назначения ГРУ, потерявшие пятерых погибшими и шестерых тяжелоранеными.

«Разведчики дрались отчаянно, сдерживая пятикратно превосходящего противника, которому к тому же нечего было терять, – пишет Сергей Козлов. – Их героические усилия никто не поддержал ни огнём, ни манёвром. Да и кому было поддерживать, если боевой порядок операции не предполагал ни создания бронегруппы, ни резерва, а для того, чтобы осуществить быструю перегруппировку, надо хотя бы находиться в трезвом рассудке. Когда же заместителю Куликова генерал-лейтенанту Голубицу доложили о прорыве, он, по отзывам очевидцев, был до такой степени пьян, что единственное распоряжение, которое он смог отдать, звучало примерно так: «Доставить их (боевиков) мне сюда!» Любопытно было бы

⁶³ Светящая авиационная бомба.

посмотреть, как скоро бы он протрезвел, если бы вдруг «чехи» выполнили его просьбу и пришли на зов».

По официальным данным следствия, в ходе прорыва погибло тридцать девять боевиков, ещё четырнадцать было взято в плен. По горькой иронии судьбы, этот прорыв спас жизнь почти половине заложников – в Ичкерии были уведены шестьдесят четыре человека, включая семнадцать новосибирских омовцев. Ещё примерно столько же были освобождены во время штурма села, пятнадцать заложников погибли.

Около 11 часов 18 января после удара «Града» и гаубиц спецподразделения пошли в новую атаку и к 15 часам овладели населённым пунктом. К этому времени основные силы чеченцев давно вырвались из Первомайского.

В течение последующего месяца омовцев обменяли на пленных боевиков, гражданских заложников – на трупы убитых террористов. Официальные потери силовых структур составили девять человек убитыми и тридцать девять ранеными в Кизляре, а также двадцать девять убитыми и семьдесят восемь ранеными в Первомайском. Двадцать четыре убитых и девятнадцать раненых в Кизляре пришлось на гражданское население.

«Мужайся...»

Пресса сообщала чудовищные «подробности», от которых у Киселёвой сжималось сердце: *«При штурме села у наступающих часто происходили нестыковки, вертолётчики ведут неприцельный огонь, под который попадают свои. В первый день штурма, когда вперёд пошла «Альфа», её накрыли именно таким образом. Спецназовцы успели продвинуться вперёд, а отходящие назад армейские подразделения вызвали для поддержки вертолётчики и огонь артиллерии. «Альфовцам» пришлось на себе испытать этот удар. Судя по всему, элитные подразделения понесли серьёзные потери. Пока нет точных сведений, но речь идёт уже о десятках погибших»⁶⁴.*

– Ребята вылетели в Дагестан после суток, уставшие, – даже сейчас голос Ани Киселёвой начинает дрожать. – Их бросили в голом поле, в снежную грязь – без нормальной еды, без тёплого обмундирования. Но и в этих тяжелейших условиях они делали всё, что должны были делать. Свою задачу они выполнили. Они герои, хотя это и пытались замолчать. И не их вина, что руководство операцией осуществлялось так откровенно бездарно.

В Первомайском майор Киселёв руководил одной из «альфовских» групп огневого прикрытия, которая обеспечила подавление огневых точек противника. Этим его группа помогла выходу сотрудников спецназа МВД из-под обстрела противника и позволила вынести раненых в безопасное место.

Восемнадцатого января Ельцин объявил, что «ни один офицер не погиб». У Ани вроде бы отлегло от сердца. «Слава Богу», – подумала она. А на следующий день пришли товарищи и сослуживцы Андрея и сказали страшное: «Мужайся...» Так далёкий вроде бы Дагестан шагнул на порог скромной московской квартиры.

Жить ей не хотелось. Приехавшая из Смоленска мама помогла выйти из этого состояния, нашла нужные слова: «У тебя есть сын, надо жить для него». Анина мама любила Андрея, звала сыном. Впрочем, все его любили: он был настоящим мужчиной и просто хорошим парнем.

Хотя и прошло время, ничего не забывается. Аня, листая альбом с фотографиями, повторяет: «Вот он, мой Андрей, видите?» Она гордится мужем, хранит его грамоты и, конечно, награды: орден «За службу Родине в Вооружённых Силах» III степени, медали, именные часы от министра обороны СССР, последнюю награду – орден Мужества.

⁶⁴ Сокирко В. Элитные войска превращены в штрафбат. – «Комсомольская правда», 18.01.1996. – Прим. ред.

В квартире на Мичуринском проспекте, куда в конце 1990-х переехали Киселёвы, везде портреты: Андрей в форме, Андрей с маленьким сыном, Андрей с друзьями, с женой. Никита знает папу по фотографиям.

...Накануне трёх лет со дня гибели майора Киселёва Никита вечером вдруг сказал: «Мама, давай поедem к папе». Это значит – на Митинское кладбище.

В домашнем альбоме Киселёвых есть фотография, на которой Никита запечатлён в папиной маске – чёрной, с прорезями для глаз. Было время, когда «Альфа» воспринималась как обезличенная, но грозная сила. Теперь страна знает в лицо её командиров и наиболее выдающихся представителей, уже ветеранов. А вот действующие сотрудники подразделения становятся известными широкой общественности только после смерти, честно и до конца выполнив свой долг.

Ольга ЕГОРОВА

По долгу дружбы

Майор ВОРОНЦОВ Виктор Михайлович (1962–1996)

Майор Виктор Воронцов погиб в селе Первомайское, когда операция против диверсионного отряда Салмана Радуева, затянувшаяся на долгие десять дней, была уже практически завершена⁶⁵. Он ушёл из жизни 18 января, в день своего рождения. Он хотел отпраздновать его по возвращении – с супругой Ниной, чей день рождения, пришедшийся несколькими днями раньше, они тоже не успели отметить, и одиннадцатилетним сыном Костей. Но судьба распорядилась иначе.

Впрочем, своей судьбой Виктор Воронцов всегда распоряжался сам. И о принятом ещё в детские годы твёрдом решении стать военным, и о крутом повороте в своей карьере, который привёл его – уже на четвёртом десятке – из кабинета в аэропорту Шереметьево-2 в опе-

⁶⁵ Подробнее об этой операции читайте в очерке, посвящённом Андрею Викторовичу Киселёву.

ративно-боевой отдел Управления «А», он никогда не жалел. Это была его дорога, и, выбрав её, он прошёл по ней до конца.

«На заставе»

Виктор Михайлович Воронцов родился 18 января 1962 года в Воронеже, в рабочей семье. Мама, Серафима Павловна, – из Панинского района Воронежской области (в Воронеж переехала после 7-го класса), работала на Воронежском заводе синтетического каучука. Отец, Михаил Фёдорович, родом из Белоруссии, работал на Воронежском шинном заводе.

Витя рос в дружной, любящей семье. Говорить он начал рано, а в год и три месяца уже складывал слова в предложения. Серафима Павловна вспоминает:

– *Как ни странно, но первое, что произнёс маленький Витя, были не привычные для всех «мама» – «папа», а «Я мальчик!».* Ему тогда ещё года не было. Мы ехали в автобусе. И вдруг Витя, чётко так, выдал: «Я маль-чик!»^[48]

Родители сизмальства приучали его к самостоятельности и дисциплине, и мальчик вырос-лел на глазах. А вскоре определился и с будущей профессией...

Как-то раз мама прочла ему книжку в стихах Агнии Барто «На заставе». У сына заго-релись глаза: эта история про отважного мальчишку, помогающего пограничникам задержать врага, запала в душу. Прочитала ещё раз. И вскоре он уже сам бойко читал наизусть:

*Лесная застава... Приземистый дом.
Высокие сосны за тёмным окном...
В тот дом ненадолго спускаются сны,
В том доме винтовки стоят у стены.
Здесь рядом граница, чужая земля,
Здесь рядом не наши леса и поля.*

Возможно, именно эта книжица в десять страниц и сыграла главную роль в судьбе Вити Воронцова, который со второго класса решил стать пограничником. В настоящее время она хранится в музее гимназии № 7, носящей его имя.

Впрочем, в Воронеже сразу три школы могут гордиться тем, что в их стенах учился Вик-тор Михайлович Воронцов. В 1969 году он пошёл в первый класс школы № 33. В декабре сле-дующего семья получила новую квартиру, и Витю перевели в 61-ю школу. А в 1977 году он перешёл в школу № 21 (ныне гимназия № 7), где и учился до её окончания.

Виктор был способным учеником, но урокам он предпочитал занятия спортом. С седь-мого класса он начал заниматься борьбой. Нравилось ему и участвовать в школьной самодея-тельности, издавать газету. Он хорошо владел художественным словом и прекрасно рисовал. С шестого класса рисунок стал его второй после спорта страстью. Его первой картиной стала «Мария Магдалина». В десятом нарисовал «Джоконду». Даже став офицером, он продолжал заниматься живописью.

В седьмом классе дедушка подарил внуку фотоаппарат. Увлечение фотографией он также пронёс через всю жизнь. А в восьмом классе Виктор сам научился играть на гитаре. Недаром говорят, что талантливый человек талантлив во всём.

За друга!

Но Виктор остался верен своей детской мечте. И после окончания школы в 1979 году он поступает в Московское высшее пограничное командное училище КГБ СССР имени Моссо-

вета по специальностям «командная тактическая» и «иностранный язык» (английский). Окончив его в 1983-м, он получает первое офицерское звание – «лейтенант».

Помимо английского, в училище он изучал и французский язык. Специальность переводчика требовала хороших навыков владения языками, и он упорно тренировался, читал зарубежную литературу. В училище у него появились близкие друзья, один из которых – Юрий Богданов – сыграет в его судьбе важную роль.

В время учёбы в вузе Виктор познакомился и с Ниной, своей будущей женой. Он запомнил этот день – 8 марта 1982 года. Любовь вспыхнула сразу. А через год они поженились.

Первым местом службы лейтенанта Воронцова стал отдельный отряд пограничного контроля «Москва» ОКПП «Шереметьево-2». Десять лет, с августа 1983 по июнь 1993 года, он уверенно поднимался по служебной лестнице: контролёр, командир взвода и комендантской роты, начальник группы, заместитель начальника отделения по работе с личным составом. В 1985 году Воронцов получил звание «старший лейтенант», к 1993 году дослужился до майора. Перед ним открывалась хорошая перспектива. Ему, как свободно владеющему иностранными языками, поручали работу с иностранными делегациями. Так, в марте 1987 года он был одним из тех, кто встречал в Москве премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, прибывшую с визитом в СССР. Работа спорится, руководство ценит, чего ещё желать?

*Виктор Воронцов с родителями и младшей сестрой Олей.
(Фото из архива Алексея Филатова)*

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Но вмешался случай. Когда начиналась горбачёвская перестройка, никто не мог предположить, что через несколько лет перестанет существовать Советский Союз и мы окажемся в другом мире, в другом государстве, окружённом пылающими границами. В конце 1992 года

друг Воронцова, тот самый Юрий Богданов, служивший в «Вымпеле», в ходе одной из спецопераций получил тяжёлое ранение, став инвалидом. И Виктор решил, что должен его заменить, продолжить его дело. Отныне и до последней командировки его стезя – спецназ!

С июля 1993 по декабрь 1994 года он – старший оперуполномоченный в Группе «Вымпел». Но после «горячей осени» 1993 года, когда сотрудники спецназа госбезопасности отказались штурмовать Белый дом, «Вымпел» по решению Бориса Ельцина передали в МВД и подразделение фактически распалось⁶⁶. Тогда Воронцов перешёл в «Альфу», которую удалось отстоять благодаря усилиям командира подразделения Геннадия Николаевича Зайцева и начальника Главного управления охраны РФ Михаила Барсукова.

С 25 декабря 1994 по 1 сентября 1995 года Виктор Михайлович – старший оперуполномоченный Группы «А» ГУО⁶⁷, а с сентября 1995 по 18 января 1996 года – старший оперуполномоченный Управления «А» ФСБ России.

Он пришёл во Второй отдел, которым командовал Александр Репин⁶⁸, с ним участвовал в освобождении заложников из будёновской больницы в 1995 году, за что был отмечен медалью Суворова.

Воронцов сразу влился в непростой, но дружный боевой коллектив. Начальство ценило его исполнительность, дисциплинированность и инициативу. А сослуживцы уважали его за ответственность, отзывчивость, общительность и доброжелательность. И хранили написанные им иконы.

По будёновскому сценарию

Наступил тревожный 1996 год. Боевые действия в Чечне продолжались, несмотря на подписанные после будёновского теракта соглашения. Более того, ситуация продолжала ухудшаться. Шестого октября 1995 года было совершено покушение на командующего Объединённой группировкой войск генерала Романова, в результате которого он оказался в коме. В ответ были нанесены «удары возмездия» по чеченским сёлам. Попытка ликвидации лидера непризнанной республики Джохара Дудаева 8 октября провалилась, но в результате авиаудара по селению Рошни-Чу были разрушены десятки домов, погибли мирные жители. А в начале декабря отряды чеченских сепаратистов отбили город Гудермес, и российским войскам понадобилось около двух недель, чтобы полностью вернуть его под свой контроль.

И вот, в рождественские дни 1996 года разразилась новая трагедия. Девятого января, вскоре после того как Дудаев заявил на «Президентском канале»⁶⁹, что не допустит прекращения войны в Чечне, группировка численностью около трёхсот боевиков, в которую вошли отряды Адамира Абалаева, Турпал-Али Атгериева, Хасана Долгуева, Хункар-Паши Исапилова, Ломали Нунаева, Салмана Радуева и Мусы Чараева, напала на город Кизляр в соседнем Дагестане. Общее руководство операцией взял на себя «полковник» Радуев.

Вначале диверсанты планировали атаковать вертолётную базу и воинскую часть внутренних войск МВД, а также захватить авиационный завод и уничтожить его оборудование. Вот как об этом заявлял сам Радуев: *«...мы проводим плановую диверсионную, войсковую операцию с целью уничтожения военного объекта на территории города Кизляра. Вертолётная база перевалочная. По нашим разведанным, вчера здесь должны были быть восемь вертолётных, которые должны были привезти боезапасы для группировки, которая работает в Чеченской*

⁶⁶ Из 660 сотрудников «Вымпела» только 49 согласились перейти в МВД.

⁶⁷ Главное управление охраны.

⁶⁸ Александр Георгиевич Репин, полковник, участник штурма дворца Амина в 1979 году.

⁶⁹ После отступления из Грозного поборники независимости Ичкерии организовали вещание единственного телеканала, которое, несмотря на противодействие федеральных сил, велось на протяжении почти всей войны.

Республике Ичкерия, и была поставлена задача нанести массированный удар и уничтожить эту военную базу и в придачу военный городок»^[58]. Но, встретив достойное сопротивление со стороны российских военнослужащих, боевики переключились на более доступные цели – роддом и больницу, повторяя будёновский сценарий. Захватив медперсонал и пациентов – всего более сотни человек, – террористы согнали в больницу ещё свыше двух тысяч жителей окрестных домов, заминировали здание и приготовились держать оборону. «Мы абсолютно не намеревались брать заложников. Чисто так получилось, немножко войсковая операция пошла в другую сторону...» – пытался оправдывать свои действия Радуев^[59]. Поначалу он, как и Басаев полугодом ранее, выдвинул политические требования: признание последних выборов в республике недействительными и вывод федеральных войск из Чечни. Но вскоре политика уступила место шкурному интересу. Радуев потребовал позволить банде беспрепятственно скрыться на территории Чечни.

Утром 10 января террористов, прикрывающихся шестью десятками заложников, выпустили из Кизляра. Позади колонны автобусов ехали два КаМАЗа с оружием и трупами убитых чеченцев. Их маршрут проходил по территории Дагестана вдоль границы с Чечнёй. Согласно достигнутому договорённости, Радуев должен был освободить заложников у села Первомайское, а затем по мосту пересечь реку Аксай и двигаться к чеченскому селению Азамат-Юрт.

Однако он прекрасно понимал, что, оставшись без «живого щита», колонна будет сразу уничтожена. Эту уверенность подкрепляли и барражирующие в воздухе «крокодилы» – ударные вертолёты Ми-24. Руководители антитеррористической операции уже готовились рапортовать об успешном её завершении, в выпусках новостей звучали заявления, что кризис с заложниками будет разрешён в течение нескольких часов. Но Радуев не собирался никого отпускать – колонна свернула к мосту. Там её остановили Ми-24, обстреляв два головных автобуса и милицейскую машину сопровождения. Тогда радуевцы возвратились и заняли Первомайское.

Осада посёлка длилась больше недели. Пять дней боевики вели переговоры и готовили населённый пункт к обороне. Сам штурм начался 15 января и с переменным успехом продолжался четыре дня. При этом пришлось отбивать и атаки отряда, пришедшего со стороны Чечни, чтобы попытаться прорвать блокаду. Восемнадцатого января, после обстрела села из «Градов» (об освобождении заложников речи уже не шло), радуевцы пошли на прорыв и были почти полностью уничтожены. Когда боевые действия уже в основном закончились, случайный выстрел оборвал жизнь майора Воронцова.

– Это был замечательный человек, – отмечает ветеран подразделения полковник Сергей Поляков, *– очень жизнерадостный и никогда не унывающий. В трудную минуту он всегда мог найти выход из непростой ситуации. Накануне гибели Виктор попал под обстрел. Возвратившись, пошутил: «Вы представляете, я подхожу к боевой машине, а там как бы мышки по ногам бегают». Когда мы посмотрели место, так это, оказывается, были пули... Вечером, несмотря на усталость, мы поздравили его с днём рождения. И никто, конечно, не ожидал, что Господь заберёт его так скоро»^[47].*

Вместе с ним не вышел из боя другой сотрудник «Альфы» – майор Андрей Киселёв, который находился на той же «бронь». Оба посмертно награждены орденами Мужества.

Похоронен Виктор Воронцов на родине, в Воронеже.

«Альфовцы» за школьной партой

Каждый год в январе учителя и ученики воронежской гимназии № 7 готовятся к торжественному приёму гостей. На вечере памяти собираются офицеры «Альфы», сотрудники Управления ФСБ по Воронежской области, члены семьи Виктора Михайловича Воронцова. В эти дни проходят уроки мужества, почётный караул лучших учащихся несёт вахту памяти у

портрета офицера Группы «А», актив гимназии возлагает цветы на могилу Виктора Михайловича, проводятся конкурсы стихов, плакатов, старшеклассники состязаются в ставших традиционными соревнованиях «Красив в строю, силен в бою».

Рассказывает заместитель директора гимназии по воспитательной работе Лидия Деревенских:

– Семнадцатого января 1998 года гимназии № 7 присвоено имя майора ФСБ В. М. Воронцова и установлена мемориальная доска на здании. С этого момента стали традиционными торжественные приёмы, посвящённые его памяти, встречи с ветеранами и действующими бойцами спецподразделения «Альфа».

В 2000 году открыт музей, который стал центром патриотического, гражданского, духовного, нравственного воспитания. Его созданию предшествовала большая поисковая работа, проводились встречи с выпускниками, учителями.

Большую помощь в создании музея оказали члены семьи В. М. Воронцова: мама Серафима Павловна и супруга Нина Владимировна, которые передали много фотографий из семейного архива и некоторые вещи.

Уже сейчас в музее собран материал из истории школы № 21, о современной жизни гимназии. Отдельная тема – материалы о В. М. Воронцове, специальных подразделениях «Альфа» и «Вымпел», об Афганской войне и погибших там ребятах, которые учились в нашей школе. <...>

Музей позволяет учащимся не только изучить, но и увидеть лично, «потрогать» историю, осознать связь прошлого с настоящим.

<...>

В течение многих лет расширяются и укрепляются связи гимназии с Управлением «А» ЦСН ФСБ России, Международной Ассоциацией ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», Региональным отделом спецназначения Управления ФСБ по Воронежской области, Воронежской Региональной организацией «Российский союз ветеранов Афганистана».

Среди наших давних друзей – Пехлецкая средняя школа имени Владимира Соловова Рязанской области Кораблинского района, которая тоже носит имя погибшего офицера ФСБ; семьи воинов, погибших в мирное время в вооружённых конфликтах.

Стали традиционными в декабре поездки гимназистов в Москву, в Управление «А» Центра специального назначения ФСБ России. Ребята поздравляют офицеров с профессиональным праздником – Днём работника госбезопасности. А шефы, в свою очередь, готовят интересную экскурсионную программу по Москве.

Уже одиннадцать лет команда гимназии успешно соревнуется в «Пехлецкой зарнице» памяти майора ФСБ Владимира Соловова в селе Пехлец Рязанской области^[2].

На базе музея в гимназии создан клуб «ЮнАльфа». Его девиз – «“Альфа” – отвага и честь. Есть “Альфа” и Родина есть». Юные «альфовцы» собирают материалы для экспозиции, проводят экскурсии, помогают в подготовке школьных праздников и других мероприятий.

Каждый год в День памяти майора Воронцова в ряды «ЮнАлфы» принимают пополнение. Новобранцы произносят торжественную клятву. Затем маленьким «альфовцам» выдают специальную форму и значки.

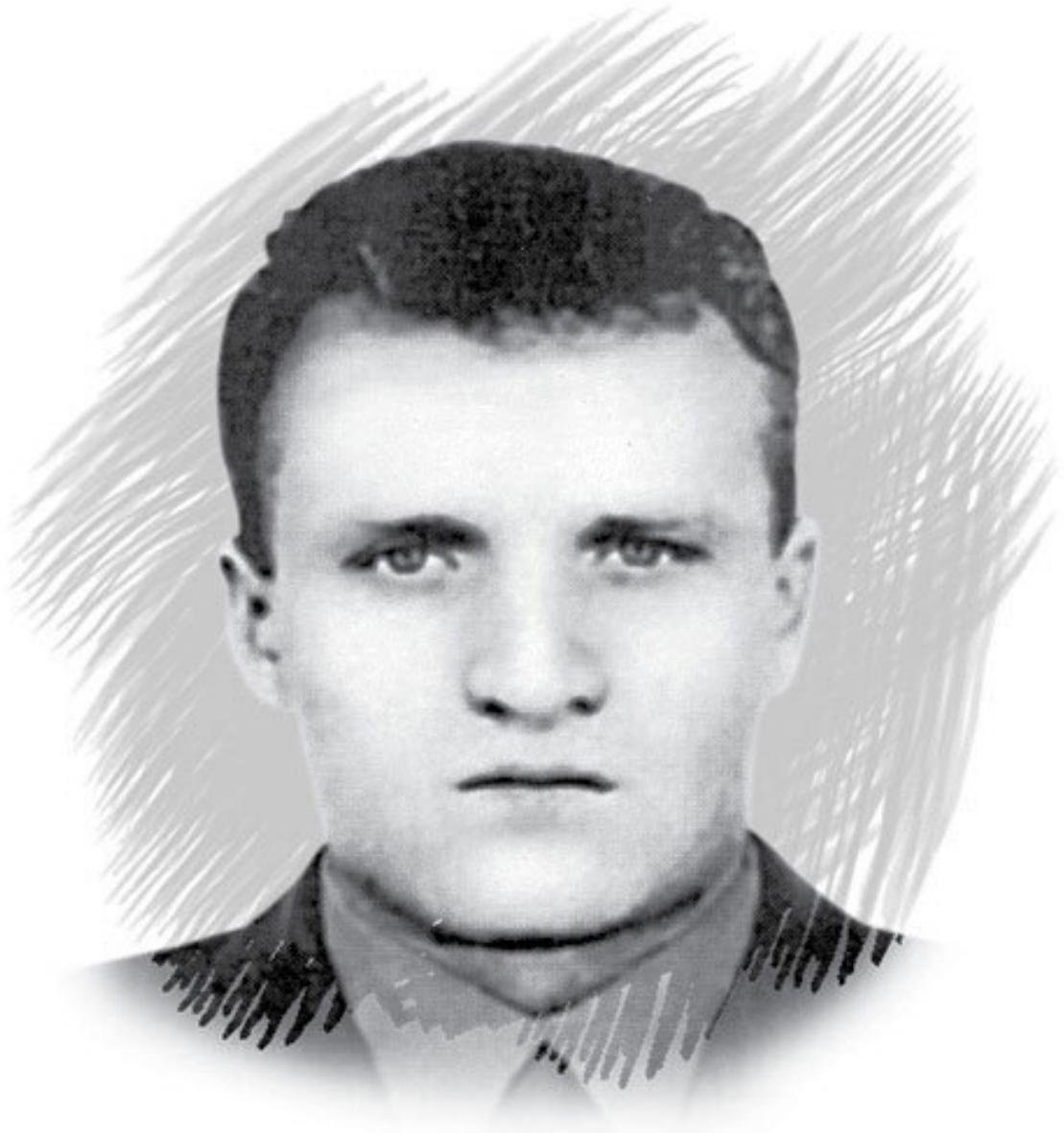
Дружба с ветеранами и действующими сотрудниками спецподразделения учит гимназистов быть честными, порядочными, ответственными людьми, любить Родину и уважать тех, кто встал на её защиту. Многие выпускники гимназии № 7 поступают в военные училища, Академию ФСБ, школу милиции, на факультеты по линии МЧС в различных вузах.

И у каждого из них перед глазами пример Виктора Воронцова, круто изменившего свою судьбу, чтобы поддержать друга, заменить его в строю, не задумываясь отдать свою жизнь за мирную жизнь своей страны.

Каждый сам выбирает свою судьбу и тот след, который он оставит на нашей земле, в нашей памяти. Можно, конечно, в уютном кресле рассуждать о судьбах России, ожидая патриотизма от других. А можно, пожертвовав личным благополучием, самому встать на её защиту, вступив в ряды бойцов антитеррора, как майор Виктор Воронцов. Или для начала – в ряды «ЮнАльфы».

Анатолий БОГОМОЛОВ

Смертельный «адрес»

Прапорщик ДЁМИН Александр Владимирович (1969–1997)

«Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...» Эти строки известной песни в полной мере относятся к трудной, кропотливой и, как правило, незаметной работе органов ФСБ. О её результатах обыватель может судить по коротким кадрам оперативной видеосъёмки и скупым сообщениям на лентах новостных агентств: «предотвращена попытка теракта», «задержаны участники банды», «изъято большое количество оружия и боеприпасов»... И по отсутствию на тех же лентах уже ставших одно время привычными сообщений о терактах в нашей стране. Да, труд этих людей и не должен быть замечен. Ни мирным жителям, которые теперь снова могут спать спокойно, ни тем, кто задумывает нарушить их покой. В своё время за ними придут и обезвредят – профессионально, «без шума и пыли».

Но нет-нет да и мелькнёт в новостях такая короткая, но такая щемящая фраза: «При задержании террориста погиб сотрудник ФСБ России». Мелькнёт – и забудется. Это же не

страшный теракт с десятками или сотнями жертв! Но эта жизнь отдана за множество других, спасённых. И потому достойная памяти всего народа.

Террористическое подполье давно и тесно связано с криминалом. Через него оно получает оружие, информацию, связи. Частенько террористы и бандиты делят одну «хату». Поэтому спецназ ФСБ ведёт борьбу на обоих фронтах, выявляя и нейтрализуя наиболее опасных «авторитетов» и боевиков.

Во время одной из таких операций весной 1997 года в столице Адыгеи, городе Майкопе, и погиб прапорщик Александр Дёмин. Погиб, приняв автоматную очередь в грудь и накрыв собой брошенную гранату.

На казачьей земле

Саша Дёмин родился 22 декабря 1969 года в городе Рыбачье Иссык-Кульской области Киргизской ССР. Жаркий край! Но пробыл он там недолго. В 1972 году родители развелись. Отец, Владимир Александрович Дёмин, 1946 года рождения, остался в Рыбачьем, а мать, Татьяна Васильевна Гусева, 1950-го, переехала в станицу Чепигинскую Краснодарского края.

Кубань стала второй родиной Саши. Станица, где он рос, получила своё название в честь кошевого атамана Черноморского казачьего войска Захария Чепиго, прославившегося храбростью и воинскими подвигами: он громил турок на Днестре, в составе казачьей флотилии брал крепости на Дунае, бился с турецким флотом под Очаковым, брал Хаджи-бей (ныне – Одесса). Летом 1777 года Чепига в составе отряда казаков-волонтёров воевал в Крыму под командой самого Александра Суворова. Под его же началом, командуя одной из колонн, участвовал в штурме крепости Измаил. За свои ратные дела он был награждён орденом Святого Георгия третьей и четвёртой степеней. В ходе польской кампании 1794 года Чепига командовал бригадой, дослужился до генерал-майора, а за участие в «приступе Праги» был представлен к ордену святого Владимира второй степени.

Так было всегда: героические места воспитывают героев. Тем, кто забывает о ратных подвигах предков, неоткуда взять силы, чтобы защитить себя в настоящем.

Татьяна Васильевна вспоминает:

– Саша был очень любознательным, добрым и отзывчивым мальчиком. Ко всем относился с любовью и заботой. Уже в пять лет считал до ста и в обратном порядке, по азбуке складывал слова и предложения. Самостоятельно делал покупки в хлебном магазине. И – разбирался в людях, мог с первого общения очень много рассказать о человеке. Давал дельные советы, к которым грех было не прислушаться. Дисциплинированность, ответственность воспитывал с детства. Ко всем поручениям относился добросовестно, считал: «Если не я, то кто?»

Рос Саша человеком разносторонним. В четвёртом классе увлёкся саксофоном, потом научился играть на гитаре. Занимался ремонтом и уборкой в доме, по выкройке мог сшить себе брюки. Много рисовал. Даже мечтал стать эскимо. Изучил много литературы по разведению лошадей, знал всех призёров на соревнованиях, их родословную... Вечерами пропадал на конюшне – ухаживал за лошадьми, чистил их, подносил корма. Вязал «по макраме» возжжжи, сбруи, ободки для глаз, вязывал туда цветные камешки.

Работа на свежем воздухе сопровождалась пением. Домой часто приходил с друзьями; вместе они управлялись по хозяйству, полили огород, пекли сладости, пили чай. Было весело и интересно! <...>

Ещё одно юношеское увлечение – небом: сын мечтал стать лётчиком. Изучал устройство самолётов, делал в кружке макеты разных летательных аппаратов. Всегда подтянутый, стройный, Саша нравился девочкам.

В нашей станице к нему относились хорошо. В 1988 году он закончил восемь классов, 12 июня прошёл выпускной вечер. Летом – рыбалка, в свободное время купались и ловили раков. Саша сделал ремонт в доме, а осенью поступил в СПТУ № 15 Ростова-на-Дону. Там он получил специальность «токарь-универсал 3-го разряда». Жил с другом на квартире. В эти же годы стал мастером спорта по боксу, получил водительское удостоверение^[62].

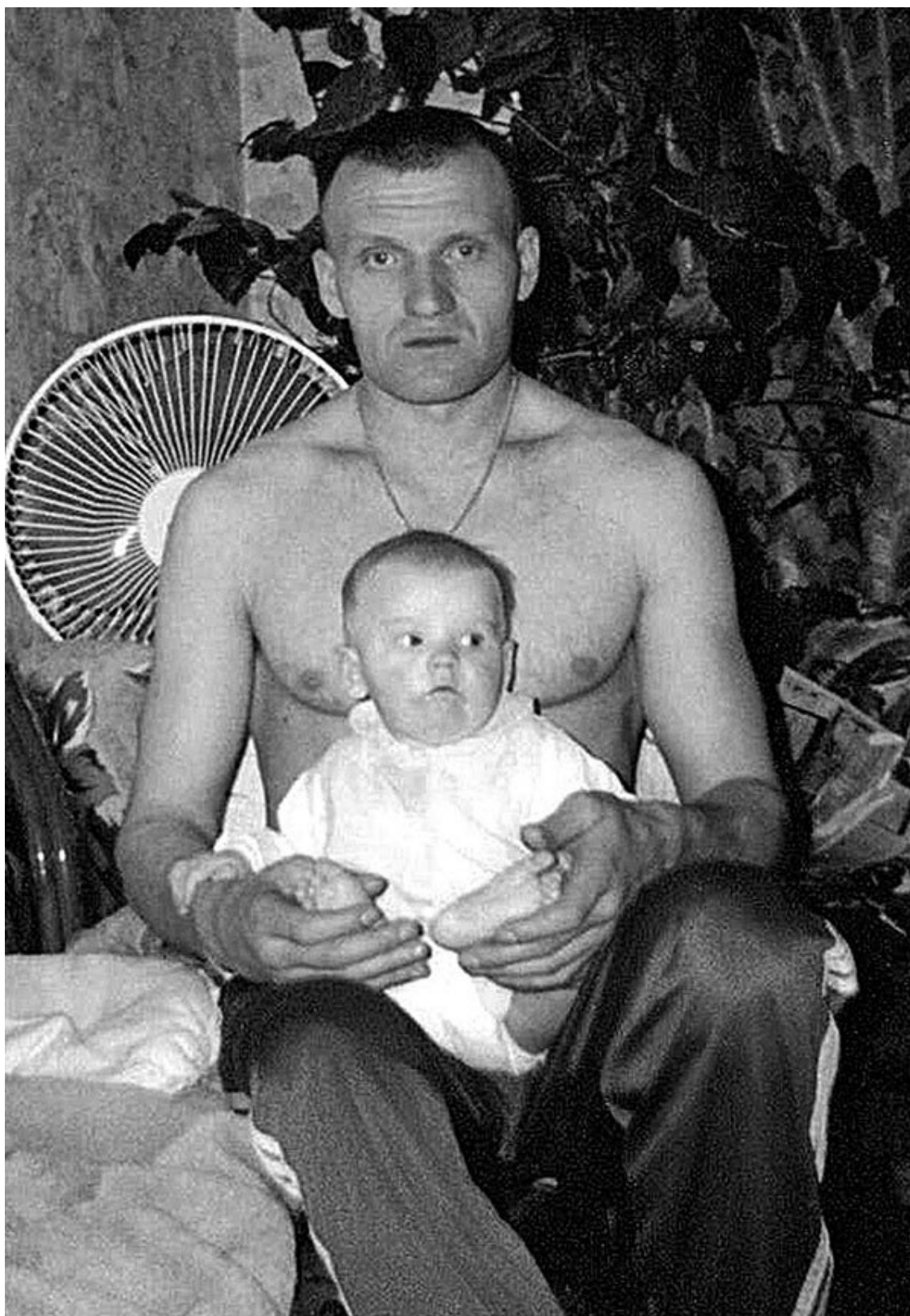
(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Александр Дёмин (справа) с сослуживцами из роты почётного караула. (Фото из архива

(Фото из архива Алексея Филатова)

Чемпион России

До армии Александр успел поработать в бывшем колхозе им. Карла Маркса. Срочную службу с 1988 по 1990 год Александр проходил в Новороссийске. Его распределили в роту почётного караула, и он гордился, что ему выпала честь стоять на посту у знамени и участвовать в парадах. Однако за время службы младшему сержанту Дёмину пришлось не только охранять знамя, но и сопровождать воинские грузы. Ещё до призыва в армию он серьёзно занимался боксом, а в 1990 году получил наградной знак «Воин-спортсмен».

Татьяна Васильевна ахнула, когда однажды вечером увидела на пороге возвратившегося из армии сына – возмужавшего, в парадной форме. Но вернулся Александр уже не в ту страну, из которой уходил служить. Всё изменилось: предприятия разорялись, из магазинов исчезли продукты, ценники переписывались чуть ли не каждую неделю. Не найдя себе места в гражданской жизни, осенью 1990 года Александр ушёл в ОМОН. Он стал заниматься рукопашным боем у заслуженного тренера Александра Робертовича Дыбчинского, и так к нему привязался, что стал считать его вторым отцом, равнялся на него и старался никогда не подводить. Вскоре он стал мастером спорта по рукопашному бою, а в 1995 году – чемпионом России.

Наступил 1994 год, началась Первая чеченская. В составе отряда ОМОНа Дёмин отправился на Кавказ, и в 1996 году был награждён медалью «За отвагу».

В марте 1997 года Александр перевёлся в Региональный отдел специальных операций УФСБ по Краснодарскому краю (так с октября 1996 года стала называться кубанская «Альфа»). Физически крепкий, под два метра ростом, открытый и добродушный парень, он быстро освоился в новом подразделении.

Будучи профессиональным боксёром и рукопашником, Александр особое внимание уделял дополнительной подготовке, проводил много времени в тренажёрном зале и на татами. Он тщательно отрабатывал приёмы задержания с применением спецсредств – как самостоятельно, так и в составе оперативной группы.

В том же году Дёмин заочно окончил Краснодарскую Академию физической культуры, 28 мая досрочно сдал последний экзамен за пятый курс. И хотя он ещё числился в учебном отпуске, упротил руководство поставить его на боевое дежурство.

Бандиты в обмен на заложников

Начало этим трагическим событиям было положено ещё в марте 1992 года, когда банда во главе с 28-летним Али Дауровым, адыгейцем по национальности, в городе Лермонтов Ставропольского края захватила автобус. В заложниках оказались 25 человек – рабочие пятигорского предприятия «Монолит» и двое сотрудников ставропольской милиции. Угрожая взорвать автобус, бандиты потребовали самолёт до Турции. Когда же Турция отказалась их принимать, террористы потребовали обеспечить им проезд в Чеченскую Республику и обещали отпустить часть заложников в обмен на двух своих товарищей – Аслана Атажахова и Рашида Ханаханова, находившихся в одном из следственных изоляторов Ставрополя. Ради спасения жизни людей требования боевиков были выполнены. Атажахову и его приятелям удалось скрыться на территории Чечни. Заложники были освобождены, никто из них физически не пострадал.

Через некоторое время Атажахов организовал свою вооружённую преступную группу. Бандиты занимались вымогательством крупных сумм, продажей оружия, заказными убийствами на территории Адыгеи и Кубани. Не гнушался «мокрыми делами» и сам главарь банды: в ноябре 1996 года он собственноручно застрелил из ПМ предпринимателя из Белореченска (позже орудие убийства найдут при обыске квартиры Атажахова). Преступники поддерживали тесные связи с полевыми командирами самопровозглашённой Чеченской Республики Ичке-

рия. Они же поставляли в Адыгею оружие и боеприпасы, чтобы дестабилизировать обстановку в республике и в перспективе реализовать в ней чеченский сценарий выхода из состава России.

Снова на след Атажахова удалось выйти лишь весной 1997 года. Оперативники УФСБ по Адыгее вели главаря банды, отрабатывали его передвижения и контакты. С учётом его «чеченского боевого опыта», связей и положения в преступной иерархии, к операции по его нейтрализации привлекли сотрудников краснодарской «Альфы», среди которых оказался и только что пришедший в подразделение, но уже имевший за плечами боевой опыт прапорщик Александр Дёмин.

«По оперативной информации...»

В тот день, когда Александр сдавал свой последний экзамен в Академии, в УФСБ России по Адыгее поступила информация, что в Майкопе готовятся массовые беспорядки и теракты. Для непосредственного руководства мятежом в столицу республики прибыл Атажахов. Координировал действия боевиков на территории Адыгеи чеченский полевой командир Руслан Гелаев.

По оперативной информации, Атажахов остановился в квартире на четвёртом этаже дома 383 / 2 по улице Пионерской, где проживали его жена и двое малолетних детей. Необходимо было принять срочные меры по его задержанию. Но на тот момент в республике не было собственных подразделений, которые имели бы опыт, знания и оснащение для проведения боевых операций такого рода, поэтому к участию в задержании привлекли краснодарцев.

В Региональном отделе специальных операций (РОСО) УФСБ по Краснодарскому краю были в курсе происходящих событий. Коллеги из Антитеррористического центра ФСБ вели разработку криминальных лидеров, подозреваемых в тяжких преступлениях и находящихся в бегах. Поэтому когда вечером 28 мая поступила информация о том, что один из разыскиваемых преступников объявился в Майкопе, сотрудники действовали по заранее отработанному плану.

Ночью группа прибыла в Майкоп и доложила о готовности провести силовое задержание. При этом сотрудники ФСБ по Адыгее должны были обеспечить проведение оперативно-следственных мероприятий следственной группой, в том числе оформление задержания и проведение следственных действий в квартире подозреваемого.

Но в машине, которая приехала утром за Атажаховым, находились ещё двое его подручных. Задержать опытного террориста в движущемся автомобиле без шума не получилось. Завязалась короткая перестрелка, но через несколько минут задача была выполнена без потерь, Атажахов оказался в руках оперативников.

На вопрос, кто остался в квартире, задержанный, не моргнув глазом ответил: «Жена и двое маленьких детей». Тогда сотрудники ФСБ ещё не знали, что у него дома скрывается опасный преступник. А главарь банды рассчитывал, что тот успеет сбежать до прихода опергруппы. Оперативники располагали данными, что бандит хранит в квартире оружие, поэтому следователь попросил руководство РОСО оказать помощь при обыске жилища задержанного.

В течение получаса сотрудники ФСБ безрезультатно звонили и стучали в дверь, громко и чётко представлялись, требовали впустить их внутрь, ссылаясь на наличие санкции прокурора на обыск, предупреждали об ответственности в случае сопротивления. За дверью – тишина.

В 7 часов 40 минут было принято решение проникнуть в квартиру. Следовательно, двое местных оперативников и трое сотрудников «Альфы» подошли ко входу. Наружную стальную дверь открыли ключами, изъятыми у задержанного. За ней оказалась вторая дверь – деревянная. Сотрудники ФСБ ещё раз громко потребовали открыть, и опять никто не ответил.

Участники операции расположились так: двое «альфовцев» – по обе стороны от двери, высокий, плечистый Александр Дёмин – напротив, готовый к броску, оперативники и следова-

тель – на лестничной площадке. Прозвучала команда «Штурм!», Дёмин одним ударом выбил дверь и в тот же миг из квартиры полоснула автоматная очередь. Она отбросила Александра назад, он упал у порога. Автомат грохотал, пули колошматили по стенам, вздымая фонтанчики штукатурки и рикошета от стальной дверцы электрощитка. Опустошив магазин, бандит швырнул гранату. Саша, оказавшийся ближе всех, прикрыл её своим телом...

После взрыва товарищи попытались оттащить от дверей тело Дёмина. Но в этот момент бандит открыл огонь из пистолета, затем выглянул из квартиры и, отпихнув ногой мешавшее тело, захлопнул дверь и запер её изнутри.

Помимо Александра Дёмина, тяжёлые ранения получили двое других «альфовцев» – Владимир Зайцев и Инвербий Джаримок, а также сотрудник УФСБ России по Республике Адыгея Сергей Садовничий.

Александр Дёмин скончался по дороге в больницу. В его теле медики нашли шесть пуль и множество осколков. Без отца остались сын Никита, дочки Таня и Даша. Не смогли спасти врачи и Сергея Садовниченко, также получившего множественные ранения: он умер через два месяца в центральном госпитале ФСБ в Москве. Двое «краснодарцев» – Зайцев и Джаримок – выжили.

За живым щитом

Личность преступника, прятавшегося в квартире, вскоре была установлена. Им оказался находящийся в розыске племянник Атажахова Азамат Тхитлянов. Обращаться с оружием он научился в Чечне. К дяде пришёл накануне ночью.

После перестрелки у двери Тхитлянов заявил, что находящиеся в квартире гражданская жена Атажахова и её несовершеннолетние дети – его заложники. Террорист выдвинул условие – освободить Аслана Атажахова и ранее задержанного Азамата Атажахова из-под стражи, а также предоставить оружие, автобус и возможность беспрепятственного выезда в Чечню. Иначе он угрожал не только расстрелять заложников, но и взорвать весь дом.

После всего произошедшего сомневаться в том, что он способен осуществить свои угрозы, не приходилось. По распоряжению созданного оперативного штаба, в который вошли представители ФСБ, МВД, прокуратуры и администрации города, из дома вывели всех жильцов, отключили газ, воду и электроэнергию. Оцепили квартал, перекрыли выезды из города.

Однако возникли непредвиденные осложнения. Некоторые родители уже ушли на работу, оставив в квартирах детей. Многие из них, слыша выстрелы (бандит время от времени стрелял по стенам и в открытые окна), отказывались открывать дверь. Выручили спасатели, эвакуировав детей через окна. Немало времени потребовалось, чтобы отогнать от окон близлежащих домов зевак, с интересом наблюдающих необычное представление и не подозревающих, что из открытых окон во все стороны разлетаются пули. Вскоре стало понятно, что в зону обстрела попадает и детский сад. Детей и персонал оттуда тоже эвакуировали.

Одновременно начались телефонные переговоры с бандитом. Их вёл начальник отдела по борьбе с терроризмом УФСБ России по Республике Адыгея подполковник Леонид Михайлюк. Переговоры были сложными: настроение Тхитлянова всё время менялось, порой доходя до истерики. Опасаясь снайперов, он большую часть времени лежал на полу в квартире и палил из автомата. А когда передвигался, прятался за спинами женщины и её детей.

Как потом установили, Тхитлянов всё это время был в состоянии наркотического опьянения. Больше всего он боялся штурма. Такой вариант действительно рассматривался, но при этом могли пострадать дети, поэтому он оставался запасным – на крайний случай. Тем более что не было окончательно ясно, кем в этой ситуации является гражданская жена Атажахова – заложницей или сообщницей преступника. Ведь она не раз выглядывала с балкона, проверяя,

не идёт ли подготовка к штурму. Да и забаррикадировать окна мебелью, как это было сделано, в одиночку не так-то просто.

Напряжённые переговоры продолжались целый день. Как описать то, что пришлось пережить за это время Леониду Владимировичу? Только что преступник расстрелял его соратников, под угрозой жизни детей, да и его собственная жизнь тоже: переговоры приходилось вести, глядя отморозку в глаза, под дулом автомата. Лишь около 21.30 Михайлюку всё-таки удалось убедить бандита сдаться.

Тхитлянов выбросил с балкона оружие, но из подъезда выходил, прикрываясь детьми. К его рукам скотчем были примотаны две гранаты. Пришлось продолжить переговоры вниз. В конце концов, слова победили оружие. Гранаты были обезврежены, больше от рук бандита никто не пострадал.

Верховный суд Адыгеи приговорил Азамата Тхитлянова к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Аслан Атажахов получил пять лет колонии общего режима.

Цветы на стене

Указом президента России прапорщик Дёмин Александр Владимирович был награждён орденом Мужества (посмертно). По решению городской Думы летом 1997 года одна из улиц столицы Кубани названа его именем. А решением Брюховецкого районного Совета Депутатов от 16 февраля 2001 года имя героя было присвоено средней школе № 8 станицы Чепигинской.

Он прожил на этой земле всего двадцать семь лет и пять месяцев. Он спешил жить, хотел всё успеть. И на своё последнее задание он не опоздал.

...Если вы окажетесь в столице Адыгеи, солнечном Майкопе, загляните на улицу Пионерскую. Там на углу дома 383 / 2 находится памятная доска с короткой надписью: «В этом доме 29. V. 97 при задержании террориста погибли сотрудники ФСБ России С. Садовничий и А. Дёмин». И на подставке по бокам, как две свечи, две узкие вазочки, в которых живые цветы – как живая память о тех, кто ушёл, чтобы мы остались.

Анатолий БОГОМОЛОВ

Смертью смерть поправ

Полковник САВЕЛЬЕВ Анатолий Николаевич (1946–1997)

Проводить его в последний путь пришли тысячи людей. Его – не поэта, не певца, не актёра, а действующего офицера Управления «А» ФСБ России, человека отнюдь не публичного. Пришли не только люди в погонах – от младших офицеров до генералов, от высших руководителей ведомств – среди которых директор ФСБ Николай Ковалёв и министр обороны Игорь Сергеев – до ветеранов спецслужб, но и простые москвичи, потрясённые трагедией, разыгравшейся у шведского посольства в эти декабрьские дни 1997 года.

Для многих собравшихся эта смерть стала личным горем. Ведь за почти четверть века, что Анатолий Николаевич Савельев отдал «Альфе», он стал легендой подразделения. Человек отчаянной храбрости и холодного расчёта, он был одним из тех, с кого начиналась Группа «А». Он прошёл с ней все горячие точки от Афганистана до Чечни, умел найти выход в самых сложных ситуациях, брался за самые рискованные задачи и выполнял их с блеском, вызывая уважительное восхищение сослуживцев. Многим из них он стал вторым отцом – заботливым, но

строгим. Кто-то его даже откровенно побаивался. Но только теперь мы почувствовали, какая пустота образовалась после его ухода. В песне «Наш командир», которую я посвятил Анатолию Николаевичу, есть такие строки:

*Как прежде, ветры разгоняют облака,
Как прежде, солнце утро зажигает.
Наш командир, мы слышим тебя издалека,
Как прежде, служим, но тебя не хватает.*

Нередко его гибель называют цепью трагических случайностей. Наверное, так оно и есть. Но то, что он добровольно взвалил всю тяжесть этой сложнейшей операции на себя, – отнюдь не стечение обстоятельств. Так он поступал всегда. Он всегда готов был пожертвовать собой ради других, «положить душу за други своя». Просто на этот раз Господь принял его жертву.

С подпорченной анкетой

Савельев родился 25 апреля 1946 года в Москве. Анатолием его назвали в честь дяди-танкиста, героически погибшего в годы Великой Отечественной войны. Мальчик рос без родителей: отца арестовали в 1947-м, мать нашла нового спутника жизни. Анатолия взяли на воспитание родители отца – Сысоевы, и бабушка, Александра Ивановна, стала для него мамой. До конца её дней он будет трепетно заботиться о ней.

Жили они бедно. Анатолий рано повзрослел. Дед умер, когда мальчику было четырнадцать. Бабушка забеспокоилась: «Ну всё, теперь внук под откос покатится...» Он ответил: «Не волнуйся, я воспитаю себя сам». И слово своё он сдержал. На следующий год, после восьмого класса, он поступил в Московский авиационный техникум имени Н. Н. Годовикова, который окончил в 1965 году.

В английском языке есть выражение – self-made man, то есть тот, кто сделал себя сам. Так говорят о тех, кто достиг успеха в жизни без посторонней помощи. Таким был Савельев. Он с детства занимался самообразованием. Много читал. Серьёзно занимался боксом: брал призовые места на первенстве Москвы и Советского Союза, выполнил норматив мастера спорта СССР. Зимой, завернувшись в одеяло, ночевал в беседке – закалялся. А по выходным ходил в театр. Ходил один: мальчишкам со двора это было неинтересно. Мальчишки мечтали стать ворами, это казалось романтическим. А Толя ходил на спектакли. Садился как можно ближе к сцене и смотрел очень внимательно. Всё это пригодилось во время службы в «Альфе» – и отличная физическая подготовка, и актёрские способности, и аналитический ум, развитый сотнями прочитанных книг. И потрясающая самоорганизованность, умение всё успевать.

После окончания техникума он пошёл работать в НИИ электронно-вычислительной техники. Через два года в турпоходе он познакомился с семнадцатилетней красавицей Наташей, но через несколько дней им пришлось расстаться: Савельев отправился на срочную службу.

Вообще-то он был освобождён от призыва – как единственный кормилец в семье. Но Анатолий уже выбрал свой путь – служба в органах госбезопасности. А как попасть туда с его анкетой? «Мать – совместно не проживаю, отец – прочерк; вторая бабушка по матери – немка, репрессирована». Только с хорошей характеристикой после военной службы. И он написал заявление, попросил родственников приглядывать за бабушкой и явился в военкомат...

Свою скудную армейскую зарплату Анатолий высылал домой, всю до копейки. Он привык заботиться о других, отказывая себе во всём. С Наташей они переписывались, а после возвращения из армии на втором свидании сделал ей предложение. Её выбор определил случай. Вот как рассказывает об этом сама Наталья Михайловна:

– Я ответила не сразу, сомневалась в своих чувствах к нему, присматривалась. Однажды – это было 8 марта – он не пришёл меня поздравить, хотя всегда отличался пунктуальностью, был внимательным и заботливым. Я поехала к нему узнать, что случилось. Оказалось, у него заболела бабушка; он бегал по аптекам, сидел с ней, менял бельё. Помню, я поразилась такому трогательному отношению и подумала: «Если он так к ней относится, то и ко мне будет внимателен». Тогда-то я и решила выйти за него^[17].

Первую рекомендацию в «органы» сержант Савельев получил от командира воинской части. Вторую технику первой категории НИИ электронно-вычислительной техники Савельеву дал Тимирязевский райком ВЛКСМ. И в 1971 году Анатолий стал курсантом спецшколы № 401 КГБ СССР – знаменитой Ленинградки. После её окончания в 1972 году прапорщик Савельев был направлен на службу в Седьмое управление КГБ СССР.

Работа в «семёрке» была именно тем, к чему так стремился Анатолий Николаевич. «Наружка» требовала не просто специальных знаний и крепких мускулов, но и внимательных глаз, хорошей памяти, аналитических способностей, отличной реакции и умения импровизировать, играть, как в театре, который Савельев любил с детства. Здесь раскрылась та сторона его характера, о которой командир части счёл нужным упомянуть в служебной характеристике: «Обладает чувством романтики». И не ошибся.

Не исключено, что эта характеристика сыграла свою роль и в 1974 году, когда в «семёрке» шёл отбор кандидатов в только что созданное секретное подразделение – Группу «А». Савельев любил свою работу, считал её по-настоящему интересной. Но обещание Виталия Дмитриевича Бубенина, назначенного командиром ещё не сформированного подразделения, что на новом месте будет ещё интереснее, заинтриговало его. И он согласился.

Но возникла проблема. Чтобы попасть в Группу, необходимо было пройти строгую медкомиссию. А Савельеву это вряд ли удалось бы: он слегка заикался. Но уже тогда он привык находить выход из любой ситуации.

Вместо себя на медицинскую комиссию Анатолий послал приятеля. Щуплый очкарик внешне совсем не походил на богатырски сложенного Савельева, но тот точно просчитал ситуацию. И проинструктировал приятеля: «Открой паспорт сразу на странице с фотографией. Смотри уверенно. Тогда никто и не будет вглядываться, тот человек перед ним или нет». И план сработал. Анатолия Савельева зачислили в Группу «А» на должность разведчика.

Он с увлечением начал постигать новые науки: вождение всех видов транспорта, прыжки с парашютом, использование спецсредств, приёмы выживания, маскировки и т. п. *«Отчётливо помню нашу первую встречу в 1977 году, когда я был назначен командиром подразделения, – рассказывает Геннадий Николаевич Зайцев. – Савельев в это время находился в служебной командировке. Он проходил стажировку в Рязанском воздушно-десантном училище. Вот он вошёл в кабинет – в форме десантника, крепкий и ладный. Представился. Показал свидетельство, сказал, что теперь он может самостоятельно проводить инструктаж по прыжкам с парашютом»*^[31].

Он не переставал учиться. Уже находясь в Группе «А», Савельев получил два высших образования: в 1976 году окончил физико-математический факультет Московского государственного педагогического института, а в 1983-м году – Высшую школу КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. Спецназовец с педагогическим образованием, мастер спорта по боксу, декламирующий наизусть Ахматову и Цветаеву, начальник штаба, делящий со своими подчинёнными все тяготы боевой командировки в горах...

Он был такой один. Он многое знал и многое умел. И был требовательным педагогом. Кое-кто из его подчинённых считал его ненормальным. На тренировках его сотрудники прыгали из окна, не зная, что находится внизу, бросались на едущий автомобиль, на полевых занятиях стреляли боевыми. «Ничего! П-пусть привыкают, в бою ц-целее будут», – говорил он.

А свой боевой экзамен ему пришлось сдавать в 1979 году в Кабуле.

Крещение Афганистаном

Об операции «Байкал-79» написано много. Это была потрясающая спецоперация как по масштабам целей и средств, так и по скорости её разработки и той доли авантюризма, которая отчасти и обеспечила ей успех, а потом и восхищение спецслужб всего мира. Самая известная её часть – штурм дворца Амина, в нём было задействовано большинство прибывших в конце декабря в Кабул офицеров подразделения. Но старшему лейтенанту Савельеву и лейтенанту Блинову⁷⁰ поручили другое задание – вместе с парашютно-десантным взводом захватить штаб ВВС. Это была первая боевая операция Группы «А», и всех переполняло стремление показать, что не даром столько лет прошли в тяжёлых тренировках. И каждый обдумывал, как лучше действовать на своём участке.

Анатолий Николаевич и Виктор Иванович, помня, что лучший козырь – внезапность, решили захватить штаб молниеносным штурмом. И наутро изложили свой план нашему военному советнику.

Вот как рассказывает об этом сам Анатолий Савельев:

– Мы с Блиновым пришли к нашему советнику, который находился в штабе, а тот говорит: «Никакого штурма, – и объясняет свой план: – По два человека проходим в здание. Спокойно, без суеты сосредотачиваемся в одном из кабинетов. Вторая половина взвода находится на удалении и, замаскировавшись, ждёт сигнала. Они разоружают внешнюю охрану, мы – внутреннюю».

Савельев не смутился и не обиделся. Он восхитился. План был прост, изящен и сулил успех без потерь личного состава.

– Афганцы даже внимания не обратили, когда в здание штаба ВВС стали время от времени входить наши десантники, – вспоминает Виктор Иванович Блинов. – Примерно в 19.30 мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали оружие, выставили свои посты. Советник предупредил, что в кабинете начальника штаба ВВС стоит гранатомёт. Ну, конечно, есть и личное оружие. Гранатомёт опасности не представлял. Кто будет стрелять из него в помещении? А пистолет... Тут уж надеешься на себя. В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит ему: «Вы арестованы, сдайте оружие». Разоружили и остальных афганских офицеров. Их заперли в комнату и выставили охрану. Операция прошла без единого выстрела.

По команде Савельева вторая группа десантников, находящаяся неподалёку от здания, за пару минут разоружила внешнюю охрану. Штаб ВВС был взят. Стояла тишина. Только со стороны дворца Амина раздавались выстрелы.

Доложив в штаб операции о выполнении задачи, Савельев вышел на улицу. Смеркалось, дул свежий ветер. Со стороны дворца Амина всё стихло. Стрельба переместилась в город.

Анатолий смотрел в тёмное небо. Подумал о ребятах: как-то там прошёл штурм? Вспомнил о Наташе, с которой даже не удалось проститься: улетали в Афганистан прямо с базы.

Вдруг в уши ударил звук взрыва. Савельев упал на землю и пригнул голову. Снова наступила тишина. Приподнялся, осмотрелся.

Снаряд попал в БМД, которая подтянулась к штабу и стояла у входа. Возле неё лежал солдат. Анатолий Николаевич кинулся к нему. Из штаба выбежали десантники и тоже бросились на помощь.

– Держи голову, голову держи! – кричал Савельев.

Вдвоём с подросшим бойцом они тащили молодого мальчишку.

– Он мёртвый. Кладём его, – сказал десантник и опустил его плечи и голову на землю.

⁷⁰ Виктору Ивановичу Блинову посвящён отдельный очерк этой книги.

– Подожди, может, выживет, понесли, понесли! – не хотел сдаваться Савельев, держа паренька за ноги.

– Умер. Сердце не бьётся, – сказал боец, склонившись над трупом.

Анатолий Николаевич медленно опустил ноги парня. Покойного накрыли курткой.

Савельев стоял и смотрел на тело. Взгляд упал на книжицу, что валялась рядом.

– Подожди, он что-то обронил, – сказал Савельев.

Нагнулся, поднял. Комсомольский билет. Раскрыл его. Кровь мешала прочитать фамилию солдата.

И только фотография осталась незапачканной. С неё смотрел белокурый мальчик и улыбался.

Первая смерть не забывается. Никогда.

Та афганская командировка Группы «А» затянулась до апреля 1980 года. По возвращении в Москву старшего лейтенанта Савельева ждала первая боевая награда – орден Красной Звезды. И – привычная круговерть «альфовской» службы: боевые дежурства, тренировки, командировки...

Ночь в Куфабском ущелье

Анатолий Николаевич возвращался в Афганистан ещё дважды, в 1984 и в 1985 годах. Это были так называемые боевые стажировки, когда новобранцы Группы «А» обкатывались в реальном бою. «Альфовцы» действовали «на подхвате», в составе десантно-штурмовых манёвренных групп (ДШМГ), которые решали локальные задачи. Их старались шадить, но война есть война.

Осенью 1985 года шла крупная операция в Куфабском ущелье. «Альфа» вместе с Керкинской ДШМГ, которую возглавлял капитан Юрий Михайлович Лапушко, зачищала местность в районе кишлака Махи-Нау, где скрывалась крупная банда «моджахедов». Когда она пошла на прорыв вдоль реки Пяндж, одна из десантно-штурмовых застав (2-я ДШЗ) отправилась преследовать бандитов. Вскоре пришло известие: убит старший лейтенант Андрей Рощинский, возглавлявший группу. Тогда Лапушко отправил на помощь 2-й ДШЗ начальника 1-й ДШЗ старшего лейтенанта Андрея Зубарева с небольшим отрядом. К ночи тот разыскал группу, принял командование заставой, расставил бойцов. Но когда офицер обходил посты, чтобы убедиться, что его подчинённые заняли надёжную оборону, прогремела очередь. Одна из пуль попала в пах и разорвала бедренную артерию. Фельдшер безуспешно пытался остановить кровь. Застава вновь осталась без командира.

Узнав об этом, Савельев упросил Лапушко разрешить ему с подчинёнными отправиться на подмогу. Дороги никто не знал. Темень в горах – глаз выколи. Путь группе указывали трассерами. Через некоторое время узкая тропа упёрлась в отвесную скалу. Анатолий Николаевич полез первым, приказав ребятам ждать, пока он не убедится, что путь безопасен. Вдруг он почувствовал, что его ноги потеряли опору, а камень, за который он схватился рукой, выворачивается из земли. Схватился за другой – выпал и он. А внизу – чёрная пропасть и не за что зацепиться. Он уже скользил в бездну, когда слова «Господи, помоги!» сами слетели с его губ. И в тот же миг под рукой оказалась спасительная колючка, удержавшая его на краю обрыва.

Утром Савельев со своими подчинёнными вернулся в штаб ДШМГ, принёс вещи и документы убитого командира. В ночном бою высоту они удержали. Но вскоре из-за больших потерь личного состава операцию решено было свернуть, а «Альфу» перебросили на другой участок.

Через несколько месяцев после возвращения в Москву Савельев был представлен ко второму ордену Красной Звезды. Но не меньшей наградой он считал то, что в ту тёмную ночь Господь зажёл в его душе огонь веры, который он пронёс через всю жизнь.

«Этот человек не афишировал ни своей веры, ни своих дел, – напишет после его смерти ветеран Группы «А» Дмитрий Макаров. – И не потому, что боялся быть непонятым – поповские, дескать, штучки. Нет. Просто он поступал так, как и должен поступать русский православный человек. Даже его жена, Наталья Михайловна, не знала, например, что её муж помог вернуть церкви Ново-Иерусалимский монастырь. Местные власти хотели сделать на его территории зону исторического туризма и отдыха. Казалось, что так и будет. Тогда Анатолий Николаевич взял документы, подготовленные православной общиной, и положил их на стол высокого руководства в Кремле»^[17]. Монастырь удалось отстоять. Истинно сказано в Евангелии от Матфея: «По плодам их узнаете их».

Право на сострадание

Тем, кто видел Савельева впервые, он казался классическим персонажем из советского фильма про разведчиков: суровое, словно высеченное из камня лицо, высокие скулы, волевой подбородок, большой лоб, глубоко посаженные, внимательные глаза. Казалось, он не умеет улыбаться. А своих врагов видит насквозь и карает беспощадно. Но родные и друзья знали, сколько любви и сострадания к ближнему скрывалось в его сердце. Ещё ребёнком почувствовав боль утрат, он научился не просто молчаливо сострадать, а приходить на помощь ближнему, не дожидаясь просьб и не ожидая награды.

Говорят, характер проявляется в мелочах. Вот одна из них. В часть везли новобранцев. Стоял трескучий мороз, а автобуса долго не было. Сильнее всех замёрз худенький парнишка в кепке: посинел, весь дрожит, зубы стучат. Анатолий, недолго думая, снял с себя шапку-ушанку и надел парню на голову. Тут и остальные спохватились, стали укутывать товарища.

А вот другая история. В марте 1989 года в Москве судили Якшиянца – отморозка, который со своими поделщиками несколькими месяцами ранее в Минеральных Водах взял в заложники детей с их учительницей, потребовав оружие, наркотики, два миллиона долларов и самолёт для вылета за рубеж. В противном случае он обещал расстрелять или сжечь всех заложников – бандиты разместили под сиденьями захваченного автобуса канистры с бензином. Многочасовые переговоры ни к чему не привели, и ради спасения детей его требования решили удовлетворить. Тогда Израиль пошёл нам навстречу и выдал террористов под гарантии сохранения им жизни. Савельев присутствовал на процессе, внимательно вглядываясь в лицо преступника, который до последнего издевался над перепуганными и измотанными детьми. Он знал, что Якшиянец – наркоман и уголовник с тремя ходками в прошлом, что для него нет ничего святого, что при неблагоприятном стечении обстоятельств он, не задумываясь, забрал бы жизни десятков маленьких заложников. Он всё это знал. И всё же потом признался жене, что пожалел Якшиянца. Как сказал он сам, «сильно, до боли в груди». Он видел неглупого, небесталанного человека, который так скверно распорядился собственной судьбой.

Такую милосердную, всепрощающую, по-настоящему христианскую любовь сегодня редко встретишь в людях даже менее суровых профессий. Как знать, не это ли сострадание чужой боли до боли своей подточило его сердце до срока?

Савельев, выросший в бедной семье, где каждая копейка на счету, рано узнал цену деньгам. Но ещё раньше он узнал цену доброты, которую деньгами не измерить. Он был бессребреником, широкой душой. Как-то раз один из сослуживцев отмечал юбилей, звал Савельева в гости. Тот, не имея возможности принять приглашение, поблагодарил, снял с руки недавно подаренные ему золотые часы и отдал юбиляру. А однажды приютил на своей даче незнакомого человека, попавшего в беду...

А уж о своих близких Анатолий Николаевич заботился особенно трепетно. Наталья Михайловна вспоминает такой эпизод:

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

Анатолий Савельев с супругой и дочерьми. (Фото из архива Алексея Филатова)

(Фото из архива Алексея Филатова)

— Как-то мы гуляли по Арбатскому вернисажу, и мне понравилась картина, на которой был изображён мальчик с козой. Тогда ему не удалось купить картину: денег не хватило. И он, представляете, полгода ходил, при всей своей занятости, искал после работы ту самую

«Козу», наконец, нашёл, принёс и подарил мне. Я к тому времени и думать о ней забыла, поэтому была потрясена и тронута. А он поцеловал меня и, улыбнувшись, сказал: «Кто ищет, тот всегда найдёт»^[10].

Этот маленький эпизод иллюстрирует важную черту характера Анатолия Николаевича, подмеченную ещё его командиром части, – привычку доводить до конца начатое дело, идёт ли речь о подарке любимой или о спецоперации. Эта хватка в сочетании с бесстрашием, помноженным на точный расчёт, и с талантом импровизации сделала Савельева одним из лучших оперативников Группы. Может быть даже – лучшим.

Мастер импровизации

Просчитывать ситуацию и принимать нестандартные решения Савельев научился задолго до прихода в КГБ. Его сослуживец вспоминает такой эпизод их армейской жизни:

– Мы служили в Молдавии, и однажды при передаче помещения от одного взвода другому между молдаванами и русскими возник конфликт: наши требовали привести помещение в порядок, молдаване отказывались. Слово за слово, кто-то уже потянулся к автомату, щёлкнул затвор. Тут Анатолий и говорит: «Ребята, вы меня сначала убейте, а потом между собой разбирайтесь!» Это было так неожиданно, что пацаны опомнились и обстановка разрядилась...

А в конце 80-х Савельеву пришлось стать «преступным авторитетом» – правда, на время и по заданию Комитета.

В эти годы на окраинах Советского Союза стали всё смелее поднимать голову националисты. Помимо идеологической войны, объявленной государству, они готовили теракты и вооружённые провокации, чтобы вызвать столкновения на межнациональной почве. Возник спрос – появилось и предложение. Стали формироваться банды, специализирующиеся на контрабанде оружия. «Почётное» первое место по масштабам этого криминального бизнеса занимал Кавказ. Но агентурная сеть КГБ ещё исправно работала, и когда главари экстремистов в одной из республик региона отправили своих эмиссаров на поиски оружия, это тут же стало известно в Москве.

Анатолию Савельеву и сотруднику Пятого управления КГБ Владимиру Луценко поручили внедриться в эту преступную группировку. Легенда была проста: они торговцы и готовы продать оружие.

Савельев и Луценко готовились к спектаклю очень серьёзно: от того, как они сыграют свои роли, зависела их жизнь. Репетировали тщательно: отрабатывали блатные жесты, говорили на фене, тренировали характерную бандитскую улыбочку. Даже ходить стали вразвалочку.

Встреча с бандитами прошла на ура. Чеченцев принимал «авторитет» Луценко. Принимал шикарно, как дорогих гостей. Савельев изображал «младшего». Вся красота снималась на семь камер. Я видел эту запись. Савельев и Луценко говорили и вели себя, как настоящие уголовники – напористо, развязно, но соблюдая понятия. На чеченцев приём тоже произвёл впечатление, так что хозяева получили встречное приглашение – в Грозный, где переговоры должны были продолжиться.

«Альфа» вылетела на Кавказ брать бандитов.

Перед встречей Анатолий Николаевич достал из-под сиденья автомобиля автомат и спокойно сказал напарнику: «Если что, отходи за машину, я прикрою». Но всё прошло по плану: в назначенный час спецназовцы скрутили всех – в том числе и своих. В интересах дела их отделили наравне с чеченцами и приковали друг к другу наручниками.

– Славно сработано, ребята, – похвалил руководитель операции, когда бандитов увезли. – Отстёгивайте наших.

Но тут выяснилось, что никто не знает, куда делись ключи от наручников. И тогда мужчины – побитые, помятые, прикованные друг к другу – расхохотались. Это было и вправду смешно.

Когда разгорелся Карабахский конфликт, Савельев неделями мотался между готовыми к схватке сторонами, предотвращая кровопролитие. Действовал не силой оружия, а убеждал разгорячённых людей, демонстрируя «дипломатический пилотаж». Но вдруг он пропал, и нам сообщили, что его захватила в заложники экстремистская армянская группировка. Ситуация складывалась драматическая. Начать силовую акцию – значит спровоцировать побоище. Но и сидеть сложа руки, когда жизни твоего товарища угрожает опасность, тоже никто не собирался. Офицеры тщетно ломали голову в поисках выхода. С момента исчезновения Савельева прошло уже больше суток.

Вдруг раздался стук в дверь и на пороге возник сам Анатолий Николаевич – живой и невредимый. Вопросы посыпались со всех сторон: «Что случилось? Как удалось выбраться?» Но он отшутился: «П-провёл воспитательную работу, и ребята п-поняли, что они не правы».

В этом был весь Савельев. Он не любил раскрывать секреты своих импровизаций.

Под обломками империи

– Иногда казалось, что он человек отчаянный, – характеризовал Савельева полковник Владимир Луценко. – Но на самом деле он всегда действовал в высшей степени расчётливо. Он был профессионалом самого высокого класса, знал службу не по учебникам или докладам подчинённых, а по жизни и собственным отчётам о выполнении заданий. Много раз он попал в такие ситуации, из которых выйти живым было просто невозможно. Анатолий всякий раз каким-то непостижимым образом справлялся с ситуацией. Я обязан этому человеку своей жизнью...^[17]

Мотаясь по горячим точкам, Анатолий Николаевич не мог и представить, что пламя полыхнёт в Москве и на улицы любимого города будет введена тяжёлая техника. Вместе с товарищами ему предстояло взять штурмом Белый дом. Руководство всей операцией было поручено Герою Советского Союза Виктору Фёдоровичу Карпухину⁷¹. Однако ситуация развивалась совсем в другом направлении, нежели того хотели организаторы ГКЧП, и упущенная ими возможность, когда сотрудники Группы «А», окружив дачу в Архангельском, были готовы арестовать Ельцина, переросла в цепь фатальных ошибок и неудач.

Из протокола допроса начальника отделения Группы «А» Анатолия Савельева:

– Как профессионал, скажу, что в техническом плане штурм здания Верховного совета РСФСР не представлял особой сложности, наши люди хорошо подготовлены и смогли бы выполнить поставленную задачу. Но на каком основании мы должны были проводить такую операцию? Если бы мы, допустим, знали, что здание Верховного Совета заняли депутаты какой-нибудь одной республики России, это было бы незаконно и могло рассматриваться как противоправное действие, что оправдывало бы применение нашей Группы. И совсем другое дело, когда речь идёт о законном местонахождении законно избранных депутатов России. Но как быть с приказом? Чтобы найти выход из положения, в котором мы оказались, я предложил своему коллеге Гончарову и другим в разговоре с начальством ссылаться на то, что поставленное задание невозможно выполнить по техническим причинам. После рекогносцировки мы, начальники отделений, стали говорить, что проводить штурм здания невозможно^[57].

⁷¹ Виктору Фёдоровичу Карпухину посвящён отдельный очерк этой книги.

И тогда, в августе 1991-го, и потом, в октябре 1993-го, офицеры и руководство «Альфы» были поставлены перед нелёгким выбором. Фактически в их руках оказалась судьба огромной страны. Сегодня легко рассуждать о том, как надо было действовать тогда, что было правильно, а что нет. Но я считаю, что и в той, и в другой ситуации руководство подразделения сделало единственно правильный выбор, не переступив через свою офицерскую совесть и честь. Тогда, в 1991-м – впервые в истории Группы «А» – её руководитель, Герой Советского Союза Виктор Фёдорович Карпухин, бесстрашный боевой офицер, один из героев штурма дворца Амина в Кабуле, вынес вопрос о выполнении приказа, хотя и устного, на «суд чести» руководителей отделений. Ведь при штурме Белого дома неизбежно погибли бы гражданские лица. Второй раз «Альфа» отказалась выполнять приказ о штурме того же Белого дома в 1993-м, но сделала то, чему её учили, – разрешила конфликт без потерь конфликтующих сторон. К сожалению, ценой жизни своего офицера⁷².

Ельцин не простил элитному подразделению гуманного отношения к своим политическим противникам. «Альфа» оказалась в опале. Многие тогда, не видя впереди никакого про света, покинули её, занялись бизнесом. Савельев остался. Не потому, что деваться было некуда – с его опытом и талантами коммерческие структуры ждали его с распростёртыми объятьями. Нет, он опять думал не о себе – о других, тех, кто придёт ему на смену. Их же надо всему научить, воспитать, передать им боевой опыт! Он верил, что «Альфа» будет жить. Он оставался одним из немногих, кто ещё в это верил, особенно после событий в Будённовске.

Чеченский след

Июнь 1995-го вписал трагическую страницу в историю «Альфы», да и России в целом. Кадры больницы Будённовска, захваченной боевиками Шамиля Басаева, облетели весь мир. И через несколько дней – кадры того, что от неё осталось после штурма. В том бою «Альфа» потеряла троих офицеров, более двух десятков были ранены, некоторые из них получили тяжёлые увечья и больше никогда не смогли вернуться в строй.

С военной точки зрения штурм провалился: к больнице смогли прорваться единицы, внутрь не проник никто. Но, как ни странно, именно благодаря ураганному огню потери «Альфы» в тех условиях оказались минимальны. Здание было заминировано, террористы умело прикрывались заложниками (в палатах и коридорах больницы их было около двух тысяч), и если бы бой переместился внутрь, сбылись бы мрачные прогнозы начальника штаба «Альфы» Анатолия Савельева. В этом случае возможные потери в личном составе оценивались в 72 процента, а среди заложников – все 90. При таком раскладе проще было вызвать авиацию и сровнять здание с землёй. Потери среди заложников – почти такие же, только «Альфа» осталась бы цела.

Эти расчёты, доказывающие бессмысленность лобового штурма хорошо укреплённого здания больницы, Савельев представил в штаб операции, но руководство МВД спешило выполнить приказ президента, не особо вдаваясь в детали. А судьба «чужого» подразделения («Альфа» в тот момент находилась в составе Главного управления охраны), равно как и заложников, похоже, не слишком волновала руководителей операции⁷³.

Но случилось чудо. Неудавшийся штурм изменил расклад сил и настрой террористов. Басаев уже не надеялся, что его первоначальные требования будут выполнены, и стал искать компромисс. В результате удалось освободить заложников, но банде дали уйти на территорию Чечни.

⁷² Речь о Геннадии Николаевиче Сергееве, которому посвящён отдельный очерк этой книги.

⁷³ Подробно эта операция описана в моей книге «Будённовский рубеж. Расследование участника событий». – *Прим. авт.*

В том же году Анатолий Николаевич с сотрудниками «Альфы» отправился в горы – на поиски главаря бандитов, от рук которых на Ставрополье погибли полторы сотни человек. Но тогда «террористу номер один» удалось ускользнуть. Потом ещё будут спланированные им «Норд-Ост» и Беслан, но эти трагедии, как и ликвидацию их режиссёра, в этой жизни Савельев уже не застанет.

За непосредственное участие в организации и проведении боевых операций по освобождению заложников в городе Будённовске и посёлке Первомайский в 1996 году полковник Савельев был награждён орденом «За военные заслуги».

Будённовские события стали переломным моментом в жизни многих «альфовцев». Кто-то покинул подразделение, кто-то обратился к Богу, кто-то потянулся к стакану, у кого-то произошёл психологический надлом. Для семьи Савельевых они тоже стали тяжким испытанием.

«Счастье любовью признать эту муку»

Наталья Михайловна и Анатолий Николаевич давно задумывались о том, чтобы обвенчаться. Окончательное решение было принято накануне серебряной свадьбы. Но назначенное на июнь 1995 года венчание не состоялось: помешал Будённовск.

Для Натальи Михайловны эта неделя напряжённого ожидания стала последней каплей. В Россию пришла война, и муж ушёл на войну. По всем телеканалам идут репортажи один другого тревожней. Объявили о том, что погибли трое «альфовцев», а от Анатолия по-прежнему нет вестей...

Да, она так и не смогла привыкнуть к неизвестности. К тому, что узнавать о муже приходится из новостей по телевизору. К тому, что из Афганистана вместо писем от любимого шли цинковые гробы. К тому, что так продолжается уже много лет и конца этому не видно.

Однажды, когда муж находился в очередной командировке, у неё родились пронзительные строчки:

*Уехал. Одна. Хочу позабыться,
Исчезнуть. Уснуть. Раствориться.
Чужим каблукom растоптаться
И талой водой расплескаться.
Но всё это прячу. Подальше, поглубже,
Как будто алмаз хороню в мутной луже.
И жду, чтобы снова очнуться, проснуться,
Увидеть, обнять, ощутить, ненавидеть —
За боль, за тоску, за разлуку,
За счастье любовью признать эту муку.*

Да, она знала: муж любит её горячо и глубоко. Но знала она и другое: на первом месте у него всё-таки служба.

Нет, она не ревновала его к работе. Она просто не находила себе места от беспокойства. Афганские командировки 80-х были даже хуже, чем Кабул 79-го: все уже понимали, что такое Афганистан. А теперь ещё и Чечня...

Она уже проходила лечение в клинике неврозов. Это было серьёзно. На этот раз, после Будённовска, она не выдержала:

– Не могу больше! Или я, или служба!

Она знала, что нельзя так ставить вопрос. Но ничего не могла с собой поделать.

Тогда, ни слова не говоря, Савельев взял жену и дочь на похороны погибших в Будённовске офицеров. Подходил к их родным и просил прощения, что не уберёт ребят. Потом, повер-

нувшись к жене, спокойно сказал: «Ты не можешь? Ты и уходи! А я никуда не уйду!» Наталья Михайловна поняла, что свой крест ей предстоит нести до конца дней. Больше супруги никогда не возвращались к этому разговору.

А 15 июля они всё-таки обвенчались. Анатолий Николаевич был в строгом костюме, при галстуке, Наталья Михайловна – с белым ажурным платком на голове. На сохранившейся плёнке видно, как во время таинства корону над её головой держит сотрудник «Альфы» Александр Георгиевич Репин. Счастливые, они выходят из ограды церкви под радостный перезвон колоколов...

Говорят, однажды Савельев буквально вымолил свою жену, которая тихо угасала в госпитале. Врачи умыли руки, фактически отказавшись от дальнейшего лечения. По их мнению, болезнь прогрессировала и остановить её уже не представлялось возможным. Анатолий Николаевич приходил каждый день, улыбался: «Всё будет хорошо». И действительно, это «хорошо» вдруг настало. К удивлению врачей, больная пошла на поправку. И только много позже, уже вернувшись домой, Наталья Михайловна узнала от дочерей, что, пока она болела, её муж каждый день ходил в церковь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.